

СВАЛНАКХИТА ДЖИВАНН.

Автобиография
Бхагтивинода
Тхакура



Тхакур Бхактивинод Сваликхита Дживани. Автобиография Бхактивинода Тхакура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54032082

ISBN 9785449866448

Аннотация

«Сваликхита Дживани» представляет собой автобиографию, написанную в 1896 Кедаранатхом Даттой (также известным как Бхактивинод Тхакур) – видным деятелем бенгальского ренессанса, философом, поэтом и реформатором Гаудия Вайшнавизма, который способствовал его возрождению в конце 19-го и начале 20-го столетий, и рассматривается учёными и последователями традиции Бхакти как самый влиятельный Гаудия Вайшнавский лидер своего времени.

Содержание

От переводчика	9
Примечание Шримана Лалиты Прасада к первому бенгальскому изданию	11
Рождение и раннее детство	13
❖ Потомки	17
Улаграм	21
❖ Учёба в деревенской школе, религиозные фестивали	24
Джагаддхатри-пуджа	24
Дурга-пуджа	27
Кали-пуджа	28
Дола Ятра	28
❖ Школа	30
❖ Процветание Улы	40
❖ Учёба в колледже в Кришнанагаре	43
❖ Возвращение в Улу	48
❖ Жизнь в Уле	52
❖ Смерть отца и другие события	56
Первые размышления о жизни, смерти и Боге	60
❖ Первые литературные опыты	69
❖ Первый брак	71
❖ Дальнейшая жизнь в Уле	75
❖ Переезд в Калькутту и учёба в Школе	78

индийской благотворительной миссии	
❖ Возвращение в Улу и знакомство с членами секты Картабхаджа	81
❖ Продолжение учёбы в Калькутте. Успехи на литературном поприще	87
❖ Трагедия Улы	95
❖ Душевные страдания, друзья, метафизические поиски	99
❖ Смерть бабушки	112
Начало семейной жизни и карьеры	115
❖ Смерть деда	119
❖ В роли школьного учителя	126
❖ Директор школы	130
❖ Симпатии к христианству	133
❖ Смерть первой жены и второй брак	137
❖ Начало работы в налоговой инспекции	140
❖ Продолжение литературной деятельности	145
❖ Дальнейшая карьера чиновника и рождение детей	148
Обращение в Вайшнавизм	169
❖ Частые переезды и продвижение по службе	173
❖ Перевод в Пури	175
❖ Дело Атибари Бисакишана	180
❖ Вайшнавизм в Джаганнатха-Пури	185
❖ Продолжение работы, семейные заботы и болезни	193

❖ Жизнь в Нараиле и публикация Шри Кришна Самхиты	198
❖ Посвящение в традицию Гаудия Вайшнавизма	203
Переезд в Калькутту и новые места службы	207
❖ Подготовка к публикации Вайшнавской литературы	218
❖ Семейная трагедия	220
❖ Публикация Вайшнавской периодики и книг	226
❖ Переезд в Кришнанагар и милость Шри Гуру	231
❖ Чудо в Маяпуре	239
❖ Болезни, свадьбы детей, посещение Улы	242
❖ Отпуск продолжительностью в два года и начало проповеди	251
❖ Паломничество в Шри Вриндаван Дхам	253
❖ Пребывание в Айодхье	256
❖ Возвращение в Надию	262
❖ Отставка	265
Приложения	268
❖ Ула/Бирнагар и род Шрилы Бхактивиноды Тхакура: краткий очерк	268
❖ Каястхи	274
❖ Шри Випинавихари Госвами (1850—1919)	277
❖ Шриман Лалита Прасад Датта	280

Сваликхита Дживани. Автобиография Бхактивинода Тхакура

Тхакур Бхактивинод

Перевод с английского Максим Катрычев

Корректурa Виктория Канафеева

Каллиграфия на обложке Елена Мещанская

Дизайн Анна Чайковская

© Тхакур Бхактивинод, 2020

ISBN 978-5-4498-6644-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Kedarnath
Bhakti Union -
21 June 96

От переводчика

«Сваликхита Дживани» представляет собой автобиографию, написанную в 1896 Кедарнатхом Даттой (также известным как Бхактивинода Тхакур) – видным деятелем Бенгальского ренессанса, философом, поэтом и реформатором Гаудия Вайшнавизма, который способствовал его возрождению в конце 19 и начале 20 столетий, и рассматривается учёными и последователями традиции *бхакти* как самый влиятельный Гаудия Вайшнавский лидер своего времени.

Написанная по просьбе сына Бхактивиноды Лалиты Праасада, книга содержит воспоминания, охватывающие период от рождения автора в 1838 до его отставки (отставки с места службы) в 1894.

«Сваликхита Дживани» была опубликована Лалитой Праасадом¹ в 1916, после ухода Бхактивиноды.

Везде в тексте, где Бхактивинода обращается к читателю, говоря ему «ты», подразумевается адресат дневника Шриман Лалита Праасад Тхакур (1880—1981).

В основу перевода «Сваликхита Дживани» на русский язык положен перевод дневника с бенгали на английский, осуществлённый Шукаваком Дасом, индологом, религиоведом и преподавателем санскрита (США/Канада). Перевод Шукавака был отредактирован

¹ см. приложение

неизвестным, выступающим под аббревиатурой KDA; именно эта исправленная версия была использована в качестве исходного материала для перевода на русский. Примечания, обозначенные знаком «*», принадлежат переводчику на русский.

Примечание Шримана Лалиты Прасада к первому бенгальскому изданию

«Я опубликовал „Сваликхита Дживани“, написанную моим отцом, адресуя её тем, кто испытывает к нему привязанность и очень дорожит им. Мой досточтимый отец дал мне указание не злоупотреблять ничем, что вышло из-под его пера. Таким было его желание. По этой причине я не могу дать эту книгу обычным людям. Лишь человек, питающий безусловную любовь к моему отцу и веру в него, достоин читать этот труд. Если же кто-то, читая это произведение, станет толковать его на свой лад, вразрез с желаниями отца, то бремя ответственности за это будет возложено исключительно на плечи такого человека; моей вины в том не будет».

«Сваликхита Дживани» Шрилы Саччидананды Бхактивиноды Тхакуры, 181 Маникатал Стрит Бхакти Бхаван

«Ты расспрашивал меня о фактах моей биографии.

Я записал на бумаге всё, что сумел вспомнить. Пожалуйста, позаботься о том, чтобы эта история не стала предметом злоупотреблений».

Kedarnath Dutt
Bhakti Vinod -
16 Feb 95

Рождение и раннее детство



Я родился² в 1160 году эры Сакабда в 18-ый день месяца Бхадра в доме своего деда по материнской линии, в деревне Ула (или Улаграм), также известной как Биранагара.

Моё рождение соответствует следующим датам: 1760 год эры Сакабда;³ 352 год эры Шри Гаурабда; 2 сентября 1838 от Р. Х.; 1245 год эры Бангабда.

Как Биранагара пользовалась в Бенгалии репутацией богатой деревни, так и мой дед по матери Шри Ишвара Чандра Мустафи был знаменит в качестве процветающего землевладельца. Его выдающаяся щедрость была известна во многих областях Бенгалии. Из всех окрестных селений люди приходили посмотреть на его знаменитый дворец. В округе Надия деревня Биранагара (Ула) была особенно известна своим богатством и счастливой жизнью её обитателей.

² Бенгальский оригинал дневника содержит рисунок гороскопа Шрилы Бхактивинода Тхакура, составленный его дедом Раджаваллабхой Даттой. См. фото.

³ Эра Сакабда (Сакская эра) – Сакская эра или эра Шаливаханы – распространённая в Индии и Камбодже система исчисления лет с 15 марта 78 года н. э., когда правитель династии Сатавахана по имени Гаутамипутра Сатакарни (более известный под тронным именем Шаливахана) разгромил полукочевые племена саков, образовавшие Индо-скифское царство. На сакской эре основаны единый национальный календарь Индии и календарь буддистов Камбоджи.

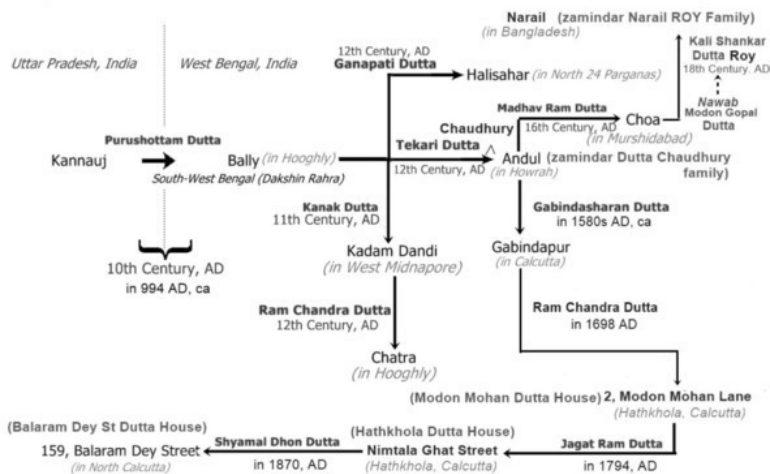
нья-кубджа – каястхи⁴.

⁴ Рассказ о роде Шрилы Бхактивинода Тхакура приводится далее как отдельное приложение

Потомки

Шри Пурушоттама Датта был одним из числа пяти *ка-ястх*, пришедших в Гауду по приглашению царя Адисуры. Эти пятеро были Макаранда Гхош, Дашаратха Васу, Калидас Митра, Дашаратха Гуха и Пурушоттама Датта. Семья Пурушоттамы Датты осела в Балиграме. Позже некий представитель его рода осел в Андулаграме и стал известен как глава всего сообщества *каястх*⁵.

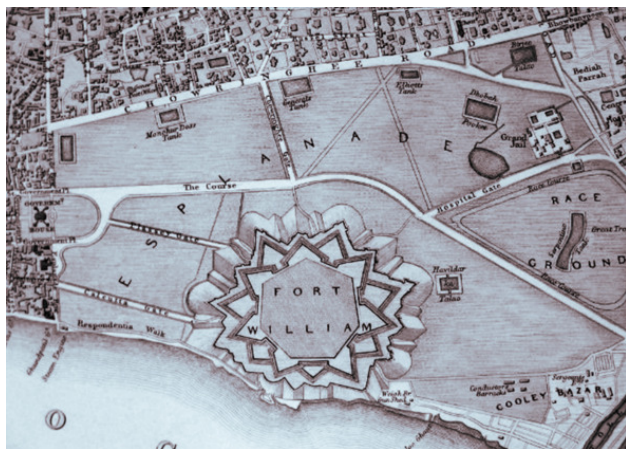
Bharadwaja Gotra Kayastha Kannaujiya **DUTTA** Family Branches



⁵ Подробности в статье «Каястха» в приложении.

Часть семейного дерева семьи Датта (Бхарадваджа Готра Каястха Каннауджия)

Шри Говиндашаран Датта был семнадцатым потомком Пурушоттамы Датты. Говинда Шаран, передав своему брату Хари Шарану все имения в Андулаграме и основав, благодаря щедрости султана Дели, деревню Говиндапур на берегу Ганги, сделал её своей резиденцией. Со временем Говиндапур оказался в руках британцев и был превращён в крепость (Форт-Уильям). Взамен семья Датта получила землю в Хатакhole, где они основали новое поселение. С того времени род Датта известен как Хатакхола Датта.



Форт-Уильям на месте провинции Говиндапур

Двадцать первым потомком Пурушоттамы Датты был знаменитый Маданмохан Датта. Он был первым в роду Хатакхола Датта и пользовался репутацией очень религиозного человека. Всем бенгальцам были известны его труды в районе горы Прешташила в Гайе и в иных местах. Мой дед по отцу Раджаваллабха Датта был внуком Маданмохана Датты.

Так случилось, что Раджаваллабха утратил всё своё богатство. Из-за этого мой отец Анандачандра Датта оставил свою резиденцию в Калькутте и поселился в деревне моего деда, расположенной в Ориссе. По этой причине он не присутствовал во время моего рождения в Биранагаре.

Мой отец Анандачандра Датта Махашая был крайне религиозен, порядочен и свободен от чувственности. Он был настолько хорош собой, что многие говорили, что в Калькутте того времени никто не мог сравниться с ним в красоте.

Моей матерью была Шримати Джаганмохини. Она была наделена разумом, порядочностью и преданностью моему отцу; можно сказать, что ей не было равных.

Моего деда лишили всех его владений, поэтому отец пожелал переехать в Ориссу. Дед заметил ему: «Вначале приезжай один и осмотришься, а позже сможешь перебраться в Ориссу со всеми домочадцами».

Деревня, известная как Чоти Говиндапур, стояла на берегу реки Вирупы в округе Куттак в штате Орисса. В этой деревне находилась резиденция моего отца и деда. Моему отцу принадлежали эта деревня и другие деревни в округе. Когда

умер Рая Джаганнатха Прасада Гхош Махашая, единственным наследником оказался мой отец.

Поэтому вся оставленная им (Раем Джаганнатхой Прасадой Гхошем) собственность стала достоянием моего отца. Пока значительное богатство моего деда оставалось неприкосновенным, у отца и деда не возникало желания закрепить свои права на него.

Затем, после смерти Раи Раи Джаганнатха, вся собственность осталась в руках его слуг *кханаджат*⁶, главным из которых был Рамахари Даса. Этот слуга завладел всем.

Тогда мои дед и бабушка, которые нищенствовали в Калькутте, отправились в Чотимангалапур, но Рамахари Даса, проявляя строптивость, отказался выпускать бразды правления из своих рук. Из-за этого моему отцу приходилось наведываться туда на протяжении почти трёх лет, до окончания судебного разбирательства. Когда дед и бабушка переехали из Калькутты в ОриССу, то отец и мать переселились в Улаграм, взяв Абхаякали, своего первенца, с собой.

⁶ Скорее всего, обозначение одной из каст (*джати*) обслуживающих трапезу (*кхана*).

Улаграм



Политическая карта Индийской Империи 1909 год.

В пору их жизни в Улаграме⁷ родился мой старший брат Калипрасанна. Проведя в Биранагаре несколько дней, мой отец по просьбе деда отправился в Ориссу. Слуга Рамахари Даса не отказывался от притязаний на собственность до тех пор, пока отец не явился лично.

Как уже было сказано, мой дед Раджаваллабха попросил отца покинуть Улаграм и на время приехать в Ориссу. Мне было лишь несколько месяцев в утробе матери, когда отец

⁷ Приложение:

направился в Ориссу. Находясь в Ориссе, отец получил известия о моём рождении. После того как тяжба завершилась, мы овладели собственностью, поэтому мой отец надолго задержался в Ориссе.

По словам матери, после моего рождения, в течение двух или трёх дней она страдала от послеродовых мук. Время моего рождения астролог зафиксировал, используя песочные часы. Кроме того, время рождения было определено с помощью западной хронологии.

Мой дед по матери был владельцем несметного богатства и обширных земель. В нашем дворце жили сотни слуг и служанок.

Мой вес при рождении был изрядным. У меня был старший брат, Абхаякали, к моменту моего рождения уже покинувший мир. Второй брат, Калипрасанна, был ещё жив. Я был третьим сыном отца.

Говорили, что я оказался самым невзрачным среди всех сыновей. Но мать говорила: «Очень хорошо, пусть этот мальчик будет слугой остальных, лишь бы только жизнь его была долгой».

Мать рассказывала, что, когда мне было восемь месяцев, на моём бедре появился нарыв, из-за чего я ослаб и исхудал. Я также слышал, что однажды, когда моя няня Шибу сносила меня по лестнице, я порезал язык о зубы. До сего дня на моём языке остаётся шрам. Это случилось, когда у меня резались зубы.

Когда мне было почти два года, мой отец вернулся из Ориссы. Няня рассказывала, что за несколько дней до возвращения отца я увидел, как ворона садится на жердь и пропел в рифму:

как, кал кал, джхингера пхул/ баба асета, наде басо

«О, ворона, чёрная-чёрная, цветок тыквы *джхинга*, отец приезжает, сядь в сторонке».

Пока я произносил стишок, ворона перелетела в другое место. Окружающие увидели это и заметили: «О, твой отец непременно вскоре придет». Так вышло, что спустя несколько дней мой отец прибыл в наш дом в Уле.

Учёба в деревенской школе, религиозные фестивали

Я слабо помню события первых трёх или четырёх лет жизни, и многое, о чём пишу, было мне рассказано. Я помню, как в три года ходил в школу под началом Карттики Саркары. Даже сейчас я отчётливо помню трость, которой он нам грозил.

Школа была расположена на длинной веранде здания *Пуджи*⁸. Многие деревенские мальчики посещали её. Махеш Бабу, мой кузен по матери, Кайласа Датта, родственник моего деда, Махендра Васу, Шьямалал Митра и другие также посещали школу. Карттика Саркара был очень суров, и все мы его боялись. В те дни умер брат матери Гириша Бабу.

Подрастая, я становился полон любопытства и стремился всё увидеть. В доме деда проводились всевозможные праздники.

Джагаддхатри-пуджа

С огромной пышностью праздновалась Джагаддхатри-пуджа⁹, особенно ночью. Сотни канделябров украшали

⁸ Пуджа – ритуальное поклонение

⁹ Джагаддхатри («Вседержительница») – ипостась Богини Дурги, культ которой особенно популярен в Западной Бенгалии. Она символизирует *гуну саттву*, в то

здание *пуджи*.

Бачара – обучение проводилось за стенами здания *пуджи*. Фонарями были увешаны все колонны и подпорки. Всех стражников рядили в сепойскую¹⁰ униформу. Многочисленные статные мужи в одеяниях, расшитых золотом, приезжали из Ранагхата и Шантипуры. Их сопровождали многие телохранители и солдаты. Многолюдностью сцена напоминала лес из людей, а иллюминацией – битву на Курукшетре.

время как Дурга и Кали символизируют *раджас* и *тамас*, соответственно. Джагдхатри изображают цвета восходящего солнца, с тремя очами и четырьмя руками, держащими чакру, раковину, лук и стрелы, в красном платье, украшенную драгоценными камнями и *нагаджангопавитой*, священным шнуром в виде змея. Она восседает на льве, стоящем на трупе Кариндрасуры, демона в образе слона.

¹⁰ *Сипаи* или *сепои* – наёмные солдаты в колониальной Индии, рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами, чаще всего англичанами, из среды местного населения.



Джагаддхатри («Вседержительница») – Богиня Дурга

Пространство было заполнено огнями фейерверка; то было буйство помпы и роскоши. В первую ночь давались тан-

цевальные представления в стилях *киемат* и *байнат*. В это время люди были настолько веселы, что теряли всякое чувство религиозного действия. Поздно ночью проходила *бекаби-гана*, состязание певцов. На закате я слушал его, но *кави-валла*, исполнители, вопили так немилосердно, что у меня начинали болеть уши. Божество Богини Джагаддхатри наряжали в лучшие одежды. Праздничные блюда были источником всеобщего удовольствия.

Дурга-пуджа

Дурга-сева была великолепна. Каждый день в храме совершалось поклонение Богине Джагаттарини¹¹ – божество было гигантским и сделано из восьми металлов. Во время Дурга-пуджи Богиню приносили в зал *пуджи*. Я помню, что к нам приходили двадцать пять или тридцать браминов с запада – они переносили Богиню в место поклонения и совершали служение. Поклонение происходило в течение трёх дней с великой пышностью. На шестой день начинался барабанный бой, в котором звучали барабаны двух разновидностей, *так* и *тол*, и этот звук сотрясал всё здание поклонения. На девятый день происходило жертвенное заклание многочисленных козлов и буйволов. В этот день женщины в нашем доме поклонялись Богине Дурге, в особой манере неся благовония на головах.

¹¹ Джагаттарини («Спасительница мира») – имя Богини Дурги.

Кали-пуджа

Во время Кали-пуджи мы, мальчики, собирались и шли в храм. Каменное божество, носившее имя Диндаямая Кали¹², всегда пребывало в храме, известном как Навачуда¹³. В ночь Кали-пуджи там всегда громко звучали фанфары. Все, кроме козлов и буйволов, наслаждались праздником. По большей части, те священники приходили полакомиться козлятиной.

Дола Ятра

Во время фестиваля Дола Ятра¹⁴ звучали песни и происходили всяческие увеселения. Красный порошок разбрасывался в таких количествах, что всё казалось окрашенным в красный или кроваво-красный цвет. В это время даже стража принимала участие в фестивале. Стражники заходили в храмовый двор, распевая песни и разбрасывая красный порошок. Из-за всей этой суеты я предпочитал наблюдать действие со стороны. Во время Дола Ятры я наслаждался зрелищем иллюминации фестиваля, известного как Мерапура.

После смерти брата, Гириши Бабу, многие несчастья об-

¹² Диндаямая (Динадайя Майи) – «Милостивая к убогим», имя Матери Кали.

¹³ Навачуда – «новый драгоценный камень»

¹⁴ Дола Ятра (Дола Пурнима, Холи) – весенний фестиваль

рушились на голову моего деда по матери. Из-за роста расходов и наплыва проходимцев он вошёл в большие долги. В конце концов, он утратил все свои земли, а ум его расстроился. Видя смерть всех сыновей и надеясь вновь обрести сына, он, по совету неких злокозненных людей, несколько раз женился. В таком возрасте брак бесплоден, но он не мог уразуметь эту истину, испытывая влияние низких людей. Из-за этого, а также по причине утраты богатства, вскоре он столкнулся с суровыми испытаниями.

Школа

Когда мне исполнилось пять лет, в соответствии с правилами, меня послали в школу. Но к тому времени её уже не возглавлял Карттика Саркар, мой прежний учитель. Школу успешно возглавили Яду Саркара и другие люди. Спустя несколько дней после меня в школу был принят мой младший брат Харидаса. Мы посещали школу по утрам и во второй половине дня. Учитель являлся в школу ранним утром. В нашем обществе чтением и письмом занимались многие другие дети.

В числе общей группы те, кто был немногим старше, выступали в роли орудий учителя и мучили младших. Если мы являлись в школу с опозданием, то старшие мальчики наказывали нас. Правило было следующим: любой, кто приходил в школу первым, получал один удар палки, вторым – два удара, третьим – три удара и так далее; число ударов росло в такой прогрессии.

Был один старший мальчик, которого обычно бил учитель, и он, в свою очередь, бил всех остальных. Если ты по какой-либо причине пропускал занятия, то по возвращении тебя ждала жестокая взбучка. Учебная рутина была следующей: младшие ученики упражнялись в написании своих «ка», «кха» «га» на *талпате* посредством чёрного угля. Спустя год они записывали цифры на банановых листьях,

а после – копировали их на бумагу.

Всех старших мальчиков учили счёту, что было необходимо для работы в офисе заминдара¹⁵. Время от времени под надзором учителя мы учились судопроизводству. Младшие мальчики подавали жалобу, предоставляли свидетеля, и его показания рассматривались, как в суде.

В конце определялась мера наказания. Все решения суда должны были быть утверждаемы учителем. Наказания практиковались самые разные: трёпка за уши, пощёчины, избие-ние тростью, *нару гопала* и выплата штрафа – все эти методы применял наш учитель.

Учитель представлялся нам олицетворением Ямы, бога смерти, а старшие ученики выступали от его имени словно посланники Ямы. Некоторые мальчики подавали ложные жалобы и приводили в суд свидетелей-обманщиков, из-за чего другие мальчики становились невинными жертвами.

Поскольку у нас не было возможностей избежать этого, мы пытались задобрить старших. Однажды во время каникул старшие мальчики заявили мне: «О, Кедара, завтра утром у нашего учителя не будет еды, поэтому принеси из дома любую вкусную еду». На следующий день я похитил из дома маленькую *эчонру*, зрелый *джекфрут*, спрятав его под учебниками, и старшие ребята передали фрукт учителю. Учитель был очень доволен и заметил: «Этот маленький мальчик обретёт знания!» *Джекфрут* был выращен у нас дома, и когда

¹⁵ Заминдар – землевладелец (помещик)

няня узнала о краже, она отругала меня и забрала *джекфрут* из учительского дома. Мою мать крайне разгневала эта история, и учитель, прослышав об этом, был очень напуган и сказал, что я должен уносить из дома лишь продукты, пропадажа которых останется незамеченной. «Не приноси ничего крупного!»

Соседские дети имели обыкновение воровать для учителя табак, но слуги моего отца держали отцовский табак под замком в его кабинете. Вместо табака я крал для учителя замоченный турецкий горошек.

Мой брат Харидаса был очень зол на учителя. Он не в силах был смириться с дерзким поведением старших мальчиков, и однажды взял *мачете* и проник в дом учителя, в то время как тот, после еды, прилёг отдохнуть. По случайности я оказался рядом, отнял у брата *мачете*, выкинул его, и Харидаса убежал. Услышав наши голоса, учитель проснулся. В тот же самый день он написал прошение об отставке и покинул дом. В результате у нас появился новый учитель. Так сменились два или три учителя, и я, в конце концов, овладел письмом.

Наш метод обучения был следующим: утро начиналось с того, что мы вставали и громко повторяли таблицы умножения, сложения, таблицы *ганда*, таблицы *каури* и *сона кас*. Старшие ученики повторяли громким хором. Вначале старшие студенты вместе говорили: «Четыре *каури* образуют одну *ганду*». Затем мы, в младшей группе, немедленно повто-

ряли за ними: «Четыре *каури* образуют одну *ганду*». Декламация продолжалась в такой манере. Когда она завершалась, мы садились и всё это записывали. Во время занятий письмом учитель часто замечал: «Проговаривайте, а затем записывайте».

Мы повторяли слово вслух, громко, а затем записывали его. Хор голосов порождал такой гул, что невозможно было отчётливо расслышать слова. По прошествии одного *прахара*¹⁶, трёх часов, наступал перерыв, во время которого мы ели рис. В это время мы быстрыми шагами возвращались домой и ели *пор-бхат*, разновидность варёного риса, а затем через полчаса шли обратно в школу, где вновь начинали читать и писать. В конце второго *прахара*, в полдень, школа закрывалась. Мы возвращались туда через половину *прахара*, полтора часа. Когда начиналась вечерняя *сандхья*, мы вновь повторяли таблицы, а затем школа закрывалась до следующего дня.

Вплоть до конца моего шестого года обучения все школьные уроки и всё обучение велось на бенгальском языке. Я изучал счетоводство. Я записывал *Севак Шринатх*, но почерк мой был скверным.

В то время в доме моего деда по матери открылась английская школа. Учителем в ней стал француз по имени Дижор Барет из Чандананагара, также известного как Фарса-

¹⁶ Прахар (*прахара*) – древнеиндийская единица времени, равная приблизительно трём часам.

данга, «французский город». Сын брата моей матери, Махеша Бабу, Кайласа Датта, Махендра Бабу, Раджакумара Гангули и другие стали в ней заниматься. В конце второго *праха*, когда «моя» школа закрывалась, я шёл в эту английскую школу и учил там английский алфавит.

Месье Дижор Барет поговорил с моим отцом и предложил, чтобы я и мой старший брат Калипрасанна поступили в английскую школу. Видя мои незначительные усилия, направленные на изучение английского, он стал испытывать ко мне большую симпатию. Хотя этот учитель был французом, он любил бенгальские обычаи и традиции, носил *джотти*, наслаждался *кхичари* и тому подобными блюдами. Иногда я проводил время в его обществе. Мои братья были очень непоседливыми и просто уходили гулять. Порой я шёл с братьями, но, как правило, мне больше нравилось сидеть с этим учителем английского. В те дни, когда наш учитель уходил в Фарсадангу, к себе домой, с наступлением второго *праха*, в полдень, я шёл с братьями играть в садах и в *кхираки пушкарани*. Зайдя в воду, мы одеждой ловили рыбу под названием *кхалиса*. Гуляя по садам, мы срывали и ели зрелые манго. Неподалёку от манговых деревьев находилось круглое здание, построенное моим дедом. Мы все играли под навесом этого здания.

У моего отца была коллекция гусениц, самых разных: *короби*, *аканда*, *кал касанда* и другие разновидности. Он держал их в ящике и кормил листьями. Самой красивой была

гусеница, питавшаяся листьями дерева *ишу мул*. Когда гусеницы вырастали и становились бабочками, отец отпускал их. Если я во время прогулок находил какую-нибудь гусеницу, то берегал её и отдавал отцу.

В то время в саду жило множество пчёл. Мы разрушали улья и ели мёд. Мы поглощали мёд в огромных количествах, из-за чего наши тела нагревались, и мать догадывалась о наших проделках и наказывала нас. Я ещё сдерживал себя, но мои братья не знали никакой меры. Однажды пчёлы нас искушали. Мой старший брат Калипрасанна был хорошим мальчиком, но пчёлы покусали его так, что в течение нескольких дней он страдал от жара.

Игр в садах, на прудах и в амбарах было недостаточно для моих братьев, которые искали приключений на свою голову. Видя это, я покидал их общество и в полдень садился рядом со стражниками, охранявшими внешние ворота. Стражники были западными солдатами. Все они ели *роти*, приготовленные из цельных зёрен пшеницы *атар*, и цельные *бати урхад дала*, просто усаживались и ели на подстилках на земле у парадных ворот. После этого некоторые из них декламировали Рамаяну Тулсидаса. Хотя язык был незнаком, он звучал очень сладостно. Однажды, восхищаясь тем, как декламировал поэму наш солдат по имени Шритал Теояри, я попросил его разъяснить смысл стихов. Он рассказал историю о вороне-обманщице (*бхушанти каке*). История очень мне понравилась. Вечером я пересказал её матери и служан-

ке. Мать была очень довольна и выразила признательность Теояри, передав ему через меня жевательный табак. Теояри привязался ко мне и угощал *роти*, *дахлом* и *кхичари*. Я ел все эти блюда и был очень доволен.

С самого первого дня посещения мной английской школы я изучал английский с учителем по утрам, а во второй половине дня я снова оставался с ним. С наступлением вечера мы расходились по спальным комнатам. Там собирались служанка г-на Гхоша, моя служанка, которую звали Шибу, и прочие «мудрые» женщины, с целью поболтать. Отдыхая, я слушал их рассказы о разбойниках, тиграх, романтические истории и т. п.

Иногда я просыпался поздно ночью и садился у окна. В четвёртый дозор (в 3 часа ночи) офицеры Наф и Санна-си проходили по двору и дорожкам вокруг имения с лампами в руках, делая перекличку стражи. Иногда я звал офицера Нафа через окно и задавал ему множество вопросов. Наф был очень стар, но всё ещё носил фонарь, палку, булаву и меч. В прошлом он был видным разбойником. Родом Наф был из владений моего деда по матери в округе Муршидабад.

Опасаясь возможного нападения разбойников, мой дед держал при себе многочисленных *дварабанов*, стражников с палками, стражников-мусульман и *сипаев*. Хотя он был окружён всеми этими стражниками, дед возложил на офицера Нафа и двух-трёх стражников задачу защищать внутреннюю территорию. В своё время, когда Наф был *дакойтом*-

разбойником, однажды, в ходе очередной вылазки, он отрубил голову своему *гуру*, и с тех пор слово «Харибол» не сходило с его уст. Обычно я подзывал его к своему окну верхнего этажа и просил рассказать мне истории из времён его детства и юности. Мне было всего лишь шесть или семь лет, и я не понимал и половины того, что он мне рассказывал, но мне нравилось слушать эти байки.

Моя мать была дочерью очень богатого человека и не привыкла к тяжёлому труду. Поэтому бремя ответственности за физическую заботу о нас было возложено на плечи нашей служанки Шибу, которая смотрела за нами, как за собственными детьми. По утрам она подавала лёгкий завтрак, а затем отводила в школу. Позже в течение дня она приносила нам рис. В полдень она находила нас, где бы мы ни были, и следила за тем, чтобы мы пили молоко. Вечером она отводила нас домой, укладывала спать и сама ложилась рядом с нами. Ради нашего счастья она отказывалась от собственного счастья. Даже когда её родная дочь пожелала взять её домой, она отказалась покинуть нас.

Мне нравилось наблюдать за тем, как врачи изготавливают различные лекарства. Во внешнем дворе (*нат мандире*) богини Динадая Маи Кали врачи делали самые разные препараты на масляной основе и известные *чандана*, *гурачая*, *махавишну* и т. д. У нас работали два врача, Ишвара и Умачарана, из деревни Рагхунатхапур, которым мой отец платил за приготовление лекарств и заботу о членах нашей семьи.

Они выполняли тяжёлую задачу по сожжению золота и окислению железа и других металлов с целью приготовления лекарств. Я наблюдал, как они делают препараты из кроличьего масла, *шивагхриты* и т. д. Они изготавливали *лоха джвар*, раздробляя драгоценные камни и смешивая их с железом. Их ученики также принимали участие в этом процессе и штудировали многочисленные медицинские трактаты.

В холле храма Динадая Маи Кали жил человек по имени Видья Вачаспати, заведовавший там школой. Он декламировал множество гимнов. Он готовил рис и блюда из турецкого горошка, предлагал Матери Кали и ел. У Вачаспати Махашаи было множество учеников. Они изучали грамматику, словарь и *бхатти* (*бхартрихари*). Я слушал их обсуждения таких стихов, как «*равех кавех ким*» и т. п. Иногда во второй половине дня я посещал этот храм и видел всё вышеописанное.

Обычно после обеда мы прогуливались, предаваясь разным забавам в доме и за его стенами.

Мой престарелый дядя по матери Карггичандра Мустафи умер ещё до моего появления на свет. У него было две жены – Ранга Мами и Бари Мами.

Ранга Мами была сумасшедшей. Бари же Мами очень меня любила. Когда я приходил к ней в комнату, она угощала меня разными лакомствами и рассказывала многочисленные истории. На протяжении всего детства я страдал от дыр в зубах. Иногда я днями напролёт плакал. Бари Мами объясня-

ла мне, что, по мнению простых людей, дыры в зубах вызывают насекомые, но это выдумка. Дыры возникают в результате заболевания, вызванного употреблением в пищу сладких и кислых продуктов. Неправда, будто *вединар* – женщины-цыганки – способны изгонять этих насекомых.

Иногда ближе к вечеру я приходил в кабинет отца и беседовал с ним. Период *сандхьи*, молитвы, был временем перекусить, и отец угощал меня кусочком *сандеши*. По большей части, я проводил время в обществе старшего брата Кали. Мой младший брат пользовался репутацией хулигана, и я держался от него подальше. Другой младший брат Гауридаас был на редкость красивым мальчиком, но в силу возраста не мог общаться с нами.

Процветание Улы

Во время фестиваля в честь рождения богини Ула Чанди все жители Улы наслаждались этим праздником. В Уле росло множество баньяновых деревьев. В одном месте стоял камень, обсыпанный красной пудрой. Он покоился на алтаре-возвышении, известном как Ула Чанди¹⁷.

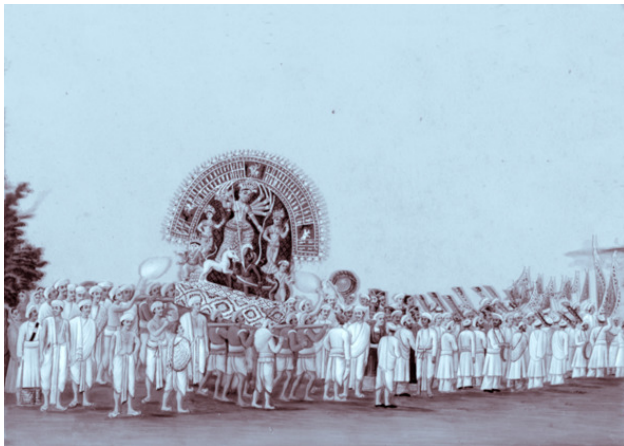
В ночь полной луны месяца *вайшакха*¹⁸ с великой пышностью праздновалась Ула Чанди *пуджа*. По этому случаю в двух местах в окрестностях совершались две публичные *пуджи*. Одна звалась Махишамаддина *пуджа*¹⁹, а другая, проводившаяся в местечке на юге от Улы, была известна как Брихат²⁰ Дурга *пуджа*. В период поклонения Ула Чанди люди приходили в Улу из ближних и дальних мест и в течение трёх дней гостили у своих родственников. Дороги были заполнены толпами пешеходов. В двух местах, где проходил праздник, открывались базары и устраивались всевозможные развлечения.

¹⁷ Чанди («Неистовая») – имя богини Дурги

¹⁸ *Вайшакха* – соответствует нашим апрель-май

¹⁹ Махишамаддини («Убивающая Махишу») – имя богини Дурги, убившей асура-буйвола по имени Махиша.

²⁰ Брихат – «великая»



Праздничное шествие Богини Дурги

Самыми увлекательными были бои слонов и буйволов. Отовсюду приводили множество слонов. Семье Мукхопадхья принадлежал гигантский буйвол, чьи рога были покрыты железом. Был там и огромный слон, тоже с покрытыми железом бивнями. Сначала объявляли, что слона и буйвола отпустят на свободу в центре города. Иногда этот буйвол, обладавший огромной силой, наносил слону раны. Порой слоны выходили победителями в схватке с буйволами. Мы, стоя на крышах, смотрели на битву. Время от времени мы усаживались на спину нашего собственного слона по имени Шибчандра (Шивачандра), который доставлял нас в разные места увеселений в фестивальныи период.

В те дни жители Улы понятия не имели, что такое стра-

дание. В деревне жили члены тысячи четырёхсот достойных браминских семей, а также представители многих родов *ка-ястха* и *вайдыа*. Самой богатой была семья Мустафи Махашай. Никто в деревне не голодал. В ту пору можно было прожить самыми скромными средствами. Все были очень довольны жизнью. Люди имели обыкновение петь, музицировать и рассказывать увлекательные истории. В деревне жило несчётное множество весёлых толстопузых *браминов*. Почти все были остроумны, могли изящно говорить и обладали даром суждения о разных вещах. Всё время было слышно, как группы людей играли на музыкальных инструментах, пели, играли в кости и шахматы. Деревня была очень счастливым местом. Если кто-то испытывал нужду, он мог прийти в дом Мустафи Махашай и легко получить желаемое. Лечебное масло и *гхи* не переводились. Деревня была такой большой, что за порядком в ней надзирали пятьдесят шесть человек. Хорошим людям в Улаграме не нужно было искать работу с целью добыть пропитание. Какое же то было счастливое время!

В ту пору я не видел ни одной другой деревни, но великолепие Улы не знало себе равных. Ни дня не проходило без какого-нибудь праздника.

Учёба в колледже в Кришнанагаре

Так я жил до тех пор, пока мне не исполнилось семь лет. Моему старшему брату Кали Прасанне было девять лет. Брату Хари было четыре года. Приблизительно в то время в Кришнанагаре открылся колледж. Царь Кришнанагара Шриш Чандра²¹ написал моему деду письмо, в котором просил послать в колледж внуков.

Я не знал, какие шли переговоры, но, в конце концов, было решено, что мой кузен по матери Махеша Бабу, мой старший брат Кали, я сам, а также Кайлас Датта, Махендра Васу и Ядунатх Чандра поступят в колледж. Я испытывал крайнее беспокойство; я настолько привык к няне, что не мог спать без неё по ночам. Мать решила, что моя служанка поедет со мной в Кришнанагар.

Мы поселились в двухэтажном здании в центре базара в Кришнанагаре. Наши спальные комнаты располагались на втором этаже, а на первом этаже помещалась кухня. Окна дома смотрели на базар и улицу. На лестнице стояла статуя Ганеши. На первом этаже рядом с кухней была комната-кладовая, в которой готовили масло. Дверь была закрыта, но семена падали через отверстия в двери; мы подбира-

²¹ Махараджа Шриш Чандра Рай Бахадур, 34-ый заминдар Надии (в 1837—57 гг.), родился в 1819; его титул Махарадж Бахадур, дарованный императором Дели, был подтверждён британским правительством; умер в 1857.

ли их, жарили и ели. Наш рацион, главным образом, состоял из риса и *дала*. Пищу готовил один *брамин*, но поваром он был скверным. Время от времени наша нянька приносила нам лёгкие завтраки.

Сидя на лестнице, мы заглядывали в комнату работника маслобойки. Он был очень стар и сидел на низеньком сиденье. Стоя на пороге смерти, он читал Махабхарату. Во дворе, под особым навесом, восседал чтец. Сидя на возвышении, он читал Махабхарату. На голове его была гирлянда; он декламировал стихи и пел песни поэмы. Мне очень нравилось слушать Махабхарату; особенно я полюбил истории о Бхиме.

Иногда оратору доставалось множество яств, и в такие дни он был особенно красноречив. В те же дни, когда он ничего не получал, то падал духом.

По субботам мы возвращались к себе домой в Улу. Нанятые носильщики быстрым шагом относили нас туда на паланкине. В такие дни мы были очень счастливы. На паланкине ехали Махеша Бабу, Кали Дада и я. Вскоре мы достигали нашего дома и, увидев стопы матери, испытывали великую радость. По воскресеньям не было конца историям, которые мы выслушивали. В воскресенье ранним утром мы направлялись в резиденцию в Гояре, а после трапезы возвращались в колледж.

В Кришнанагаре колледж помещался в официальной резиденции местного магистрата. К колледжу примыкала площадка для игр со множеством деревьев и кустов, хотя в на-

ши дни это место стало чем-то вроде джунглей. Напротив колледжа находилась центральная дорога. Через дорогу располагался местный полицейский участок и «небесная обитель» барристера (судебного адвоката), почтенного Манмохана Гхоша. В настоящее время на этом участке земли находится главный почтовый офис.

В колледже мы сперва занимались, сидя на подстилках. Позже привезли стулья, столы и скамейки. Колледж возглавлял капитан Ричардсон, англичанин, а главным местным (бенгальским) учителем был Раматану Лахири. Махеша Дада и Кайлаш Бабу были второклассниками, а Кали Дада и я учились в первом классе. С нами занимался царский сын Бахадур Сатиш Чандра. Спустя несколько дней после нашего поступления в колледж прибыл сын царя Куч-Бехара²². Нашими учителями были Гададхара, Дина Даял и другие. У учителя Гададхары была раздувшаяся шея; он был очень жестоким человеком. Он бил нас куском грифельной доски.

Все говорили, что мне нравилось изучать английский. Благодаря стараниям и практике я стал пользоваться репутацией способного ученика, и учителя были ко мне добры. В том году я сдал экзамены, перешёл в следующий класс и получил награду. Ни Махеша Дада, ни Кали Дада, и никто другой из нашей группы не перешёл в следующий класс и не был награждён. В Уле разошлась молва о том, что я ока-

²² Куч-Бихар или Куч-Бехар – небольшое княжество в восточной Индии, существовавшее с 1586 по 1949 годы, управлялось раджами.

зался самым способным из мальчиков. В очередное воскресенье, когда я вернулся домой в Улу, меня ждали лавры. Дед по матери всячески меня ласкал и усадил рядом с собой принять *прасад*. Отец тоже выказал мне особое расположение.

Моя мать, Бари Маами, и другие повсюду обсуждали новости обо мне. В это время нас навестил мой бывший учитель Дижор Барет. Он стал всячески меня хвалить, но отец указал ему на недопустимость таких похвал в моём присутствии. Слыша все эти хвалы, я раздулся от гордости. Очень скоро я решил, что мне уже не нужно упражняться в чтении и письме.

В результате я перестал демонстрировать успехи в классе. Учителя снова стали суровы со мной. Оправдывая себя этим обстоятельством, Махеша Дада и другие, мне завидовавшие, устроили мне «сладкую жизнь». Когда я успешно занимался, все очень мне завидовали, но теперь они стали открыто изливать на меня свой гнев. Я больше не мог запоминать уроки, и меня мучили со всех сторон.

Я выезжал в школу на паланкине, но не шёл на занятия. Вместо этого я отсиживался в зарослях деревьев, а по окончании учебного дня возвращался домой на паланкине. Иногда под предлогом болезни я оставался дома. Один из наших слуг по имени Кеши проникся моими страданиями и принимал мою сторону. В то время нашей няни уже не было в Кришнанагаре, поскольку, как только старшие увидели, что мы прекрасно устроились в Кришнанагаре, её забрали

обратно в Улу.

Однажды к нам домой пришёл Деоян Говинда Адач. Он приготовил баранину. Поздно вечером, поев баранины, мой брат Кали Дада заболел холерой. Доктор Кали Лахири сказал, что его заболевание очень серьёзно. Мы все решили, что Кали и я покинут Кришнанагар на рассвете и вернутся в Улу, и утром мы сели в паланкин. Состояние Кали Дада ухудшалось.

Во время переправы через реку Анджану я всячески пытался его успокоить. К восьми утра следующего дня паланкин достиг Улы. Часом позже Кали Дада умер. Женщины в доме начали рыдать, и я понял, что пришла беда. В тот день мой дядя должен был устроить у нас дома трапезу для *браминов*. Организаторами пира были представители общины *каястх*, но теперь это мероприятие отменили.

Спустя два или три дня я узнал, что не вернусь в Кришнанагар. Моё нежелание посещать школу было хорошей новостью с точки зрения моих родителей, поэтому я забросил чтение и письмо и остался в Уле. К тому времени в доме моего деда уже не было школы.

Возвращение в Улу

Мне было восемь лет, и это состояние праздности продлилось три или четыре месяца. За это время я позабыл весь английский. Однако вскоре состоялась встреча нескольких уважаемых джентльменов, на которой было решено учредить в Уле английскую школу. К старому дому моего дяди примыкал небольшой кабинет, известный как *тутаба-ри*, и именно в нём проходили занятия английской школы. Бабу Хемачандра Бандйопадхйайа, житель Халисахара, стал директором, а житель Улы Рагхава Бхаттачарья – школьным *пандитом*. Я был должным образом принят в школу. Бхагаван Васу стал школьным секретарём. Он предложил зимой начинать школьные занятия очень рано, на рассвете, а в другое время года – позже, днём.

Я приложил усилия, вновь начал изучать алфавит и скоро восстановил прежние познания. Благодаря этому все считали меня хорошим мальчиком. Так я приобрёл отличную репутацию, а мой почтенный учитель относился ко мне с большой симпатией. В этой «кабинетной» школе цвела ароматная тубероза, и мне очень нравился её запах. В школе часто играли в крикет. Однажды бита рассекла мне бровь, пролилась кровь, и с тех пор я не играл в крикет. В этой школе у меня было множество друзей. Я преуспевал в чтении и декламации стихов вплоть до третьего класса.

В тот период я занимался математикой и бенгали в школе, размещавшейся в старом здании. Это старое здание находилось в совместном управлении, и уважаемому Мустафи, моему деду, принадлежали в нём двадцать или двадцать две жилые комнаты. Внутри главного входа в здание находилась «барабанная комната». Напротив размещались *бодхана тала*, *дола мандап* и кладовая. Слева от парадного входа была комната *пуджи*. Крытая пальмовыми листьями, комната для поклонения богине Чанди была очень красива. Напротив был двор, а в стороне – место *хомы*²³. Напротив и слева от Чанди Мандапа стоял сдвоенный бунгало с остроконечными крышами.

Внутри, одаривая благодатью, пребывало Божество Кришна Чандра Раи. Внутренняя часть дома образовывала четырёхсторонний двор, который окружали многочисленные *антар-бати*. Внешняя часть этого четырёхугольного двора представляла собой гостиную *гриханати*, хозяина дома. Мой дед по матери жил в этом доме. Покинув старый дом, он поселился в этом новом жилище. Тем не менее, мои дяди обладали равными правами собственности на общие части дома. Учитель преподавал в коридоре рядом с Божеством Кришна Чандра Раей, и я непродолжительное время изучал там математику и другие предметы.

Очень скоро уважаемый Шьямлал Пран Мустафи учредил там школу. Шьямлал Пран Мустафи жил в юж-

²³ Хома – ритуал, в ходе которого жертвоприношение подносится огню.

ной части дома моего деда, которому принадлежала четверть здания. Поэтому я занимался с учителем в доме дяди по матери. Хотя дом находился в совместном владении разных родственников, можно сказать, что владелец был один. Здание было поделено на четыре части. Мой дед был владельцем одной части, остальные части принадлежали Шьямлалу Прану, Харише Бабу и Медж Тхакурани, моей второй другой тёте.

В ту пору Шьямлал Пран был работником гражданского суда, (*мунасефом*) Хатбара. Позже он стал магистратом (*амином*) в Кришнанагаре. Хариш Бабу, владелец части старого дома, был бездетен. У него было два племянника, Дашу Мама и Сатакари Мама. Они были *рудрами* из Вамшабада. Матерью их была Гангамани Диди, большая любительница пошутить. Она проверяла пульс и на основе полученных данных предписывала лекарства. У Шьямлала Бабу было двое сыновей, Саярам Мама и Девендра Мама. Их наставником являлся Кайлас Датта.

Учитель в школе Шьямлала Бабу превосходно играл в шахматы. Этот учитель, выходец из Бурдвана, обращал пристальное внимание на прогресс своих подопечных. Он был знатоком математики *Субханкари*; он вкладывал в меня много сил, давая нам многочисленные указания.

В ту пору я был очень независим и повсюду гулял в обществе сверстников. Махеш Дада приехал в Калькутту в дом моего дяди по матери Каши Прасада.

Жизнь в Уле

Жизнь в доме в Уле постепенно угасала, поскольку мой дед был обременён долгами. Так или иначе, несмотря на долги, он сохранял свой статус. Однако наш слон Шибчандра умер, мы лишились лошади, кареты, и не осталось ничего, кроме повозки, запрягаемой козлами.

Отныне Джагаддхатри *пуджа* и фестиваль в честь Дурги праздновались на средства, взятые в долг. Несмотря на это, семья нанимала 30—35 солдат с Запада, и многие уважаемые джентльмены приходили и заседали в кабинете моего отца. В их числе были Гириш Мукхопадхьяя, Рамеш Райа, Набин Бхадури и другие старые друзья. Они пели разные песни.

Пьяница Мохан Датта приходил днём и начинал неистово петь. Когда в старом доме декламировали Махабхарату, Рамаяну и т. д., я приходил послушать. Мне нравилось слушать о том, как Хануман пересёк океан, добираясь на Ланку, и о демонице Симхике. Почтенный чтец сопровождал декламацию жестикующей, и во мне пробуждалось чувство великой любви. Я развил привычку после школы слушать эти чтения. Многократно слушая чтение историй из священных писаний, мы узнавали много нового. В описываемый период умерли мои младшие братья Харидас и Гауридаас. Мать и отец испытывали жестокие страдания.

После их смерти остались только моя сестра Хемлата и я. Наша няня ходила, держа Хемлату на бедре, а меня водила за руку. Из-за смерти моих братьев мать опасалась, что никто из её детей не выживет. Стремясь защитить нас, она увешала наши шеи многочисленными талисманами.

Я гулял по окрестностям в обществе няни. Идя в школу в старом доме, я видел, как на перекрёстке дворовых аллей люди играли в шахматы и карты. Если идти из нашего дома в старый дом, то дом Митры был по левой стороне.

Там жила наша Чоти Диди, младшая тётя, и я часто туда ходил. Мы сидели рядом с домом и вели увлекательные беседы. Парашурам Мама и другие имели обыкновение там играть, а я смотрел на их игры по дороге в школу. В школе под руководством учителя я читал и писал.

В каком бы доме ни проходил фестиваль, я шёл туда в качестве зрителя. В доме одного *брахмачари*, обитателя Улы, проводились многочисленные *пуджи*. Рядом с его домом возвышался прекрасный *мандир*, а на территории дома были сад и место *хомы*. Поклонение *брахмачари* совершалось в согласии с доктриной Тантры. В маленькой комнате его дома были спрятаны чаши, сделанные из черепа. Некоторые люди говорили, будто можно поднести черепу воду Ганги и молоко и он улыбнётся. Я так и делал – подносил черепу воду и молоко – но ничего не видел. В той же местности был дом одного образованного человека, и я ходил туда послушать песни.

В период фестиваля в честь Дурги в домах местных *бра-*

минов проходили многочисленные пиры и празднества. Иногда, в надежде полакомиться вкусным *прасадом*, я принимал приглашения на пиры. В одних домах меня угощали прекрасным *далом* с овощным карри и рисом. В других я получал *кхичари* и *дал*, приготовленный с *джекфрутом* и другими яствами. В доме Вишванатхи Мукхопадхи можно было разжиться лучшим карри. В каждом доме подавали карри из козлятины. Все обитатели Улы, не принадлежавшие к касте *браминов*, в течение трёх дней ходили по *браминским* домам и получали *прасад*. Никто не ел у себя дома. Гвоздём программы во время фестиваля Дурги были не столько музыка и песни, сколько угощения. Во время других фестивалей на первом месте стояли музыка и пение.

По мере упадка рода Мустафи, семьи Раманадаса Бабу и Шамбханатха Мукхопадхьи возрастали в смысле своего веса и влияния. Во время Джагадхатри *пуджи* в их домах достаток владельцев демонстрировался посредством танцев и песен. У них были кони и слоны, а число западных стражников у их ворот увеличивалось с каждым годом. Чем богаче человек, тем больше он демонстрирует своё богатство. По вечерам мы шли к ним домой послушать громкое пение. Я видел, что в домах Деояна Мукхопадхьи и Кришны Мукхопадхьи Бабу не было показной роскоши.

В нашей деревне радость была ключом, и потому все ходили со счастливыми лицами и не ведали тревог. Все знали толк в шутках-прибаутках, поэтому многих людей называ-

ли помешанными. Многие уважаемые люди были известны под такими прозвищами, как Ише Пагал («Безумный» Ише), Ганга Пагал, Пеша Пагал, Шамбха Пагал и т. д. Все они шатались по ближним и дальним местам и всякими уловками собирали деньги на публичные *пуджи*.

Смерть отца и другие события

В девять лет я начал изучать астрологию под руководством Джагата Бхаттачарьи. Кайлас Датта также пытался практиковать это искусство. Я делал заметки. Всё, чему учил нас Бхаттачарья, мы записывали, запоминали и пытались понять.

Состояние моего деда постепенно ухудшалось. Мой отец был погружён в размышления о том, что наследство по линии деда со стороны матери было незначительным. Он думал: «Что ждёт моего ребёнка? Финансовая ситуация моего тестя тоже плачевна. Поэтому я должен поселиться в другом месте». Питая такие мысли, он время от времени наведывался в Калькутту.

Затем резиденция моего деда по отцу была заложена. Чату Бабу из Шимлы с уважением относился к деду по отцу и почитал его старшим братом, поэтому, после многочисленных распоряжений, дед получил от него некую собственность. Чату Бабу должен был отвезти его (моего деда по отцу) в Калькутту, поэтому он лично отправился к нему в Мангалпур, расположенный на пути в Пурушоттам (Пури). Мой дед по отцу Раджаваллабха Датта был непреклонен в своих решениях. Он не желал ни переезжать в Калькутту, ни перемещать туда свои достояния.

Соответственно, будучи бессилён как-то исправить эту

ситуацию, Чату Бабу вернулся в Калькутту, послав известия моему отцу в наш дом.

Тогда мой отец решил не принимать собственность от Чату Бабу без позволения моего деда. Строительство или покупка хорошего дома в Калькутте была ему не по карману, поэтому, считая, что будет затруднительно поддерживать былой престиж рода скудными средствами, мой отец отплыл на лодке в обществе учителя Дижора Барета в Фарасадангу, присмотреть дом, после чего вернулся. По дороге домой отец повстречал Дэвида Фарланда, *самвадхикари*, который работал под началом моего деда по матери в Моллахутикути. Фарланд Саиб согласился предоставить отцу право управления какой-нибудь собственностью.

Отец решил вернуться к моей матери в Улу, затем собрать какие-то средства, купить дом в Фарасаданге и сотрудничать с Фарландом Саибом. Но одних человеческих мыслей недостаточно для того, чтобы получить желаемый результат; осуществиться может лишь то, чего желает Бог.

Пока происходили все эти события, во владениях моего деда под названием Рамапараин, находившихся в округе Мурашидабад, не были выплачены налоги, из-за чего имение должны были пустить с молотка. Услышав об этом, отец послал туда решить проблему Умачарана Вишваса, снабдив его 1500 рупиями, полученными от моей матери. Посланник прибыл на место как раз в то время, когда имение уже продавали, поэтому деньги так и не были пущены в ход. После

смерти своей приёмной матери Рани Радхарани отец получил контроль над шестью деревнями, свободными от арендной платы. Умачаран Вишваса узнал об этом, но, пока он возвращался в Улу, мой отец умер.

Через два или три дня по возвращении из Моллахати Кутти в Улу отец слёг с лихорадкой. К тому времени семья моего деда практически прекратила существование, и отец был единственным живым сыном. Умачаран Кавирадж приготовил для моего отца лекарство. Мой дед также дал ему лекарство из восемнадцати ингредиентов, но состояние отца ухудшалось. Так прошло восемь дней, после чего отец почувствовал себя значительно хуже. К отцу приходили многочисленные посетители. Он принимал самые разные лекарства.

Ничто не помогало. Наконец, отца перенесли из внутренней спальни и усадили в кресло в комнате Симри Пуджа Бати. Пришли Хару Мама, Парашурам Мама, Махендра Мама и многие другие. То было в четыре *данды*. На закате, когда отец спустился вниз, бабушку доставили из арендованного дома Гириша Митры. Она рыдала и падала на землю, со словами: «Куда уйдёт Бабу?» Весь дом был заполнен стенаниями. Отец оставался во внешнем здании. Я находился рядом с ним, не отлучаясь. Поздно ночью я уснул. Пока я спал, отца отнесли на берег Ганги в Шантипуре.

Я забыл упомянуть один эпизод. За полтора года до этих событий из ОриССы приехала мать отца. Она поселилась в доме моего дяди в Шрипуре. Оттуда она переехала в дом

Набала, где провела несколько месяцев. После этого она стала жить в Уле, в доме, который снял для неё Гириш Митра. В обществе матери я навещал её в то время, когда она жила в доме Набала в Шрипуре; когда же она жила с Гиришем Митрой, я посещал её каждый день. Не желая жить вдали от отца, она приехала из Ориссы, где обитал мой дед по отцу, и осела в своей родной Бенгалии. Когда бабушка жила в Уле, в доме Гириша Митры, к ней приехала и поселилась с ней Йога Пиши, моя тётя.

Проснувшись на рассвете, я не увидел отца. Вокруг никого не было. В это время из Ориссы прибыли Лалу Чакраварти и Парамешвара Маханتي. Они отнесли отца на берег Ганги. Видя, как все плачут, я тоже начал лить слёзы. Моя достопочтенная мать, испытывая смятение, рыдала, и многие люди пытались её успокоить. Ко второй *прахаре* все вернулись. Громкие рыдания наполнили собой дом. Мой досточтимый дед затворил двери.

Первые размышления о жизни, смерти и Боге



Ещё в то время, когда был жив отец, меня стали посещать мысли: «Что такое этот мир? Кто мы такие?». Эти два вопроса возникали у меня, когда мне было десять лет. Ино-

гда мне казалось, что у меня есть ответы, в другие дни ответов не было. Однажды вечером, когда восходила луна, а я прогуливался по крыше отцовского кабинета, я заметил, что луна движается вместе со мной. Я подумал, что это, должно быть, та же самая луна, которую мы видели в Кришнанагаре, и что этот маленький диск присутствует повсюду, оставаясь неизменным. До этого я считал, что в разных местах были разные луны. Некоторые из наших женщин говорили, что луна и солнце были двумя братьями, которых пригласили на обед. Их мать сказала: «Принесите изысканные яства». Месяц принёс²⁴ *сандешу* на кончике пальца, а солнце ничего не принёс. Поэтому их мать благословила луну бессмертием, а солнце прокляла, со словами: «Ты будешь высушивать мочу и испражнения этого мира».

Очень скоро я понял, что эти истории – полная чепуха. Я читал Рамаяну, Махабхарату, Кали Пурану, Аннада Мангалу и т. д. в переводе на бенгальский и благодаря этому получал разные сведения. Все эти назидательные предметы я обсуждал со всеми встречными, которые были хоть сколько-нибудь образованны. Халадхара Мишра поклонялся Дурге, Кали, Шиве и т. д. Я думал, что Халадхара беседует с богами. Однажды я задал ему вопрос об этом, и он ответил, что порой действительно общается с богами. Я поверил ему и спросил: «Очень хорошо, господин Мишра; Вачаспати Махашая дни и ночи проводит в доме Божеств. Он тоже беседу-

²⁴ Месяц, как и солнце, мужского рода в индийской традиции.

ет с Божеством?» Мишра ответил: «Беседует». Я попросил Вачаспати Мишру прокомментировать этот разговор. Тот сказал, что Халадхара Мишра лжёт, и что в *Кали-югу* смертные не беседуют с богами.

Вачаспати Махашая был тучным и учёным, и я утратил веру в Халадхару Мишру. Иногда в полдень, во время второй *прахары*, когда никого не было поблизости, я разговаривал с *мурти* в разных храмах Шивы, открытых на тот момент. Мне отвечало только эхо. Я думал, что Шива, наверное, дразнит меня. Я касался Его и убегал. Я рассуждал: если Шива реален, то Он схватит меня и станет мучить. Шива бездействовал, и я понял, что то *мурти* Шивы лишено внутренней субстанции.

Однажды я отправился поесть плодов *гамарул* в саду рядом с кабинетом отца. Я слышал, что во фруктовом дереве жил дух, и в тот день я убежал, в страхе перед ним. В другой день я подумал, что, если использовать некое средство, то я смогу есть фрукты, не опасаясь духа. В жаркую погоду плоды *гамарула* особенно вкусны. Я расспрашивал многих людей о том, как обходиться с духами, и никто не сказал, что духов не существует. Очень встревоженный, я обратился к Вачаспати Махашае, который сказал, что духи (привидения) представляют собой особую разновидность живых существ. Их форма подобна ветру, а глаза – фруктам Кунча (очень маленьким и красным). Услышав разъяснение Вачаспати Махашайи, я стал ещё больше бояться духов. Но где

нет *гамарула*, там нет еды. Мать Чибы была большой специалисткой в оккультных вопросах. Она занималась изгнанием духов и следила за кладовой моего деда.

Я обратился к ней, и она сообщила, что страх перед духами покидает того, кто призывает имя Рамы. Она призвала Джаякали, и явился слуга, который сказал то же самое. В качестве эксперимента я отправился к дереву *гамарул*, где стал призывать имя Рамы, и не увидел ни малейших признаков присутствия духов. Я сбил с дерева несколько плодов и съел две четверти плодов. Я понял, что имя Рамы служит защитой от духов. Я стал призывать имя Рамы на закате. Гуляя по улицам и аллеям, я постоянно повторял Рама Наму. Я был чрезвычайно доволен и принимал это лекарство от духов на протяжении долгого времени. Люди говорили, что дух живёт в здании *хомы*. С помощью имени Рамы я изгнал духа из здания *пуджи*. Отныне я не опасался выходить на улицу по вечерам.

Один старый плотник делал декорации для богини Джагдхатри. Я навещал его и расспрашивал о множестве разных вещей. Он отвечал на все мои вопросы. Однажды я спросил: «Когда богиня входит в статую?». Плотник ответил, что богиня начинает обитать в статуе с того момента, как появляются глаза. В тот же день, вскоре после этого, я с нетерпением отправился посмотреть, как богиня будет входить в статую, но не увидел этого. Я сказал плотнику, что Голока Пал делал статую сперва из соломы, затем из глины,

а потом использовал мел и краску. И ни на одном из этапов Богиня не являлась на самом деле. Тогда старый плотник заявил, что богиня является в статуе, когда *брахманы* декламируют *мантры*. Я попытался увидеть её явление в это время, но ничего не увидел. Вернувшись в дом старого мудрого плотника, я задал ему вопрос о причинах этого. Он ответил: «У меня нет веры в поклонение статуям. Я думаю, что те *брамины* занимаются обманом. Они зарабатывают деньги при помощи социальных традиций».

Я питал особый пиетет к словам этого старого скульптора. Я попросил его рассказать мне о Парамешваре, и он сказал: «Пусть люди говорят, что угодно, я имею веру лишь в Парамешвару. Боги и богини – порождения человеческой фантазии. Каждый день я поклоняюсь Парамешваре». Я поверил словам старика.

Я стал ещё более пытлив. У нас был охранник по имени Голама Кхан, который сторожил вход в Кошадхан, комнату, где хранились ценности. Я обратился с расспросами к нему, и он сказал, что имя Бога – Кхода. Он был Один, и не было никого другого. Кхода взял некую грязь (*мал*) из собственного тела, вылепил её в *рути*²⁵ и швырнул в морскую воду. Верхняя часть *рути* стала небом, а нижняя – землёй. Так был создан мир, после чего был сотворён человек, в виде Адама и Евы. Мы все – потомки Адама. Слыша все эти истории, я попросил: «Пожалуйста, расскажи мне, кто такой Рама».

²⁵ Руты – лепёшка

Он отвечал, что Рама и Рахим суть одно, и что Он и есть Кхода. Затем я получил от него подтверждение *мантры* для изгнания духов. Голам Кхан рассказал мне о духах, и заметил, что все духи являются сыновьями Сатаны. Они боятся имени Рахима. Мои мысли об истинной сути Святого Имени Рамы получили подтверждение.

Я много размышлял о первопричине мироздания и тому подобных вещах. Однажды я подумал, что этот мир ложен, и только Ишвара – реален. А я был Ишварой. Подобно человеку, которому снится сон, я всего лишь воображал, что страдаю. Когда сон завершится, я посмеюсь над этой иллюзией Ишвары. Далее, решил я, только я являюсь творцом. Я часто забывал собственное положение и тогда испытывал эти страдания. Затем у меня родилась мысль о том, что я являюсь Ишварой, а это (страдания) – моя *лила*. Своим могуществом *лила* порождала все заблуждения и забвение.

В старом здании жил отец дяди Парашурама Акхил Мустафи. По утрам он садился и читал Веданту. Затем, развязав *качу* (заднюю часть *дхоти*), он повторял *калму* (мусульманскую молитву). После этого он вставал на колени и поклонялся Ишваре как христианин. Он не питал никакой веры в глиняных богов-истуканов. Многие говорили, что он очень мудр, а другие утверждали, что он не настоящий христианин. Однажды я явился к нему с вопросами. По его словам, только Ишвара является Пурушей. Веды знают Его, как Брахмана, Коран – как Аллаха, а Библия – как Бога. Я пове-

рил ему. Он предостерег меня от общения с Парашурамом, который, по его словам, был атеистом.

Его сын Парашурама Мустафи изучал юриспруденцию. Сперва он питал некоторую веру в Ишвару. Позже он стал отвергать идею Ишвары. Пока он верил в Ишвару, у него было два ученика – Рагху Мама и Насу Мама. После того, как он отказался от веры в Ишвару, Рагху Мама и Насу Мама приняли своим *гуру* Рамамохана Раю. Я пребывал в состоянии крайней растерянности. Я был простодушен и имел множество вопросов.

Я видел все эти расхождения во мнениях, и мой ум был беспокоен. Парашурама Мама сказал мне: «О, баба, всё происходит из Природы. Природа и есть Ишвара. Нет ничего, помимо Природы». Слыша все эти суждения, я обращался к ученикам Бхаттачарий, но их ответы запутывали меня ещё больше. Поскольку все эти заключения не были окончательными, я никогда не оставлял имя Рамы, которое изгоняло страх перед духами.

Мне было одиннадцать лет, когда отец покинул мир. С тех пор я был независим. Но какая судьба мне уготована? Эта мысль не давала мне покоя. Куда бы ни обращался мой взор, я видел лишь тьму. У меня не было кровных родственников, которые позаботились бы о моём благополучии. В школе я просто учил всё, что мне преподавали. Ты знаешь, что в сельской школе чтению и письму учат в известных пределах. В то время глава школы Хемачандра Бандхйопадхья

покинул Улу, и Рамачандра Даса, гордость касты *каиварта*, стал директором школы. Я прилежно занимался, однако не было никого, кто помогал бы мне, поэтому мой прогресс был самым незначительным. Так или иначе, мне удалось достичь определённых успехов в литературе. Я изучал литературу, грамматику и географию.

Первые литературные опыты

Только математика давалась мне с великим трудом. Канти Бхаттачарья и Лал Гопала Гхоша были хорошими учениками по сравнению со мной. Тем не менее, учителя относились ко мне с большой любовью. Но я был беспомощен и занимался всё хуже и хуже. Не знаю почему, но я впал в полную апатию и уже не ходил по разным местам и людям, как в прошлом. В страхе перед школой я втайне пил касторовое масло, с тем, чтобы расстроить желудок. Моя застарелая лихорадка возвращалась снова и снова. В двух словах: я могу сказать о том периоде лишь одну хорошую вещь – я не стал жертвой дурной компании. Я размышлял о многих предметах и пытался облечь свои размышления в поэтическую форму.

В тот период я написал **Улачанди Махатмью**²⁶. Эта книга бесследно утрачена.

После смерти моего отца мой дед, испытывая крайнюю скорбь, поселился в Бхаванипуре. Закрыв на засовы двери во внешнее здание *пуджи*, он открыл проход между внешним зданием и старым зданием. Я жил в кабинете Дашу Мама, и дед очистил покои (*махалати*) семейных Божеств. Там обитали Хануман Синха, Баладев Синха, Шубха Синха и Си-

²⁶ Бенгальская поэма «Улачанди Махатмья» («Величие Чанди (Дурги) Улы» была написана одиннадцатилетним Кедаром в 1849. Произведение представляло собой восхваление Богини Чанди, главного божества его родной Улы/Бирнагара.

тал Теояри Дараоян.

Мать считала, что мне с трудом дастся дальнейшее обучение. Она чувствовала, что муж и все сыновья покинули её. Никакой собственности из дома свёкра она не получила. Дед подарил ей дом в Набале и сделал письменное распоряжение о том, чтобы ей выплачивали часть доходов от Дихи Дукхады, которая была утрачена из-за обмана со стороны неких мошенников. Помимо владений в Чотимангалпуре, у неё не было никаких богатств. Два джентльмена, Ядучандра и Умачарана Вишвас, пытались помочь ей в этом отношении, но безуспешно.

Таким образом, я был единственным сыном, а Хемлата, семилетняя девочка в ту пору, – единственной дочерью. Моя няня гадала и так, и эдак, но не могла прийти к заключению о том, какая участь нас ждёт. Все в доме думали, выживет ли этот мальчик. Слуги говорили матери: «Один за другим, столь многие другие дети, которые были подобны Карттике (крепки и красивы), умерли, так как можно надеяться на то, что этот уродливый мальчик останется в живых? Поэтому, если ты скажешь, что твоё богатство заключено в этом ребёнке, то сама расстанешься с жизнью». Слыша такие речи, мать продала меня за девять каури, а мою сестру Хемлату за пять каури Дхатри Мате. Спустя несколько месяцев мать узнала, что моя тётка Медж устроила женитьбу моего кузена Махеша Дада.

Первый брак

Она подумала: «Женитьба моего сына принесёт нам светлое будущее». Она озвучила эту мысль, и начались брачные переговоры. На тот момент определённые переговоры такого рода уже шли. Махеш Дада поговорил с моим дедом, а также с Кришнамати, дочерью Кришны Мукхопадхьяи, который часто приходил к нам домой. В тот период Джагат Бхаттачарья Махашая помогал нашей семье во многих отношениях. Он делал для нас покупки. В дни *Экадаши брамин* готовил для нас особую вегетарианскую пищу.

Мать послала Кришнамати в Ранагхат с целью посмотреть кандидатку в невестки. Девочку звали Саямани; то была пятилетняя дочь первой жены Шриюкты Мадхусуданы Митры. Она была внучкой Симхадиги Кхисмара. Митра Махашая был очень надёжным человеком. Он работал финансовым инспектором семьи Палакотхур. Он приехал посмотреть на меня верхом на слоне, после чего уехал. Познакомившись с девочкой, Кришнамати явилась к моей матери и сказала: «О, твоя будущая невестка такая красивая. Хотя она немного смугловата, я не знаю другой такой красотики».

По мнению Кришнамати, в девочке не было ничего, что мужчина счёл бы неприемлемым. Высказав матери такое суждение, она отказалась рассматривать другие кандидатуры. Лала Гопал заметил, что цвет кожи девочки напоминает

хуку. Мать сказала: «У неё благоприятный лоб, это и есть её красота, какое нам дело до кожи?». Стороны пришли к соглашению о браке. Дасу Мама выступал в роли главы семьи. Нанда Кумар начал изготавливать драгоценности. Похитив у матери большое количество золота, он создал разные украшения для девочки в количестве, достаточном, чтобы покрыть всё её тело. Дасу Мама всё одобрил. Расходы были велики.

Элементами свадебной церемонии были прогулочная лодка, паланкин, декорации, освещение, английская музыка и т. д. То была свадьба двенадцатилетнего мальчика и пятилетней девочки, и она в точности напоминала детскую кукольную свадьбу. Был устроен необычайно пышный приём. Многочисленные джентльмены, принадлежавшие к касте Тели (производители и продавцы масла), в ярких и разноцветных одеждах и *джари*, были в числе гостей. Хотя я был совсем мал, я понимал, что, за исключением *каястх* и *браминов*, которые были прекрасно одеты, красивые одежды и украшения не смотрелись на других. Я узнал, что пришли дети из семьи Панти. Услышав имя «Панти», я вспомнил свою куклу *панти*. Хотя они не напоминали в точности мою куклу, мои глаза не видели красоты детей Панти. Два чтеца декламировали историю родов Митра и Датта.

Наконец свадебная церемония завершилась. Я заявил, что не могу жить один в доме тестя, поэтому приехала моя няня и стала жить в моём обществе. По прошествии одной ночи

все в доме считали меня собственным сыном. На следующий день новобрачные прибыли в Улу. Все в доме говорили, что свадьба походила на прекрасную кукольную свадьбу. Спустя какое-то время после свадьбы Улы достигли известия о болезни и смерти моего деда. Мать отправилась в Бхаванипур в обществе девочки-невестки увидеться со своей мачехой.

Затем мы приплыли в Калькутту на лодке. В те дни Калькутта была устрашающим местом. Как только мы достигли города, мой нос поразила ужасная вонь. Этот отвратительный запах лишил меня аппетита. Проведя несколько дней в Бхаванипуре, мы посетили множество мест в Калькутте и Бхаванипуре. Мы побывали в Калигхате. Крайне расстроенный, я не мог по достоинству оценить увиденное. Когда мы вернулись в Улу, я первый сошёл на берег. По возвращении в Улу Махеш Дада, которого я считал старшим братом, Меджа Мами, и её брат, Раджа Бабу, совершили *шраддху*²⁷ по моему деду.

Проведя несколько дней в Уле, Махеш Дада вернулся в Калькутту. Как и прежде, я оставался в Уле. С большим трудом мне давались декламация стихов и повторение уроков. Я очень переживал. По указанию старшего брата (Махеша Дада) я совершил *пуджу* коровам на холме Бходга и подобающее поклонение Божеству, потратив на это деньги от продажи кокосов из наших владений и те скромные средства, которые нам прислали. Поклонение не было достой-

²⁷ Шраддха – заупокойный обряд в индуизме

ным. У меня никогда не было качеств, позволяющих...
пробел в оригинале

Дальнейшая жизнь в Уле

...некоторой собственности, она утратила всё своё богатство. В то время как мой отец отправился в Муршидабад, он взял у матери 1500 рупий. Эти деньги были утрачены. В другой раз мой отец поехал помочь одному из сыновей Мукхерджи и занял 2500 рупий у семьи моей матери под гарантии в виде драгоценностей. Большая часть этой суммы так и не была возвращена. Моя свадьба обошлась почти в 2000 рупий, и мать заплатила половину этой суммы. Йога Пиши имела долги, и мой отец выплатил их. Таким образом, расходы были многочисленны, и мать осталась с пустыми руками. Я испытывал серьёзнейшее беспокойство.

Дом моего деда был велик. Стража была немногочисленна, и по ночам я опасался воров, поэтому дал охранникам бамбуковые палки. В этом отношении я не проявлял вялости. Я вновь стал заниматься, но по-прежнему был крайне слаб в математике.

Мата Тхакурани послала Суру Сингху в Чотимангалпур. Когда рабочие рыли яму в полу дома в Чотимангалпуре, они откопали урну, полную золотых монет и драгоценностей. Однако эти сокровища попали в налоговую инспекцию. В надежде получить эти монеты и украшения, мать послала в Чоти Суру Сингху. Однако полномочия поверенного были отданы Парамешвару Махати. Мой дед по отцу Раджаваллаб-

ха Датта получил монеты с помощью этого юриста и выплатил многие долги. Поэтому спустя несколько месяцев Сура Сингх вернулся только с несколькими латунными сосудами. На средства, вырученные от продажи сосудов, Мата Тхакурани со вздохом отчаяния выплатила несколько последних месячных окладов. Видя всё это, я чрезвычайно страдал.

В ту пору мне было четырнадцать лет. Однажды в качестве мужа внучки Симхи Кхишмы я отправился в его дом. Там обитали многочисленные знатоки игры в шахматы, посвящавшие этому всё своё время. Из-за обильных трапез мой желудок расстроился. Я вернулся в Улу в обществе Саткари Мама. Когда мы гостили в Кхисме, брат нашей младшей тёти Яду Чандра готовил нам козлятину, которой мы лакомились. В ту пору, встречая военных-англичан, я подходил к ним и заговаривал. Видя изящно одетых англичанок, я испытывал большое любопытство. Когда в город приезжали миссионеры, я ходил их послушать.

Моим дядей по матери был известный бенгальский поэт Каши Прасад Гхош²⁸, потомок Туласирамы Гхоша. Он с семьёй приплыл в Улу на лодке, и несколько дней провёл в доме Шьямала Прана Мустафи Махашаи. Его жена, моя тётка, была дочерью Шьямала Прана. Я нанёс визит Каши Прасаду Бабу, и он засвидетельствовал мои способности в чтении

²⁸ Каши Прасад Гхош (1809—1873) – издатель калькуттского еженедельника на английском языке *Hindu Intelligencer*, популярного в среде образованной англофильской интеллигенции. Автор единственного поэтического сборника «Шайр и другие поэмы».

и письме. Однажды, когда я упражнялся в этом в его присутствии, он подарил мне в качестве приза зеркало. Я зашёл в дом, чтобы показать зеркало тёте.

Переезд в Калькутту и учёба в Школе индийской благотворительной миссии

Тётя заметила: «Каши сказал, что ты способный мальчик, но в Уле невозможно заниматься чтением и письмом. Переезжай в Калькутту и учись там». Я пересказал её совет матери. Сперва та не соглашалась. Мать сказала: «Я должна посоветоваться с другими родственниками в Калькутте, поле чего приму решение». Я видел, что она просто оттягивала окончательное решение этого вопроса.

Я рассказал обо всём тете. Та отправилась к матери и пообещала: «Я буду защищать Кедара, как родного сына». Все в доме говорили матери: «Мальчик не будет развиваться, если останется в Уле. Пошлите Кедара в Калькутту. Попозже Вы сможете поехать туда и убедиться в том, что у него есть всё необходимое». В итоге было решено, что я поеду в Калькутту учиться.

Затем Каши Прасад Бабу покинул Улаграм, а я, испытывая затруднения, остался, дожидаясь периода *пуджи*. Сын Шьямала Бабу, Саярам Мама, также намеревался отправиться в Калькутту на учёбу. По окончании периода *пуджи*, в течение месяца *аграхаяна*, мы отплыли в Калькутту на их лодке.

По прибытии в Калькутту Саярам Мама, его мать, бабушка и Девендрабхрата сняли дом в районе Багхбазара. Мы с Хари Гхошем поселились в доме Каши Прасада Бабу. На этот раз Калькутта мне где-то понравилась. Дом Каши Прасада Бабу находился на северной стороне пруда Хедуя. В доме были на редкость массивные колонны. Пригород Симла походил на деревню. На берегах Хедуи располагались дома миссионеров, церковь Кришны Бандора, Квинс Колледж и школа Бетхун (Bethune). Местность была прекрасной. Дом, в котором мы поселились, был хорош. Благодаря стараниям моей тёти и милости Каши Бабу я прекрасно себя чувствовал. Меня приняли в Школу индуcской благотворительной миссии (Hindu Charitable Institution School).

В этой школе я добился значительных успехов. Учитель Гаган Бабу изo всех сил пытался научить меня математике. Благодаря его усилиям математика, в конце концов, далась мне. Ишвара Чандра Нанди Бабу был моим учителем литературы. Что я могу сказать? Я питал безграничную веру в Ишвару Бабу. Он был правдив, контролировал чувства, был религиозен, сведущ во всех *шастрах* и красноречив. Благодаря его милости я делал успехи. Я получил первый приз и медаль на годовых экзаменах. Под руководством Ишвары Бабу я постепенно изучал английскую литературу и много читал.

К тому времени мне уже делали предложения поступить в колледж, но я добился в этой школе самых значительных

успехов, каких только можно было желать, и продолжал обучение в ней в течение четырёх лет. Со временем я научился писать на английском прозу и стихи.

Неожиданно я заболел. В первый год в сезон дождей я заболел из-за солёной воды и сырости. Я принимал все доступные лекарства, но ничто не помогало. Я страдал от дизентерии, жара и чесотки. Все говорили, что мне следует вернуться в Улу, но мне не нравилась идея возвратиться и прекратить учёбу. Накануне Дурга-пуджи многие джентльмены пришли из Улаграма навестить Каши Бабу.

Возвращение в Улу и знакомство с членами секты Картабхаджа

С большой пышностью была проведена первая *шраддха* по матери Каши Бабу. Во время этой церемонии я поел *пу-лао*²⁹, который лишь усугубил мою болезнь. Я был очень слаб. Я вернулся в Улу с людьми из Улаграма. Сойдя на берег, мы провели день в доме Вишвасы в Кхардахе. То было роскошное место. Все родственники были людьми достойными.

На следующий день после обеда мы достигли Улы. Я не в силах передать неописуемое счастье, которое испытал, ступив на землю Улы.

«Джанани джанма бхумиш ча сваргад апи гарияши»:

«Родная мать и земля, на которой родился, лучше рая».

Вернувшись в Улу, я прочувствовал истинный смысл этих слов.

«Очень скоро я увижу стопы матери. Я увижу место, в котором родился. Я увижу любящую Хемалату».

Питая подобные мысли, я оказался в Уле. Я почувствовал такую радость, что не в силах её описать. Когда мать увидела

²⁹ Пулао – острый рис с овощами; название родственно слову «плов».

моё измождённое тело, она была крайне встревожена. Мой дед по матери также был очень озабочен моим состоянием. После смерти моего отца приехала бабушка, которая поселилась в доме моей матери. Она сама была практически покойница. По меньшей мере, раз в день она громко плакала, зовя моего отца. Я увидел, что Хемалата расцвела и похоронилась.

Серьёзно поразмыслив о моей тяжёлой болезни, мать поговорила с кожевенником. Тот сказал, что следующим утром доставит некое снадобье, которое исцелит меня, в качестве средства экзорцизма. Утром я дождался появления очень темнокожего человека из касты кожевенников (*мучи*). В прошлом я видел, как он играет на барабане *тол*. Его звали Факир Чанда³⁰. С помощью листьев *бакаша* он провёл обряд экзорцизма, а затем дал мне съесть листьев *гура*. Затем, приблизившись ко мне, он посвятил меня в *мантру*, которую попросил регулярно повторять. По его словам, всё должно было открыться мне во сне. Он попросил мать готовить мне исключительно вегетарианскую пищу.

Факир Чанда велел мне есть рис, приготовленный со зрелым тамариндом. Таким было его предписание. Спустя два дня мне приснился сон, в котором я увидел, как моё тело покинула чёрная змея. Утром я рассказал об этом сне Факиру. Он заявил, что всякая опасность миновала. «Тебе боль-

³⁰ Речь идёт о последователях синкретической секты, известной как Картаб-хаджа Сампрадая, возникшей в середине девятнадцатого столетия в Бенгалии.

ше не нужно соблюдать ограничения. Ступай, соверши омо-
вление и поешь. Но продолжай повторять *мантру*. Через два-
три дня ты полностью избавишься от болезни». Я пошёл
и плотно поел. Однако Факир заявил: «Ты не должен есть
никакого мяса, а в уме тебе следует призывать *Сатъя Пуру-
шу* (Высшую Личность). Кроме того, ты не должен прини-
мать *прасад* полубогов и не должен поклоняться им». По-
степенно моё здоровье восстановилось. Факир сказал: «Пой-
дём, ты должен обратиться к своему *Гурудеву*!» Я пошёл
с ним в счастливом расположении духа. Обитель факиров
располагалась в районе Беледанги под названием Мучи. *Гу-
рудев* также был *мучи* (представитель касты кожевников),
а в прошлом он занимался изготовлением обуви. В доме *Гу-
рудева* было несколько комнат. Он жил в одной из комнат,
представлявшей собой храм медитации. Когда я прибыл, он
сидел в этой комнате на глиняном возвышении. Я поклонил-
ся ему. Своей милостивой рукой он пролил благословения
на моё тело и подарил четыре кусочка *мураки* (дутого риса
с патокой), которые я с верой съел. *Гурудев* спросил: «Ты
полностью излечился?» Я ответил: «Да, болезнь ушла, но зуд
остался».

Тогда *Гурудев* дал указание: «Поколоти Калу Раю и Дак-
шина Раю». Услышав этот приказ, Факир принёс новую мет-
лу и на каменном возвышении стал бить Калу Раю и Дакши-
на Раю. В *Гурудеве* начали пробуждаться определённые эмо-
ции; он стал безудержно плакать и петь песню с такими сло-

вами: «Во время оно, стопы человека начали потеть, и этот пот превратился в поток Ганги».

Когда его эмоции (*бхава*) пошли на убыль, он дал мне указание: «Сегодня твой зуд уменьшится. О любом сне, который приснится тебе ночью, ты должен рассказать мне завтра утром». Удивительно, что ночью все мои нарывы практически высохли. Ночью мне приснилось, что я посыпаю нарывы порошком кальция. Утром я рассказал этот сон *Гурудеву*, и он велел мне принимать порошок кальция. Я так и сделал, и через три дня от нарывов не осталось и следа.

Я начал питаться качественной пищей, и тело моё стало округляться. Постепенно ко мне возвращались силы и отвага. Однажды *Гурудев* явил мне милость, изменив данную мне *мантру* на более подходящую. Каждый день я с преданностью повторял эту *мантру*. Мне снились самые разные сны. Всё, о чём я думал в течение дня, я видел во сне ночью. *Гурудев* дал мне указание лечить людей, и я пытался это делать.

Я каждый день навещал *Гурудева*, в любое время, когда мне хотелось. Его имя было Голока. Однажды он сказал мне: «О, Кедар Бабу, наша дхарма³¹ очень чиста. Ни одной *дживе* не следует причинять какого бы то ни было вреда. Не следует поклоняться полубогам. Необходимо проявлять доброту к другим и вести себя достойно: таковы фундаментальные положения нашей доктрины. В прошлом Прабху Аул Чанда проповедовал эту *дхарму* с помощью двадцати двух

³¹ Дхарма – религия или доктрина.

факиров³². Эти факиры поселились в двадцати двух местах, и каждый из них занялся распространением *дхармы*. В их числе был некто Рамашаран Пал из Гхоша Пады, который также проповедовал, но его поведение было неподобающим. Наш собственный изначальный факир учредил *сампрадаю*³³ в деревне Гонтра, и его учение было благим.

Мы не принимаем *джати* (титулы принадлежности кастам). Всё, что обычно считается *мучи* («нечистым»), является *шучи* («чистым»), если используется для Кришны, а всё, что обычно считается *шучи*, есть *мучи*, если не связано с Кришной. Нет ничего дурного в браке, но сексуальные контакты с женой позволены лишь раз в месяц; более частые связи дурны. В той степени, в которой семя остаётся в теле, мужчина получает благо. Согласно нашему учению, Радха и Кришна – истинная пара. Хотя Их двое, Они суть единое целое. Хотя Они предстают имеющими форму, в действительности Они лишены материальной формы. Они подобны Господу и Его Госпоже. Концепция, согласно которой эта пара представляет собой чистого мужчину и чистую женщину, очень благоприятна. Мужчина и женщина должны быть подобны Им – подобны бессмертным богу и богине. О, Кедар Бабу, на тебя пролилась милость; очень скоро ты познаешь истину о божественной чете».

³² Факир – изначально странствующий приверженец суфизма, позднее (в разговорной речи) термин стал означать аскета в индуизме.

³³ Сампрадая – линия передачи религиозного учения.

Я, до известной степени, обсуждал все эти предметы с другими, и узнал, что наши факиры были членами Картаб-хаджа. По сравнению с Гхошапарой их поведение было образцовым. Как бы оно ни было, я питал веру в *мантру* и их учение. Хотя *Гурудев* был *мучи*, я не испытывал недостатка веры в него. Однажды он сказал: «Вскоре деревня Ула будет почти разрушена. Её жители погибнут от эпидемии. Как сумеют люди остаться в такой деревне?»

Продолжение учёбы в Калькутте. Успехи на литературном поприще

Состояние моего здоровья улучшилось, и мою жену привезли в Улу. Затем мать сказала: «Устрой брак Хемалаты. Поезжай в Калькутту и возьми меня с собой». Я отвёз мать и Хемалату в Калькутту. Мы остановились в доме Калипрансанны Датты, дяди моей матери по отцовской линии, в Симле. Бабушка осталась в Уле. К зиме моя сестра была выдана замуж, и они вернулись в Улу. В сезон дождей я вновь заболел кровавой дизентерией. Я намеревался отправиться к факирам в Уле с целью исцеления, но был виновен в том, что отчасти нарушал предписанные ими правила, поэтому не мог к ним явиться.

Я ел рыбу, мясо и *прасад* полубогов, поэтому данная мне *мантра* не имела силы. Я был подобен слону, который принимает омовение, а затем посыпает своё тело пылью, поэтому какой мне был прок в другой *мантре*. На этот раз я принимал лекарство, которое давал мне врач по имени Ишвара. Через месяц моя болезнь прошла. Ишвара превосходно ставил диагноз по пульсу, но пользовался скверной репутацией, поскольку у него не было лекарств. Благодаря моему исцелению она значительно улучшилась.

К третьему году пребывания в Калькутте я добился значительных успехов. Я немного писал на английском для таких

газет, как Hindu Intelligencer («Индусский интеллигент») Каши Бабу. Он редактировал всё, мной написанное. Была учреждена ассоциация, в которой я несколько раз выступил с лекциями на английском. В то время Кришнадаас Пал и Шамбху Мукхопадхьяя стали друзьями Каши Бабу, а впоследствии начали писать статьи для Intelligencer. Шамбху был сатириком. Он использовал множество острых слов, и через какое-то время его произведения перестали радовать. С самого начала Кришнадаас писал эссе. Постепенно, по мере моего прогресса в литературстве, я присоединился к ним.

В 1855 случилось восстание *санталов*, и газеты много писали об этом предмете. Я читал газеты. Я никогда не видел округ Сантал, но думал, что *санталы* начинают занимать видное положение и образуют новую *джати*, касту, подобно *зансанд бхантал*. По воскресеньям некоторые наши земляки ездили в Калькутту посмотреть на памятники, Баробазар и Сады Семи Прудов (Seven Pond Gardens). Я не мог запомнить бесчисленное множество аллей, улиц и улочек Калькутты. Тем не менее, мы гуляли и посещали разные общества, такие как «Клуб свободных дебатов» и тому подобные места. В силу своего скудного образования я думал, что единственный, кто обладает познаниями.

В том году Махеша Дада и Медж Маами приехали в Улу и остались в ней. Открыв внутреннюю дверь, которая была заперта моим дедом, Махеш Дада поселился в кабинете. Шитал Теояри и Хануман Симха вновь стали стражни-

ками на центральном входе. Все в доме были счастливы, поскольку должно было быть достигнуто юридическое соглашение с противоположной стороной. Когда я вернулся домой на праздники *пуджи*, то был очень счастлив. Все мои бывшие друзья пришли со мной поболтать, и полдня я посвящал тому, что навещал свою старую школу.

Я расхаживал по своему старому дому и домам своих друзей. Мне казалось, что вся Ула процветает. После того, как в Улу приехала жена Баро Дада, мать привезла туда мою жену. В те дни моя жена была очень мала, и мы играли с ней, словно дети.

В конце школьных каникул я вернулся в Калькутту. Пока я жил в Уле в обществе старых друзей, я обсуждал с ними многочисленные темы, относящиеся к Верховному Владыке, Ишваре. Дядя Парашурама не питал ни малейшей веры в Господа. По возвращении в Калькутту я стал читать всевозможные английские книги по философии. Одну за другой, я прочитал все книги в библиотеке Каши Бабу. Мой учитель Ишвара Бабу оказывал мне неоценимую помощь в чтении.

В 1856 я поступил в Индусскую школу (Hindu School). Директором был Бабу Махеш Чандра Бандйопадхьяя, а Ишвара Чандра был моим учителем истории. Махендра Сомма преподавал мне математику. В том году открылся университет. Занятия колледжа проводились в Presidency College. Занятия учеников старших классов проходили в западном крыле здания, занятия Санскритского колледжа (Sanskrit College) –

в средней части здания, а занятия учеников младших классов — в восточном крыле.

В нашем классе занимались Сатьендра Натх Тхакур, Ганендра Натх Тхакур, Набагопал Митра и многие другие. Долгое время мне с трудом давалась математика, хотя в остальных предметах я преуспевал. В то время были введены вступительные экзамены. Я делал такие успехи в литературе, что меня уважали учителя и все одноклассники. Я начал писать стихи, обратившие на себя внимание учителей, а затем и самого директора.

В ту пору Кешава Чандра Сен был юношей-индусом и учился классом старше меня. Ему тоже с трудом давалась математика, и не было шансов, что он сдаст экзамены за этот класс. Поэтому, будучи знатоком литературы, он учредил *сабху* под названием British India Society («Общество Британской Индии»). *Сабху* посещали английские профессора и преподобный Дал. Поскольку я обладал скромными познаниями в литературе, Кешава попросил меня стать членом *сабхи*.

В то время в Калькутте было введено газовое освещение. Однажды вечером мы с Каши Бабу отправились в Нарикел посмотреть на офисы газовых компаний. Многих видных людей пригласили посмотреть на первое использование газового освещения. Пришли Прасанна Кумар, Раманатх Тхакур и многие другие. Все были заинтригованы, видя газовые светильники.

Сарасвати-пуджа³⁴ и Джхулан Ятра³⁵ проводились в доме Каши Бабу, и я несколько раз навещал его, чтобы посмотреть и послушать представления. В больших количествах подавались *лучи*, *качури*, *кишира* и *мохан бхога*. Мадан Мастар и Дуго Чандел были в числе приглашённых музыкантов, и я ходил их послушать. Я имел слабое представление о музыке, но мне очень нравилось слушать песни, полные чувств.

В те дни я мог поглощать пищу в больших количествах. Навещая сад и дом Каши Бабу, я много ел. Иногда я ел много *пхutti* (разновидность зелёного арбуза) и *гура* (пальмового сахара). В некоторые дни я съедал большое количество *чату* (блюдо из нута), а порой съедал *пану* (20 *ганд*) манго. Все поражались. Я оставался очень худым, несмотря на такое обильное питание, и все немало дивились этому. О, Лалу, помнишь *раджаваллабха батикку* (пилюли для усиления аппетита), которые ты изготавливал? С помощью подобных лекарств я долгое время разжигал аппетит. В то время, в период жары, Каши Бабу и его родные жили в садах. Я часто приходил из Пак Пары (округа в районе Паик Пара Роуд в Калькутте) до колледжа в Патал Данге.

В ту пору большое смятение вызвала холера, но даже несмотря на это, я оставался большим любителем прогулок. Начиная с 1854 года, я активно знакомился со своими кровными родственниками, изучая генеалогическое древо нашей

³⁴ Сарасвати-пуджа – ритуальное поклонение богине знания Сарасвати.

³⁵ Джхулан (Джулан) Ятра – Вайшнавский праздник

семьи. Кали Прасанна Дада помогал мне, давая старинные книги, посвящённые этому предмету. Кака Бхола Натх Бабу в тот период начал зарабатывать деньги и помогал, оплачивая моё обучение. Прямо из Индусской школы я направился в университет, с целью сдать вступительные экзамены, которые проводились в здании муниципалитета. В первый же день экзаменов я слёг с высокой температурой, поэтому не сумел сдать экзамены.

Видя, что школа не даёт возможности учиться, я начал искать знания в других источниках. Каждый день я ходил в Metcalf Hall и читал там книги. В ту пору секретарём там был Шриюкта Абхая Када, а библиотекарем – Пьяри Чаран Митра Такхакар. Я давал лекции во многих собраниях. Я дискутировал с Падре Далом и Джорджем Томпсоном. Томпсон Саиб обучал меня ораторскому искусству.

По его словам, в то время, когда он добирался из деревни, в которой жил, в парламент, он становился в чистом поле, и, воображая, что растения – это члены парламента, обращался к ним с речами. Благодаря подобным упражнениям он стал превосходным оратором, чьи речи вызывали всеобщее восхищение. В тот день, когда он рассказал нам эту историю, присутствовали Набагопал Митра и Кешава Сен. Кешава заметил, что, беседуя с маленькими детьми в манере Томпсона, я тоже достигну высот красноречия.



Александр Македонский и царь Пор

К концу 1856 я написал первую часть **«Пориады»**³⁶. Ган-

³⁶ «Пориада» – поэма, описывающая события эпохи Александра Македонского. Шрила Бхакти Винод Тхакур планировал написать двенадцать частей, но завершил лишь две части. Название поэмы происходит от имени индийского царя Пора. Пор был индийским царём, оказавшим серьёзное сопротивление Македонскому во время легендарного Азиатского похода последнего. «После форсирования реки Инд Александр, продвигаясь на восток, в июле 326 до н. э. подошёл к реке Гидасп (теперь река Желум (Jhelum) в Пакистане), крупному притоку Инда с восточной стороны. За Гидаспом Александра ожидал царь Пор. Царь Пор, или Пурурава на санскрите, отличался от прежних противников Александра решимостью и личным мужеством. Все античные авторы отмечают его царственный облик – рост за два метра и могучее телосложение, так что на слоне Пор смотрелся, как всадник на коне. Армия Пора не достигала размеров персидского войска, но была достаточно сильна. Пор сражался до последнего. Существует несколько версий сдачи его в плен. Одни авторы уверяют, что его захватили без сознания. По рассказу Арриана, раненого в плечо Пору уговорили слезть со сло-

гачаран Сен Махашая прочитал это произведение и дал ему очень высокую оценку. По его совету впоследствии я опубликовал эту книгу в двух частях. Прочитав этот труд, преподобный Дафф заметил, что он безукоризнен. Он сказал: «Напишите в такой же манере, на английском, о жестокости заминдаров». Я решил, что это неудачная мысль. В то время с помощью преподобного Даффа я прочёл всего Мильтона. Возле церкви на Krishna Bandor Street жил миссионер по имени Граб Саиб. По вечерам Раджу Басу из Улы приходил к нему домой и читал Эдисона. Я тоже принимал участие в этих чтениях. Днём и ночью я читал книги Карлайла, Хаслетта, Джефффри и других. Я писал короткие стихи, которые публиковались в Library Gazette. Я был известен, как Mr. ABC.

Однажды, пригласив меня к себе через Дала Сахиба, миссис Лок ознакомилась с моей поэзией и прочитала мои стихи вслух. Немного поболтав со мной, она похвалила мою поэму и приняла книгу стихов, ей посвящённую, в подарок.

на, послав на уговоры старинного друга: «Александр первый обратился к нему, предложив сказать, чего он для себя хочет. Пор ответил: «Чтобы ты обращался со мной, Александр, по-царски». Александру понравился этот ответ: «Я это сделаю, Пор, ради меня самого. А ты попроси ради себя того, что тебе мило». Пор ответил, что в его просьбе заключено всё. Александру эти слова понравились ещё больше; он вручил Пору власть над его индами и прибавил к его прежним владениям ещё другие, которые были больше исконных».

Трагедия Улы

До начала вступительных экзаменов я отправился в Улу в обществе Раджу Бабу. Проведя вечер за ужином в доме Митр, мы отплыли на лодке в ужасную бурю. Тёмной ночью на водах Ганги было очень страшно. На следующий день, милостью Божьей, мы благополучно достигли *гхата* в Уле. То был поздний вечер месяца *ашвина*³⁷, и луна ослепительно сияла в небе. До того вечера я не получал никаких известий об Уле. Со времени месяца *ашадха*³⁸ в том году в деревне Ула свирепствовала ужасная эпидемия. В месяце *бхадрапада*³⁹ семья Махеша Дада, заболев, приехала в Калькутту, но не поставила меня об этом в известность. В месяце *бхадра* скончалась моя сестра Хемалата, но я не получил известия об этом. Моя жена заболела, и её отослали в Ранагхат. Что я ещё мог придумать ночью, кроме как не пойти к себе домой? Раджу сказал: «Ступай, я дам тебе человека в сопровождение».

Когда мы только причалили к берегу, я увидел группу людей, которые смеялись и шутили, обезумев от счастья, источником которого было полное отсутствие надежды. Деревня была пуста. Эти люди находились под воздействием *ган-*

³⁷ *Ашвина* – сентябрь-октябрь.

³⁸ *Ашадха* – соответствует нашим июнь-июль

³⁹ *Бхадрапада* – август-сентябрь

джи⁴⁰ и не испытывали страданий. Я обратился к ним с расспросами, но они не отвечали. Мы с Раджу потрясённо взирали на эту сцену. Сойдя с лодки, мы отправились в дом Мадохусудана. Заглянув в дверной проём, мы увидели, что Мадохусудан Бабу сидит на низком деревянном сиденье. Я выразил ему почтение, и он обратился ко мне со словами: «О, Кедар, оставайся здесь; утром ты пойдёшь к себе домой».

Что мне оставалось делать? Я сказал себе: «Я пойду домой сегодня же». Он сообщил мне, что эпидемия убила многих жителей деревни, и некоторые люди в нашем доме умерли. Я тотчас направился в дом, взяв с собой человека, искусного в боях на палках.

Пока мы шли, человек рассказал мне о бедствии, постигшем деревню. Он заметил: «Махеш Бабу заболел и уехал в Калькутту», но не сказал, что случилось. Главный вход семейной резиденции был открыт. Я стоял и звал родных до тех пор, пока из дома Божеств не донёсся голос Ситала Теояри: «Бабу, зайди в дом». Я почувствовал себя совершенно разбитым. Я не мог встать. Я прошёл в дом *пуджи* и звал кого-нибудь до тех пор, пока не вышла Седж Диди. Она открыла дверь и провела меня в комнату. Она беспрерывно плакала и сказала, что Хемалаты уже не было в живых. «Твоя мать тяжело больна». Войдя в комнату матери, я узнал, что мать страдала от лихорадки уже десять или двенадцать дней, но сегодня ей чуть легче.

⁴⁰ Ганджа – марихуана.

Увидев меня, мать и бабушка стали плакать. Охваченный скорбью, я сказал: «Сегодня мы покинем Улу». Ночью я не ел и не пил и почти совсем не спал. Встав утром, я стал размышлять, что же делать. Я узнал, что все служанки умерли. Остался только один слуга, приносивший воду. Утром я пошёл навестить Саяраму Мама и Дасу Мама в их доме. Дасу Мама сказал: «Поезжай в Калькутту. Я дам тебе человека, лодку и т. д.». Саярам Мама принимал хинин. Я привёз два или три пакета с лекарствами и с того дня стал принимать их.

Я пришёл в старый дом, зовя Хару Мама и Парашураму Мама. Поскольку они хотели поехать со мной, то начали продавать некоторые из своих вещей. Джагат Бхаттачарья Махашая доставил лодку, и на третий день мы вместе с ним отплыли. За день до этого я посетил многие места в Улаграме. Во многих домах никого не было – их обитатели покинули жилища. Из некоторых домов доносился мучительный плач больных. В одних домах лежали тела больных. В других мало кто остался в живых. Многие жители Улы готовились её покинуть. Многие уже уехали. То было время Дурга-пуджи, но никто не радовался.

Там, где некогда сидели тысячи людей, вместе принимая *прасад*, никого не было. Хотя в деревне было от восьмидесяти до ста образов Дурги, теперь совершалось лишь пять или шесть *пудж*. Все говорили, что причиной эпидемии был Кайлас Брахмачари. Чтобы устранить причину эпидемии, он выпустил козла. В тех пределах, которых достиг козёл, убе-

гая, холера пошла на убыль. Простые и безумные жители Улы выдумали эту историю и поверили в неё. Также рассказывали, что два человека пришли в Улу практиковать медицину, но через два или три дня тоже угодили в объятия смерти. Лихорадка была устрашающей. Любой заболевший умирал в течение четырёх или пяти часов. Мне рассказали, что в месяцы *ашадха* и *шравана*⁴¹ эпидемия не достигала таких масштабов, но в месяце *бхадра* она значительно усилилась.

⁴¹ *Шравана* – соответствует нашим июль-август

Душевные страдания, друзья, метафизические поиски

Я сел в лодку и достиг, в конце концов, *гхата* Ранагхата. Я получил известия о жене – оказалось, что её состояние улучшилось. Мы продолжили плыть в Калькутту. По прибытии моя мать остановилась в доме Каликришны Кака. (...) мою мать отвезли в дом моей тёти, которая стала о ней заботиться. Она прилагала всяческие усилия, давала матери лекарства, и та стала постепенно выздоравливать. Пока мы плыли в лодке, заболела бабушка. Благодаря стараниям и любви Кали Кака, её состояние улучшилось, но позже расстройство желудка и жар вернулись. В ту пору мне было семнадцать лет. Я страдал от непреодолимых трудностей. Не было денег. Не было никого, с кем можно было бы поговорить. Все считали, что состояние моей матери равно приблизительно *лакху*⁴² рупий.

Я говорил всем, что у нас почти ничего не осталось, но никто мне не верил. В ту пору я самостоятельно занимался с целью сдать вступительные экзамены. Бабушка жила в одном месте, а мать – в другом; не было денег, и я постоянно был обуреваем горестными чувствами. Видя вокруг одни лишь болезни, я не мог заниматься. Я думал: «Невозможно учить-

⁴² Лакх – 100 000

ся в гуще подобных трудностей». Три раза подряд я становился жертвой горячки.

Калипрасанна Дада привёз мне хинин, который я принял и испытал облегчение. Я собирался сдать вступительные экзамены, но мне вновь помешала горячка. Я утратил надежду и впал в апатию. Дом был пуст, не было ни денег, ни сил. Потеря близких, моя болезнь, невозможность учиться – куда бы ни обратился мой взор, я видел лишь тьму во всех направлениях. Как дед, так и бабушка были отпрысками известных родов; зная это, я страдал. Единственно, как я мог облегчить страдания, – сидеть и беседовать с друзьями-ровесниками. Все полагали, что я сын очень богатого человека и не нуждаюсь в средствах. Я умирал из-за боли в сердце. Я больше ни с кем не разговаривал. Я посещал разные собрания и свободно там ораторствовал, чтобы отвлечься.

Никто не понимал чувств моего сердца. Я ел в доме Каши Бабу, но о книгах дискутировал в домах друзей. По вечерам посещал дом Шриюкты Дебендранатха Тхакура. Этот дом звали «*джора шанко*» (фамильный особняк Тагоров). Досточтимый Двиджендранатх Тхакур был старшим братом моего друга Шриюкты Сатйендры Натха Тхакура⁴³, равно

⁴³ Сатъендра Натха Тхакур (Сатъендранатх Тагор) (1842—1923) стал первым индусом, поступившим в Индийскую государственную службу в 1864 году. Ранее он и его брат Ганендранатх были среди первых студентов, сдавших экзамены в Калькуттский университет в 1857 году. Сатъендранатх был известен как плодовитый писатель, поэт и сочинитель песен, редактор «Татвабодhini Патрика» и активный участник Хинду Мелы.

как и моим старшим братом. Если у меня и был близкий друг среди людей, то этим другом являлся *баро дада*. Он был щедр, воспитан, честен, питал чистую любовь к ближним и вливал жизнь в моё сердце. Когда я видел его, то все мои страдания улетучивались.

Я усаживался рядом с ним и обсуждал многочисленные книги на санскрите. Я питал большую нежность к Сатьендранатху, но неизменно восторгался великими достоинствами Двиджендранатха Бабу. Он был лишён мирских привязанностей, и когда я находился в его обществе, то был счастлив и не думал о материальных вещах. Поэтому его общество всегда было для меня благом, чего нельзя сказать об обществе других людей. В ту пору, я читал множество книг, посвящённых науке богопознания. То была наука, изгонявшая из моего сердца тревоги.



Джнанаданандини Деви, Сатъендранатх Тагор, Кадамбари Деви и Джотириндранатх Тагор

Когда я дискутировал с Двиджендранатхом, к нам на по-

мощь приходили Кант, Гёте, Сведенборг, Шопенгауэр, Хьюм, Вольтер и Кузен⁴⁴.

Изучив и обсудив книги многих писателей, я пришёл к выводу, что *дравья* (субстанция) лишена реального существования. Существует только *гуна* (качество). *Дравья* есть не более чем совокупность *гун*. *Гуны* действительно существуют, однако нет подтверждений необходимости существования *гунадхары* (начала, служащего основой или фундаментом *гун*). Двиджендранатх выслушал мои умозаключения по философским вопросам, поразмыслил над ними и сказал: «О, брат Кедар, твои суждения очень глубоки. Я не в силах их опровергнуть».

⁴⁴ Последний философ из этого списка, в отличие от Канта, Гёте и проч., сравнительно малоизвестен. Виктор Кузен (1792 – 1867) – французский философ, историк и политический деятель, ученик Мен де Бирана и Руайе-Коллара, создатель доктрин эклектизма и спиритуализма, профессор Сорбонны, член Французской академии наук, в 1840 году – министр народного просвещения Франции.



Виктор Кузен – французский философ

Двиджендранатх был интеллектуальным гигантом. В зна-

нии *падартх*⁴⁵ ему не было равных. Когда я слушал его, сила моего ума удваивалась. В качестве гостя-оратора я выступал во многих учёных обществах с лекциями по философии.

Тарканатх Палит был моим одноклассником и добрым другом; это было ещё до того, как он отправился в Англию. Ему очень нравились мои речи, и он предложил мне выступить в Британском Индийском Обществе. Англичане, присутствовавшие в том собрании, заявили, что я очень глубоко представляю разные идеи. Дал Саиб спросил: «Какое благо получит человечество от такого рода познаний?» В другом собрании этой же *сабхи* я прочитал двадцать пять историй о Ветале, написанных в форме пьесы на английском языке («Веталапанчавимшати»).⁴⁶

⁴⁵ *Падартхи* (санскр. «составная часть») – первичные категории или фундаментальные элементы бытия, различным образом определяемые каждой из философских школ индуизма. Например, в *санкхья-даршане* *падартхами* являются *Пуруша* (дух) и *Пракрити* (материя). В *адвайта-веданте* это *чит* (дух) и *ачит* (не-дух), которые с абсолютной точки зрения являются Единой *падартхой*, Брахманом. В традициях *шактов* и *шайвов* *падартхами* являются *Пати* (Бог), *Пашу* (душа) и *Паша* (мир, или узы).

⁴⁶ «Веталапанчавимшати» («Двадцать пять историй Веталы») – сборник индийских сказок, проникший в разных обработках и в другие литературы. По общему обыкновению подобных сборников, сказки заключены в рамки самостоятельной фабулы: к царю Викрамадитье приходит волшебник и предлагает ему произнести на кладбище в четырнадцатую ночь тёмной половины месяца заклинание для снискания особой волшебной силы. Царь соглашается и является в условленное время на кладбище. Там волшебник предлагает ему снять труп, висящий на дереве в некотором расстоянии, и принести его к месту заклинания. При этом, однако, царь не должен произносить ни слова. Между тем, Ветала (дух, вселяющийся в мёртвое тело; иногда – вампир. Веталы появляются на кладбищах

Люди из семьи Чакраварти начали искать листья *туласи* или *белгач*, но он остановил их. Подозвав меня к себе, он сказал: «После моей смерти не задерживайся здесь. Та работа, которую ты найдёшь в возрасте 27 лет, будет твоим главным занятием в жизни. Ты станешь великим Вайшнавой. Я благословляю тебя».

Как только он произнёс эти слова, жизнь покинула его, вырвавшись из его *брахматалу* (*брахма-рандхри*)⁴⁷. Редко можно быть свидетелем такой удивительной смерти. Завершив выполнение погребальных обрядов в соответствии с традицией, я в первом месяце совершил первую *шраддху*. У нас было множество слуг *кханеджад*. В этом районе Индии они известны как *сагар-пешиа*. Когда кто-то из нас умирал, они несли тело на плечах, совершали кремацию, и так принимали осквернение на себя. Побрив головы в особый день, они надели новые одежды и поели. Так были совершенны погребальные обряды по моему деду.

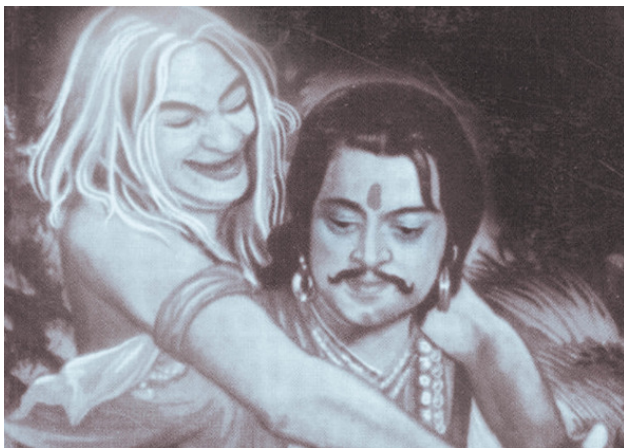
Чакраварти Махашая был нашим семейным священни-

и на полях сражений. Упоминаются впервые в Пуранах и литературе классического периода), сидящий в трупe, начинает рассказывать царю, несущему труп, остроумную сказку, по окончании которой спрашивает его, кто из действующих лиц сказки должен считаться виноватым и грозит в случае неполучения ответа растерзать царю сердце. Только царь даёт ему ответ, как труп повешенного вырывается из его рук и виснет опять на дереве, так что царь должен снова идти за ним. Демон опять рассказывает сказку и спрашивает у царя его мнение, причём повторяется та же история; так возникают двадцать пять историй.

⁴⁷ *Брахматалу* или *брахма-рандхри* – темя. Душа выходит через верхние врата, прорывая темя.

ком; он завершил поклонение. В Ориссе это стоит очень дешево. На пир явилась почти тысяча *браминов* и *каястх*. Подавались *хурум*, творог, *гур* из финикового сахара и чили. Всё это стоило копейки. В то время Махедра Мама имел работу в Мурашидабаде. Он прислал пятьдесят рупий, а у меня имелись сбережения, сделанные во время работы в Чоти. Так небольшие расходы были покрыты, и было сделано всё необходимое.

В тот день состоялась оживлённая дискуссия, и с того дня мои друзья-ровесники стали считать меня логиком, о чём рассказывали всем.



Царь Викрамадитья и Ветал

Я стал читать книги и слушать лекции членов общества

«Брахма Самадж»⁴⁸. Вера в единого Бога была благом, и долгое время я испытывал доверие к этим людям. Однако я никогда не чувствовал склонности к тому пониманию высшего начала, которое было им свойственно, и не имел вкуса к совершаемому им поклонению. Я постоянно обсуждал с Далом Сахибом теологические материи. По его совету я стал читать Библию и разные другие христианские книги. Каннинг Саиб был владельцем большой библиотеки, и я прочитал все имевшиеся у него труды по логике, в обществе одного сподвижника Рамы Мохана Роя. В те дни меня живо интересовали книги о религии, и я даже прочитал Коран в переводе Сейла⁴⁹, выполненный в 1734. Я тщательно проштудировал

⁴⁸ «Брахма Самадж» («Брахмо Самадж», «Общество (почитателей) Брахмана») – религиозное реформаторское общество, созданное в 1828 Раммоханом Роем в Калькутте. В деятельности общества получили воплощение идеи Р. Роя – единобожие, отказ от идолопоклонства, борьба с разъединяющим индийцев сектантством, стремление найти общую основу для различных религий. В 1842 главой общества стал Дебендранатх Тагор, который активизировал его деятельность, придал ему более строго организованный характер, ввёл обряд посвящения и присягу. Влияние «Брахмо Самаджа» стало усиливаться, и вскоре возникли его филиалы вне Бенгалии. В 1866 произошёл раскол, и общество распалось на «Ади Брахмо самадж» и «Бхаратваршия Брахмо самадж» под руководством Кешобчондро Сена.

⁴⁹ Джордж Сейл (Сейль) (1697 – 1736) – британский интеллектуал, востоковед, переводчик. Обучался в Королевской школе в Кентербери, в 1720 году продолжил своё образование в Иннер-Темпле, готовясь стать юристом. Увлёкся изучением восточных языков. Являлся членом Общества по популяризации христианских знаний, для которого принял участие в подготовке издания перевода Нового Завета на арабский язык (1726) в качестве редактора. Известен своим переводом Корана с арабского языка на английский с предисловием и комментария-

все книги Теодора Паркера⁵⁰ и Ньюмана⁵¹. Прежде я читал исключительно философские труды, но теперь я стал читать книги, посвящённые религии. Так во мне родилась глубокая вера в Иисуса Христа. Всё прочитанное я обязательно непременно обсуждал с Двиджендратхом.

ми (1734), неоднократно переиздававшимся. С этого перевода А. В. Колмаковым в 1792 был выполнен очередной перевод Корана на русский язык.

⁵⁰ Теодор Паркер (1810—1860) – видный американский религиозный деятель и теолог, представитель радикального унитариянства, взгляды которого в ряде вопросов близки пантеизму и свободомыслию. Паркер решительно отрицал Троицу, авторитет Писания, сверхъестественную природу миссии Христа. Объектом поклонения, по Паркеру, является учение, а не природа Христа. Истинное христианское учение принимается не через Библию, которая полна неясностей и противоречий, а сердцем. Всякий разумный человек в состоянии познать непреходящие истины через окружающий мир и внутреннее чувство, в то время как конкретные формулы и доктрины являются лишь постоянно меняющимися выражениями истины. Основу веры и откровения составляет взаимная любовь человека и Бога. Высшим авторитетом для человека должны быть истина и зов сердца, следование которым может оправдывать нарушение закона и гражданское неповиновение. Руководствуясь этим принципом и рассматривая каждую личность как абсолютную ценность, Паркер боролся против рабства в США, лично помогал беглым рабам.

⁵¹ Джон Генри Ньюман (1801 – 11 августа 1890) – центральная фигура в религиозной жизни Великобритании викторианского периода. Уже в молодости снискал репутацию блестящего проповедника. Стоял во главе Оксфордского движения, добивавшегося обновления «изъеденной либерализмом» англиканской церкви по образцу вселенской церкви первых пяти столетий по Р. Х. В 1845 г. перешёл в католичество, отстаивал идеи скотизма и принцип свободы воли, руководил католическим университетом в Дублине (1854—58). С 1879 кардинал, один из ведущих теологов католической церкви, предшественник идей Второго Ватиканского собора. Блестящий стилист и мастер парадокса, автор одной из лучших автобиографий XIX века – «*Apologia Pro Vita Sua*» (1864).

В то время произошло восстание *сипаев*⁵². Каждый вечер я читал газеты в кабинете Двиджендранатха. Я мог узнавать все новости ещё прежде их публикации, беседуя с Банешварой Видьяланкарой, издателем «Таттва Бодхини», и другими. В доме Каши Бабу кипела интеллектуальная жизнь. В ту пору я испытывал страсть к путешествиям. В обществе Банешвары Видьяланкара и нескольких других *пандитов* я посетил Бурдван. Там я провёл несколько дней, пользуясь гостеприимством Махараджа Махатапа Чандры⁵³. В те дни Бурдван был великолепным местом. Респектабельные жители Калькутты ездили в Бурдван поправить здоровье.

⁵² Восстание сипаев (Индийское народное восстание 1857 – 1859, Сипайское восстание) – мятеж индийских солдат против колонизаторской политики англичан. Восстание началось на севере от Бенгалии до Пенджаба и в центральной Индии. Основная инициатива была предпринята со стороны армии и незадолго до этого отстранённых от власти Махараджаей, но в некоторых областях его поддерживали крестьяне, и оно превратилось в общее восстание. Дели был захвачен повстанцами, однако позже был окружён и взят англичанами. Восстание положило конец власти Британской Ост-Индской компании и привело к её замене прямым правлением английской короны.

⁵³ Махараджа Махатап Чандра (Махтаб Чанд Бахадур) (1832—1879) – правитель Бурдванского царства (заминдари) с 1844. Во время восстаний санталов и сипаев выступал на стороне англичан, наделивших его разными привилегиями. Получал значительные доходы от угля, найденного в царстве в период его правления. Активно занимался благотворительностью и меценатством: развивал систему образования по западным образцам, покровительствовал *пандитам*, учителям и литераторам, учреждал больницы и вёл борьбу за возможность повторного брака для вдов. В собственном дворце учредил филиал общества «Брахмо Самадж», финансировал издательскую деятельность, сам писал стихи религиозного содержания.

Пришло время Дола Ятры. Я явился к царскому двору и подарил царю экземпляр моей «Пориады», и он прочитал из неё фрагмент и выразил одобрение. По возвращении из Бурдвана я увидел, что моя бабушка по матери была прикована к постели в доме Кали Кака с *грихинипирой*. Я думал многое, как то: «Я буду учиться, зарабатывать деньги, публиковать книги, давать лекции во многих местах. Я поселюсь там, где смогут вместе жить мать, бабушка и моя жена». Но денег не было. Никакой помощи. Все были расчётливыми чужаками. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне.

Смерть бабушки

Моя бабушка по матери была очень больна. Кали Кака предпринимал всяческие усилия, пытаясь ей помочь. Иногда Кака Бхоланатха Прабху тоже приходил на помощь. В это время случилось множество мелких событий. Так, мой друг Бирешвар Басу предложил мне однажды: «Давай посетим Чучару, Хугли и другие места». В обществе Махендры Митры, Бирешвары и Набагопала я поехал поездом в Фарасадангу и Хугли. Мы совместно оплатили путешествие и вернулись через три дня. Их общество оказалось не самым подходящим.

По возвращении я почувствовал стыд. Я намеревался насладиться экскурсией, но не знал, каким было состояние бабушки. Вернувшись в дом Кали Кака во второй половине дня, я увидел мать и Медж Диди, стоящих у входа и подзывающих меня. Они сказали: «Немедленно ступай в *гхат* на Ганге. Твой Кали Кака отнёс туда бабушку».

Я был полуодет, но быстро пошёл в Ниматал *Гхат*. Там я увидел бабушку; Кали Кака совершал *антарджали* (последнее омовение тела). Погребальные обряды продлились почти до одиннадцати вечера. Затем я совершил омовение и, вернувшись в дом Кали Кака, уснул.

Конечно, все скорбели по смерти бабушки, её отец и муж были богачами, однако её предсмертные страдания были

нестерпимыми, поэтому смерть принесла ей избавление. Когда я жил в Уле, она была очень добра ко мне. Я читал с ней «Кали Кайвальядаини»⁵⁴ и другие книги. Всякий раз, когда в книжной лавке появлялись новинки, я покупал их и давал бабушке. Она была самой искусной поварихой. Невозможно было найти другую женщину, столь же бережливую и внимательную к деталям. Она прекрасно готовила всевозможные блюда и сладости. Она знала то, чего не знали другие. Она готовила *гхосир паяс*, *амер моррабу* и т. д., на что другие были неспособны. Я всячески ей помогал.

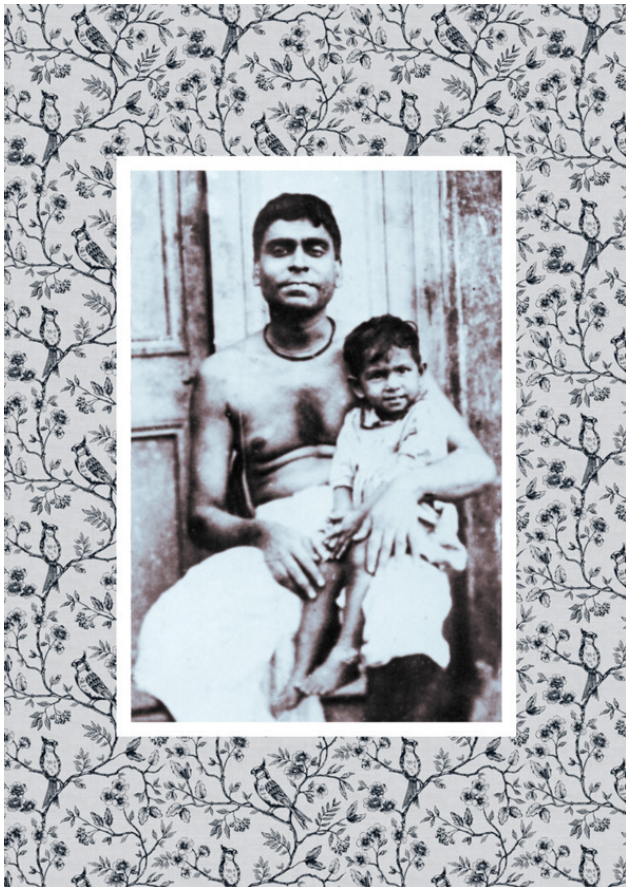
Она относилась ко мне с любовью. Будучи мальчиком, я делал разные глупости. У неё была очень тяжёлая подушка, которую она часто оставляла там или сям. Находясь в доме в Уле, она часто говорила Диди (тёте), что в подушке зашиты золотые *мохуры*⁵⁵. Я так любопытствовал взглянуть на эту подушку, что однажды, когда бабушка была в ванной, я вскрыл подушку и достал из неё полотняный мешочек, но не стал его открывать, а запихнул обратно. Каким-то об-

⁵⁴ Скорее всего, речь идёт о книге на бенгали под названием «Кали Кайвальядаини» («Кали, Дарительница Освобождения»): пуранические легенды в стихах и религиозных песнях шактийского культа»; составитель – Нандакумара Бхаттачарья; авторы – Раймохан, Нандакумара, Кавиратна. Девятое издание вышло в Калькутте, в издательстве «Вишвамбхар Лаха», в 1886 г. Предыдущие издания, соответственно, относятся к более раннему периоду, и Бхактивинод вполне мог читать эту книгу в обществе бабушки.

⁵⁵ Мохур (мухр, могур) – историческая золотая монета Индии, Непала и Афганистана. Мохуры чеканились Моголами, британской Ост-Индской компанией и некоторыми индийскими правителями.

разом она узнала о моей проделке, но ничего не сказала. Меня не было рядом в момент её смерти, и она не смогла подарить мне это сокровище. По словам Кали Кака, она передала ему все свои книги для меня. Я не был всем этим расстроен, но не отказывался от мыслей о наследстве. Через день после её смерти я пришёл в дом Каши Бабу. Привратник Итаруп Симха заявил мне: «Ты зажигал погребальный огонь у головы твоей бабушки; в течение трёх дней тебе нельзя переступать порог этого дома». Я был очень юн и терзался его словами. Обиженный, я пошёл в дом Кали Кака и остался там. Дядя, Бхоланатх Бабу, оплатил скромную стоимость *шрад-дхи* бабушки.

Начало семейной жизни и карьеры



Спустя несколько дней после *шраддхи* я подумал: «Я сниму дом, буду жить в нём и привезу туда жену». В то время моя жена находилась в доме Мату Гокулачандры Симхи. За несколько месяцев до этого Мама Гокул и Широма-ни Митра отвезли меня в Дам дам. Я отправился туда из садового дома Каши Бабу. Моей жене было почти двенадцать лет. Она буквально умоляла меня попросить мать отвезти её в Калькутту. Я сказал: «Я отвезу тебя в Калькутту, как только получу работу».

В числе должностей я получил место частного учителя в двух местах и зарабатывал 12 рупий в месяц. Через несколько месяцев я стал учителем второго класса в Школе индуcской благотворительной организации (Hindu Charitable Institution School) с окладом в 15 рупий. Тогда я сказал матери: «Давай поедem и снимем дом». Всё это случилось в 1857. В то время восстание *сипаев* было в самом разгаре.

В округе Сунри, в районе, населённом торговцами алко-голем, совсем рядом со своим домом, Чаранамрит снял дом номер восемь за 8 рупий в месяц у Винода Саркара, от моего имени. Я перевёз мать и все свои вещи из дома Кали Кака в новый дом. Кали Кака время от времени виделся со мной. Я купил одну детскую кровать, две кровати с балдахином, два кресла и один набор одежды и, таким образом, меблиро-вал дом. Я также нанял западного слугу и одну служанку. Я получал от 15 до 20 рупий, плюс всё, что доставалось от про-

дажи «Пориады»; на эти средства я жил. Иногда меня навещали друзья – Биджу и Умачаран. В ту пору я писал стихи на английском языке.

В то время Саярам Мама из Улы и его семья сняли дом в округе Сунри. Я навещал их. Харигхоша слёг с холерой, и доктор Ханигбендж сделал ему прививку, тем самым излечив его. Я несколько месяцев провёл в доме в округе Сунри и привёз туда жену. Мой доход вновь упал, и я не мог поддерживать семью. Поэтому я отправил жену и мать в дом Кали Кака. Я снял дом в Сунри, из-за чего не выплатил банковскую ренту в 60 или 70 рупий, и мать продала золотое ожерелье, чтобы отдать деньги. В то время я издал второй том «Пориады».

Живя в доме в Сунри, я часто навещал дом поэтессы миссис Лок. То была женщина преклонных лет. Когда она познакомилась с моей поэзией, то была очень ею довольна и выказывала мне всяческое расположение. В доме этой женщины я встречал Джянендру Мохана Тхакура Бабу. Миссис Лок была спиритом и демонстрировала мне многочисленные явления духов. Она побуждала духов являться и танцевать на её столе. Она видела их, но я лишь слышал звук их танца.

Постепенно я стал испытывать финансовые затруднения. Я не мог найти работу. Не хватало рабочих мест, в сравнении с числом искавших работу. Я начал входить в доверие к *мучхдине* из одного купеческого дома. Он, принимая во внимание аристократизм моей семьи, послал меня поку-

пать сахар и т. п. на рынок, чтобы я научился обязанностям главного бухгалтера. Однажды, покупая большое количество сахара, я приобрёл один лишний мешок. Я заметил это и посчитал безбожным обманывать купца, поэтому сообщил хозяину о случившемся, на что он заметил: «Для тебя будет благом стать учителем. Коммерция не для тебя».

Смерть деда

Я думал о том, как найти работу, и в это время Дада Махашая, мой дед по отцу, прислал из Чотимангалпура Лалу Чакравартти и Кевала Даса. Дада Махашая написал мне: «Мои дни сочтены. Я желаю видеть твоё лицо. Это будет возможно лишь в том случае, если ты приедешь немедленно». В Калькутте не было апартаментов. Я не мог там жить, нуждаясь в деньгах. Устроиться на работу было непросто, а доступные вакансии были сопряжены с нарушением принципов религии, поэтому я не мог принять их. Учитывая всё это, я посоветовался с матерью и женой и решил отправиться в Ориссу в обществе Кевала Рамы Даса. Я отбыл в Ориссу в 1858. Детскую кроватку, стол и т. д., а также многие другие вещи мы оставили на хранение в доме Кали Кака. В месяце *вайшакха* мы отправились в путь.

На лодке мы доплыли до Улабера. В пути, видя гигантские волны, мать стала плакать. Я тоже испугался. Мы прибыли в Улабер во второй половине дня. Мы не сумели нанять там даже телегу, запряжённую буйволами, и потому обратились за помощью к местному полицейскому инспектору, Аннаде Прасаду Гхоше. Словно для того, чтобы дать о себе представление, этот полицейский чин отдал тщетный приказ, несмотря на который мы так и не сумели нанять телегу. Из Улабера мы пешком направились в Пансакуру. Моя мать была до-

черью очень богатого человека, и путешествие давалось ей с трудом. Моя жена была слабой девочкой тринадцати лет. Мы продвигались к цели крайне медленно.

Достигнув Гхата Пансакуры, мы наняли две телеги и направились в Яджпур. В Мединипуре мы встретили Баро Мами. После Субарнарекхи мы увидели реку, разделяющую Бангладеш и Ориссу. На одном берегу реки земля была цвета красного горшка, а языком местных жителей был бенгали, тогда как на другом берегу цвет земли напоминал чёрный горшок, а люди говорили на ория. Постепенно мы проехали Балешвар и Бхадрак и достигли Яджпура. Кевалрам и Лалчанд временами дрались. Иногда, после того как их брил цирюльник, во время массажа они начинали бороться, и я наблюдал за ними с большим любопытством. Проведя в Яджпуре два или три дня, мы поехали дальше.

Мы остановились в гостевой комнате садового домика Панды (гида паломников). Новости о нашем прибытии достигли Чотиграма. Дада Махашая прислал два паланкина и носильщиков. Два вечера мы провели в Яджпуре в качестве паломников. Затем утром мы отправились в Чотиграм. Увидев нас, Дада Махашая пролил слёзы любви. У него было множество коров, и все они имели имена, такие как Гхумури, Кахри и т. д. Приходил молочник по имени Бида, который доил коров, а его мать кипятила молоко и делала йогурт и *ghi*.

В течение дня Дада Махашая постился. Вечером, после

двух *прахар*, он ел *кхачори*, которые готовил сам. Его *кхачори* содержали такое количество чили, что я не мог их есть. Он смешивал 4 или 5 *сира*⁵⁶ молока с финиковым сахаром. Этим он питался. Дада Махашая носил тёмно-красные одежды, словно *санньяси*. В течение дня он занимался лишь тем, что повторял *джану*. У него было множество птиц – голубей, павлинов, лебедей – и он нанимал двух мальчиков, которые их кормили. По вечерам к нему приходили многие престарелые преданные Кали. Все они были курильщиками *ганджи* и приходили к дедушке с целью покурить. Дада Махашая не курил *ганджу*, но постоянно курил табак. Для человека его лет он был очень крепок. Он мог вытащить кобру из её норы и быстро убить деревянной сандалией. Он был наделён отменным аппетитом и большой физической силой. Он никогда не болел. Будучи Кали Сиддхой,⁵⁷ он мог говорить на любую тему. Он составил мой гороскоп. Он сказал

⁵⁶ *Сир* – индийская мера веса, составляющая около двух фунтов. Фунт равен 453, 6 г, т. е. один сир равен приблизительно 900 г. Пять *сиров* молока – около пяти литров.

⁵⁷ *Кали Сиддха* – человек, достигший совершенства (*сиддхи*) в поклонении Матери Кали. Признаком этого совершенства, в данном случае, служит способность «говорить на любую тему». В первом стихе Карпуради Стотры, знаменитого гимна в честь Кали, сказано: «О, Мать и Супруга Разрушителя трёх городов, люди, трижды повторяющие Твою Биджу, образованную упущением из Карпуры средних и последних согласных и гласных и добавлением вместо них Вамаси и Бинду, речь таких людей, будь то в поэзии или прозе, подобно речи людей, обретших всяческое могущество, с необычайной лёгкостью исходит из их уст, о, Ты, великолепная красотой тёмного дождевого облака», т. е. поклонение Богине приносит дар красноречия.

мне: «Ты найдёшь очень хорошую работу, когда тебе исполнится 26 или 27 лет».

В Чотиграме у нас было шесть или семь больших особняков и множество меньших зданий, а в середине поместья находились храмы Радхи Мадхавы и Джаганнатхи. За домом был пруд под названием Ояс. Поместье было огорожено изгородью из острого бамбука. В Чотиграме не было недостатка в пище. Местным царём был Радж Ала. Он жил в большой роскоши. У меня был один носильщик, по имени Бхавани, но, поработав на меня всего лишь четыре или пять месяцев, он ушёл, и из-за этого я вычел небольшой штраф из его оклада. Ананда Рая, наш младший юридический партнёр, был животным в человеческом обличье. Он проконсультировал носильщика и подал жалобу в царский суд. Носильщика не было видно два или три дня, после чего он вернулся ко мне в обществе вооружённого полицейского, словно Ямадута. Я понял, что в деревнях цари⁵⁸ сильно деградировали.

Я привёз из Пхунри начальника полиции и заплатил носильщику жалованье в его присутствии, после чего полицейский царя удалился. После этого происшествия я подумал, что будет благом поселиться в главном городе, за три *кроши*

⁵⁸ «Деревенские цари»: подразумеваются местные правители, *раджи*. Зачастую, они были владельцами небольших областей или даже отдельных селений. На русский язык «*раджа*», чаще всего, переводится как «князь», что довольно условно. «Деревня» (*грам*) могла быть фактически небольшим городом с населением в несколько тысяч человек, как родной Улаграм Бхактивиноды, поэтому неудивительно, что речь идёт о «царях в деревнях».

(шесть миль) от Чотиграма.

Соответственно, я поехал в Кендрапур и поговорил с *мунсефом*⁵⁹ Шивапрасадой Симхой. Ишвара Чандра Видьясагара Махашайа любезно написал Шивапрасаде Симхе письмо, рекомендуя меня, а другое письмо, адресованное доктору Роеру Саибу, передал со мной. Шивапрасада приложил определённые усилия и основал английскую школу в округе Кендра, куда пригласил меня в качестве учителя. В ту пору туда приехали судья Джелор и комиссионер Шор. Я подарил им копию своей «Пориады» и побеседовал с ними. Судья Саиб воодушевил меня делать успехи в этой школе.

В конце сезона дождей доктор Роер, инспектор школ Южной и Западной Бенгалии, прибыл туда, и я показал ему письмо Видьясагара Махашайи и поговорил с ним. Я часто посещал его лодку, засиживаясь до глубокой ночи, и мы беседовали о разных предметах. Он сказал: «Экзамен учителей будет проводиться в Пури; поезжайте туда и попытайтесь сдать его; я вам помогу». Предполагая поехать в Пури в мае, я начал строить планы. Я жил в магазине в округе Кендра. По субботам я ходил в Чоти, а по воскресеньям возвращался на работу пешком.

В это время я получил известия о болезни Дада Махашайи. Возвращаясь от Радхашьяма Нарендры из Кедрапары, я прибыл в Чотиграм и привёз *чиннабар* (красный краситель, по-

⁵⁹ *Мунсеф* (мунсиф) – судья-индеец в Британской Индии. Суды *мунсифов* существуют и в современной Республике Индия.

лучаемый из окиси ртути) и листья *патола*. Я не увидел, чтобы Дада Махашая был поражён определённой болезнью. Он сказал: «Останься здесь на день или два; моя жизнь близится к концу». Я остался, как он и попросил. Утром третьего дня он попросил нас о пище. У него была лёгкая горячка. Он сидел на кровати во дворе; затем он лёг и начал курить табак. Дургапрасада Чакраварти, Кебал Рам Чакраварти, Лалчанда Чакраварти и ещё человек 10—15 окружали его. Поев, я вернулся к нему. Поднявшись, Дада Махашая сел, облокачиваясь на валик, и стал выпускать клубы дыма, совершая Нама Джапу.

Люди из семьи Чакраварти начали искать листья *туласи* или *белгач*, но он остановил их. Подозвав меня к себе, он сказал: «После моей смерти не задерживайся здесь. Та работа, которую ты найдёшь в возрасте 27 лет, будет твоим главным занятием в жизни. Ты станешь великим Вайшнавой. Я благословляю тебя».

Как только он произнёс эти слова, жизнь покинула его, вырвавшись из его *брахматалу* (*брахма-рандхри*)⁶⁰. Редко можно быть свидетелем такой удивительной смерти. Завершив выполнение погребальных обрядов в соответствии с традицией, я в первом месяце совершил первую *шраддху*. У нас было множество слуг *кханеджад*. В этом районе Индии они известны как *сагар-пеша*. Когда кто-то из нас уми-

⁶⁰ *Брахматалу* или *брахма-рандхри* – темя. Душа выходит через верхние врата, прорывая темя.

рал, они несли тело на плечах, совершали кремацию, и так принимали осквернение на себя. Побрив головы в особый день, они надели новые одежды и поели. Так были совершены погребальные обряды по моему деду.

Чакраварти Махашая был нашим семейным священником; он завершил поклонение. В Ориссе это стоит очень дешево. На пир явилась почти тысяча *браминов* и *каястх*. Подавались *хурум*, творог, *гур* из финикового сахара и чили. Всё это стоило копеечки. В то время Махедра Мама имел работу в Мурашидабаде. Он прислал пятьдесят рупий, а у меня имелись сбережения, сделанные во время работы в Чоти. Так небольшие расходы были покрыты, и было сделано всё необходимое.

Кроме того, в тот период произошло следующее. В Джаннатхапуре и других местах в Муршидабаде была заложена недвижимость Рани Радхарани, жены моего деда. Я договорился с ней и получил 800 рупий, который отдал на хранение Каши Бабу.

В роли школьного учителя

В мае месяце Деравиша Бабу, Рам Бабу, Курупа Бхандари и я нанесли визит в Куттак по дороге в Пури. В резиденции Дину Бабу в Куттаке я встретил родственника, Садая, и отправился с ним в Пури, где он остановился в доме Кали Чаудури. Там я встретился с доктором Роером. Находясь в Пури, я общался со многими уважаемыми джентльменами и счастливо провёл там около месяца. Муктешвар Бабу и Яду Бабу и многие другие заботились о нас. Браджа Бабу был клерком Роера Саиба. Я получал от него все новости об экзаменах. Экзамены проводились в круглом доме, и я сдал их. Ниже я привожу текст полученного мной сертификата:

Свидетельство о звании учителя

Настоящим документом подтверждается, что Бабу Кедар Натх Датт предстал перед членами комитета, назначенного для испытания кандидатов с целью их найма на работу и продвижения по карьерной лестнице в департаменте образования, в городе Пури, в мае 1859 года, и что он продемонстрировал способности, позволяющие, в соответствии с правилами, получить данный сертификат четвёртой степени, свидетельствующий о его способности занять любую должность,

в которой его оклад не будет превышать сорока рупий.

Куттак Доктор наук

Э. Роер (E.Roer) Инспектор школ, Юго-западная Бенгалия,

30 мая 1895г.

Сдав экзамен, я пешком вернулся из Пури в Куттак во время фестиваля Чандан Ятры. Там мы радовались обилию *маханпасада*⁶¹. В день фестиваля во второй половине дня мы отбыли и к вечеру прошли три *кроши*. Ночь мы провели на складе соли в Джанакадепуре. На рассвете следующего дня мы продолжили путь и ночью достигли Бхуванешвара. В дороге мы ели только *чату* и *торани маханпасада*. Солнце немилосердно пекло. Сакши Куруппу, Бабураму и Садаю было тяжело идти. Я помогал им, и в тот день мы прошли 17 *крош* (34 мили). В девять часов вечера мы находились в джунглях и испытывали большой страх перед тиграми, но, в конце концов, прибыли в храм и остановились в доме *панды* (гида паломников). Там мы, уже ночью, приняли *пасада*, испили прохладной воды и безмятежно уснули. Осмотрев это место, мы покинули его утром и прибыли в город к полудню. Садай остался там. Мы вчетвером продолжили идти в Чотиграм. Мать и жена радовались моему возвращению.

В свете результатов экзамена я возобновил работу, но в надежде получить от властей какую-нибудь должность.

К первому сентября я получил должность учителя шесто-

⁶¹ *Маханпасада* – пища, освящённая в храме Бога Джаганнатха, милость Божества.

го уровня с жалованьем в шесть рупий в месяц в Куттаке. Я немедленно отправился в Куттак и начал работать в школе. Директором был Яду Натх Мукхопадхья. Он был очень рад моему прибытию. В доме, находившемся на Сахебджада Базаре, я поселил мать и жену. Пища в Куттаке была хороша. Имея слугу, служанку и снимая дом всего лишь за две рупии, я мог позволить себе есть по утрам лучший рис, а во второй половине дня – самые превосходные лучи солнца.

В то время *мунсефом* Куттака был Махешчандра Рой, очень хороший человек родом из Шантипура. Он был ревностным последователем движения «Брахмо Самадж». Его брат Гириш Бабу был тюремным надзирателем и ортодоксальным индуистом. Главным судебным чиновником был Тараканта Видьясагар. Встречаясь с ним, я от души веселился. Став видной фигурой в Калькутте, он кормил нас во время наших визитов. В день Сарасвати-пуджи он, в качестве подарков, раздавал перья. Его общение с Яду Бабу было подобно смеси имбиря и зрелого банана.

Когда мы жили в Куттаке, я стал меньше есть и слегка похудел. Мать поразила эпилепсия. Многие ночи я провёл, бодрствуя, рядом с ней. Среди учителей в Куттаке был один *сунри* (торговец вином, представитель низшей касты). Окружающие много над ним подшучивали.

Живя в Куттаке, я часто беседовал с Шриюктой Хили Саибом. Он был помощником магистрата и школьным секретарём.

В 1859 в Куттаке собралась ассамблея, принявшая десять решений, которые так и остались неприемлемыми для учителей.

Услышав мою речь, посвящённую этому вопросу, Хили Сахеб стал питать ко мне большое доверие. Я провёл два месяца в его обществе, изучая «Европу» Генри Эллисона, и он сказал, что я наделён выдающимися способностями. Постепенно он очень ко мне привязался. Я прочитал множество книг по философии в куттакской школьной библиотеке. Получив должность директора школы в Бхадре, я уехал из Куттака 16 марта 1860.

Директор школы

По прибытии в Бхадру я снял дом в районе базара. Базар был расположен на берегу реки Салинди, а школа находилась на другом берегу. Поскольку моё рабочее место находилось далеко от дома, я был вынужден каждый день переплывать реку и платить носильщикам паланкина шесть рупий в месяц. В Бхадре я получал 45 рупий в месяц (540 рупий в год).

Живя в Бхадре, я построил новый дом, где мы и поселились. В то время Сарджан Чандра Натх Вишвас был там младшим ассистентом, Яду Бабу – начальником почты, а Бинду Бабу – заминдаром. По вечерам мы иногда собирались все вместе и беседовали. Мы много шутили и смеялись. Пища была не сказать, чтобы скверной. Но эпилепсия моей матери усугублялась.

Чиновник Диар был моим добрым другом. Однажды в Бхадре появился орисский *брамин*, декламатор Рамаяны. Узнав о болезни моей матери, он приготовил смесь сандала, масла и порошка раковин и дал ей. Благодаря этому *брамину* мать выздоровела и похорошела. Я заплатил врачу, и тот остался очень доволен. Живя в Бхадре, я написал книгу под названием «Матхи Ориссы»⁶². В том же самом году, в августе, то есть, 8 *Бхадры* 1267 эры *Сакабда*, родился мой перве-

⁶² Изданная в 1871 небольшая книга на английском языке

нец Аннада. 18 декабря того же года пришло письмо, сообщавшее о моём назначении в школу в Миднапуре. Мы были очень рады и начали готовиться к тому, чтобы оказаться в Миднапуре к первому января.

Находясь в Бхадре, я получил следующее письмо от Риветта Карнака:

«Учитель пятого класса может позаботиться о том, чтобы перевезти свою семью и вещи так, как ему будет удобно, но, поскольку его присутствие безотлагательно требуется в Миднапуре, он должен приехать к нам без промедления».

*Доктор наук Риветт Карнак, секретарь L.C.P.I.,
5 февраля 1861*

В то время Миднапур был местом, очень благотворным для здоровья. По просьбе Махендры Мама один его служащий, *махишадал* по имени Харамохан Сен, зарезервировал для меня там дом. По прибытии мы встретили Раджа Нараяна Бабу. По его совету я снял дом в Карнелаганге и вскоре туда переехал. В то время миднапурская община была возмущена. Одни были последователями Раджа Нараяна Васу Бабу и, таким образом, адептами «Брахмо Самаджа». Были там и ортодоксальные индуисты, и пропойцы, и всякий сброд без *дхармы* и *кармы*. Хотя я работал с Раджем Нараяном Бабу, я относился к группе индуистов. Я разговаривал с *маталами*, но не общался с ними. Постепенно некоторые люди стали моими последователями. В массе своей то были моло-

дые люди, образованные или получавшие образование.

Симпатии к христианству

В те дни, размышляя о религии, я приходил к заключению о том, что лучше всего сухое знание и что идеология «Брахмо Самаджа» не идеальна. Я считал, что философия братства, которой учил Иисус Христос, была совершенной. Вкус, обретаемый в таком поклонении, был порождён христианской преданностью Иисусу. Я прочитал все книги Теодора Паркера и других, и книги движения антитринитариев⁶³, которые выписывал из Калькутты. Благодаря этим книгам меня стала привлекать преданность Иисусу. С детства я питал веру в *бхакти*. Когда я слышал *Хари киртан*⁶⁴, живя в Улаграме, то испытывал блаженство.

Однажды один из слуг моего деда стал укорять неких *джати Вайшнавов* (наследственных *Вайшнавов*) в том, что они едят рыбу. По его словам, *Вайшнавы* не должны убивать живых существ. Я услышал этот разговор и пришёл к выво-

⁶³ Антитринитаризм – течение в христианстве, основанное на вере в Единого Бога и отвергающее концепцию «триединства Бога» (Троицу). Другими словами, сторонники антитринитаризма («антитринитарии» или «унитарии») не принимают «тринитарный догмат» о трёх «неслиянных и равноправных» личностях (лицах, ипостасях) Бога: Отца, Сына и Святого Духа, утверждённый на Первом Никейском соборе (325 год) и принятый большинством современных христианских конфессий.

⁶⁴ Нама Киртан – пение Имени Бога.

ду, что *Вайшнавам* негоже заниматься убийством. *Шакты*⁶⁵ совершают жертвоприношения и умертвляют животных, после чего едят мясо. *Вайшнав*ы же не принадлежат миру материи. Больше того, я вспоминаю *Вайшнава* по имени Джага, который приходил в наш дом. Он бесконечно танцевал и совершал Нама *киртан*, и из его глаз слёзы лились ручьями. Все эти эпизоды породили во мне великую веру в *бхакти*. Когда я заболел, меня вылечили Картабхаджа, и я познал мощь *Вайшнавской* религии.

Вайшнавская дхарма содержала некую суть в виде *бхакти-расы*, и поэтому я имел веру в неё. В *Шакта-дхарме* присутствовали определённые базисные практики, а последователи «Брахмо Самаджа» же не имели ни религии, ни *расы*. Подобное понимание, в конце концов, родилось в моём сердце. Посещая Калькутту, я встречался с Баро Дада и Сатуром, немного слушал о *Брахмо-дхарме*, читал все их книги и «Таттва Бодhini Патрику», но в моём уме присутствовало естественное отвращение к *Брахмо-дхарме*. Я много дискутировал и беседовал с Далом Саибом и другими миссионерами, и мне казалось, что христианская концепция намного превосходит *Брахмо-дхарму*.

Дал Саиб присылал мне книги. Мы обсудили каждую из них, и во мне развилась склонность к чистой *бхакти*, но я не переводил эту симпатию в практическую плоскость. Работая в школе в Миднапуре, я намеревался достать и про-

⁶⁵ *Шакты* – поклонники Богини-Матери.

читать книги, посвящённые *Вайшнавской дхарме*. В школе работал один *джати*⁶⁶ *Вайшнава пандит*. Беседуя с ним, я узнал, что Чайтанья Прабху проповедовал *Вайшнава-дхарму* в Бенгалии. По его словам, история и учение Чайтаньи были изложены в книге под названием Чайтанья Чаритамрита. Я стал искать экземпляр этой книги, но безуспешно. Я верил, что чтение книги одарит мой ум счастьем, но в ту пору печатных *Вайшнавских* книг почти не было.

Заболела моя бабушка. Её очень усердно лечил доктор Навагопал Гхошал Бабу. В Миднапуре было литературное общество (*сахитья сабха*). Раджа Нараян Басу, спикер этого собрания, сказал мне: «О, Кедар! Жалованья в тридцать рупий на должности учителя пятого класса недостаточно для Вас. Попробуйте найти должность получше». Постепенно у меня появилось множество последователей и учеников. Видя это, члены «Брахмо Самаджа» стали испытывать зависть. У «Брахмо Самаджа» имелась школа, и преподававший в ней *пандит* старался поссорить меня с Раджем Нараяном Бабу. Я проявлял осторожность, пытаясь окружать себя друзьями. У меня был друг, принадлежавший к тому же кругу, что и я, по имени Томас. Он был англо-индийцем. Мы писали статьи для газеты «Феникс» (Phoenix). Брадждхадhuri и Джадунатх Шил были моими добрыми друзьями. Мы

⁶⁶ *Джати* – букв. значит «каста». Возможно, подразумевается последователь Вайшнавизма, принадлежащий к одному из родов потомков спутников Шри Чайтаньи Махапрабху.

всегда сходились во мнениях, обсуждая литературу. Брадж Бабу часто устраивал пиры.

Смерть первой жены и второй брак

В месяце *джаиштха* моя супруга⁶⁷ заболела и оставила тело. В то время Аннаде было десять месяцев, и моя мать стала о нём заботиться. Когда жена заболела, все мои друзья оказали неоценимую помощь. В то время у меня возник отёк лёгких. Я переносил все выпавшие на мою долю страдания, как воин, в соответствии с «Псаломом Жизни»⁶⁸. Я молился, поверяя свои мысли Богу. Однако даже тогда я питал представление о том, что Бог не имеет образа (формы). В то же время, я был убеждён в том, что Бог обладает некой уникальной формой. Я не понимал, как могут сосуществовать такие свойства, как отсутствие формы и уникальная форма.

После того, как завершился период нечистоты⁶⁹, начались брачные переговоры. Человек по имени Ниламбар Наг был моим коллегой. Его дом находился в Якшпуре или Якпуре, за две *кроши* от Миднапура на дальнем берегу Камсы. Он начал брачные переговоры с твоей матерью⁷⁰. Твой дед по матери Питамбар Бабу приехал посмотреть на меня в обществе

⁶⁷ Имя первой жены Бхактивиноды было Шримати Саямани Деви. Она скончалась в месяце *джаиштха* (мае-июне) 1861. Ей было шестнадцать лет, Бхактивиноде – двадцать три года.

⁶⁸ «Псалом Жизни» – стихотворение американского поэта Генри Лонгфелло.

⁶⁹ Речь идёт о ритуальном «осквернении», вызванном смертью родственника.

⁷⁰ Имя второй жены – Шримати Бхагавати Деви. Она скончалась 6 июня 1920, спустя ровно шесть лет после смерти мужа (23 июня 1914).

моей престарелой тётки по матери и привёз твою мать увидеться с моей матерью. Девушка понравилась моей матери, и она одобрила брак. Дядя Бхоланатх Бабу из Калькутты написал Каши Бабу о планах, и тот высказал своё мнение. Дядя Каши не одобрил свадьбу.



Семья Кедарнатха Датты (дети и вторая супруга)

Однако воля Бога исполнялась, невзирая на любые обстоятельства. Брак осуществлялся. Свадьба состоялась в месяце *шравана*. В те дни я не мог оплатить расходы, поэтому вторая свадьба была завершена простым повторением «*Намо Намах*», в духе *риши шраддхи*⁷¹. Семья Райи Махашай

⁷¹ Свадьба в духе легендарных мудрецов прошлого, не сопровождаемая формальностями.

в Джакпуре была богатой и уважаемой. Внуки их дома были достойны почёта, поэтому индусы не порицали этот брачный союз, но некоторые английские интеллектуалы заявили, что неприлично повторно жениться спустя всего лишь два месяца после смерти первой жены. Раджнараян Бабу сказал, что если свадьбу провести в Джакпуре, то неизбежно возникнут кривотолки.

В период фестиваля в честь Дурги в том году я оставил жену в Миднапуре, а сам поехал в Калькутту, где остановился в доме Каши Бабу. Там только что появилась Бидхан стрит (Колледж стрит). Видя, как вся местность изменилась, и помня её в прошлом, я испытывал боль, гуляя по окрестностям.

Начало работы в налоговой инспекции

Махендра Натх Митра, который приходился мне братом, сообщил, что в Бурдване главный *амин* (сборщик налогов) нуждался в главном клерке со знанием английского языка. Оклад был небольшим, но *миран* составлял примерно двести рупий. Махендра Натх Митра сказал: «Ты должен будешь переводить на бенгали его английскую речь. Ты можешь занять эту должность, если пожелаешь».



Бабу Кедарнатх Датт – в роли учителя

Согласившись с этим предложением, я взял у Махендры Бхаи рекомендательное письмо и поехал в Бурдван в обще-

стве Махендры Мама. Там я проживал и питался в доме Джанаки Митры, главного администратора в налоговой инспекции, и встретился с *саибом*. Райт Саиб решил дать мне эту работу. Я вернулся в Калькутту, а оттуда – в Миднапур. Проведя в Миднапуре неделю, я получил от Райта Сахеба письмо. Прежде чем оставить департамент образования, я получил от доктора Роера рекомендательное письмо, в котором говорилось:

«Бабу Кедар Натх Датт, учитель пятого класса Английской школы в Миднапуре, почти два года проработал в департаменте образования. Сначала он работал в английской школе в Куттаке, а впоследствии был повышен до должности директора Anglo Vernacular School в Бхудракке. Он прекрасный учитель; я в высшей степени доволен тем, как он выполнял свои обязанности. Бабу Кедар Натх Датт интенсивно занимался самообразованием; в целом, он большой любитель литературы. Он ещё не сдал экзамен на звание старшего учителя, но я самого высокого мнения о его талантах и надеюсь, что он оправдает мои ожидания, достигнув высот в избранной им карьере».

*Доктор наук Э. Роер, Инспектор школ Юго-Запада Бенгалии,
18 марта 1861*

Из Миднапура я приехал в Бурдван, где взялся за новую работу. Мать и жена остались в Миднапуре. Оставив должность в Миднапуре и переехав в Бурдван, я написал пись-

мо Раджнараяну Бабу, объяснив, что вопрос решён. Я так и не вернулся в Миднапур. Я послал человека перевезти мать и жену в Калькутту. Дядя Бхоланатх Бабу помогал им, и они остановились в доме в Патхаригхате. Затем моя жена слегла с холерой, о чём дядя известил меня телеграммой. Я приехал и увидел, что дядя всячески о ней заботится. Жена выздоровела, и по совету доктора Умачарана из Радханагара я перевёз всех в дом в Бурдване.

Я не был доволен работой в качестве *назира*⁷². Под моим началом были один *назир*-помощник и 40—50 пеших солдат. Возникали конфликты. Солдаты были последними негодяями. Они постоянно ссорились между собой. Я получал четверть тех денег, которые солдаты вымогали у людей угрозами. Мне причиталось 200 рупий в месяц, хотя официальное жалованье было гораздо меньше, но то были «грязные деньги», а пенсии не полагалось. В роли *назира* я занимался работой, недостойной человека. Райт Саиб был мной доволен и выписал следующее свидетельство, когда я покинул этот пост:

Бурдван, 27 июня 1863:

Бабу Кедар Натх Датт служил мне в качестве назира на протяжении девятнадцати месяцев, и я с большим удовольствием подтверждаю, что он наделён более чем средними способностями и безупречным характером. К моему великому

⁷² Назир – инспектор

сожалению, он оставил меня с целью получить лучшее назначение в налоговом ведомстве, где я желаю ему всяческих успехов.

Райт Саддер Амин Бурдвана

Мне не нравилось выполнять обязанности сборщика налогов. В то время обман со стороны *назира* обратил на себя внимание со стороны высших чиновников. Начались разговоры в том смысле, что если немного повысить *назиру* жалованье, то обману властей можно будет положить конец. В то время главным клерком, сборщиком налогов, был Чандра Шекар Бабу. Чандра Бабу был моим другом детства из Улаграма, и я почитал его как старшего брата. То был воистину человек первого класса. Обсудив со мной мою ситуацию, он сказал: «Есть вакансия на должность второго клерка, подай прошение». Я встретился с налоговым инспектором Хоггом Саибом. Хогг Саиб назначил меня на пост второго клерка с жалованьем в тридцать рупий в месяц.

Продолжение литературной деятельности



Кедарнатх Датта – литературный деятель

Теперь денег совсем не хватало, и потому моя семья жила в доме Кали Кака в Калькутте. Я жил в одном маленьком доме, который, по прошествии нескольких дней, стал делить с Чандрой Бабу. Позже я переплыл реку Банку и снял дом в деревне Бхачхала, куда перевёз мать и жену. Я с трудом сводил концы с концами. Хогг Саиб позволил мне занять другую должность, и я стал получать чуть больше. В ту пору, когда я работал в налоговом ведомстве, я написал поэ-

му «Биджанграм», а затем поэму «Санньяси». В тот период я размышлял о религии, и эти мысли облёк в поэтическую форму. Позже я представил эти размышления обществу *Вайшнавов* в Бхаччхале, и эта поэма, «Санньяси», была опубликована. Кроме того, в то же время я написал небольшое произведение на английском под названием «Наши нужды» («Our Wants»). Чандра Бабу был последователем «Брахмо Самаджа». Мой старый друг Кешаб Сен также пришёл в «Самадж» познакомиться с ними. Преподобный Лал Бихари Де в то время критиковал Кешава Сена, говоря, что все свои идеи тот похитил из Библии. У меня было несколько учеников, изучавших под моим началом философию. Благодаря Чандре Бабу они стали последователями «Брахмо Самаджа».

Поэтому они попросили меня разрешить противоречие двух идеологий. Однажды, указав на взаимосвязь христианства и «Брахмо Самаджа», я предложил организовать встречу представителей двух групп.

Но и те, и другие относились ко мне крайне враждебно. Падре Стерн произнёс одну или две речи с выпадами в мой адрес. Я учредил «Бхратри Самадж»⁷³. Чандра Бабу и другие последователи «Брахмо» были мной недовольны. Их группа раскололась, и некоторые из их числа начали посещать моё общество.

Из-за того, что число моих недоброжелателей увеличи-

⁷³ «Бхратри Самадж – «Общество Братьев»

лось, я испытывал серьёзные опасения. Несколько человек в нашем офисе, таких как Трилочан Симха, были на моей стороне. В ту пору Ракхалдас Халдар, который только что вернулся из Англии, стал сборщиком налогов в Бурдване. Наше литературное общество собиралось в публичной бурдванской библиотеке, и потому я несколько раз вступал в дискуссию с ним. Время от времени я посещал Калькутту. Шри-юкта Хилли Сахеб, который был главным администратором, приехал в Бурдван. При встрече он сказал мне: «Я попытаюсь достать Вам достойное место».

На одном из собраний нашего «Бхратри Самаджа» я произнёс речь, озаглавленную «Душа». Отчёт о ней был напечатан в газете под названием Public Engagement. Прочитав статью о моей речи, Хили Саиб пришёл послушать меня. Он пригласил меня в Калькутту послушать выступление в собрании в Институте Далхаузи, посвящённое такому предмету, как «Централизация власти». Прибыв в Калькутту, я встретился с Далом Саибом и отправился на собрание. После лекции я остался в доме Баро Дада Двиджендранатха Тагора на ночь. Рано утром я вернулся в Бурдван, не увидевшись с ним. Баро Дада написал для меня поэму на бенгали, и я ответил в поэтической форме. Мы обменялись множеством стихов, и два из них вошли в состав поэмы «Санньяси». Остальные стихи были утрачены.

Дальнейшая карьера чиновника и рождение детей

У меня не было хорошей работы, и денег не доставало. Твоя мать забеременела с первой же попытки, и ради её блага я отослал её в Джакпур. Я отослал свою мать и Аннаду в дом Кали Кака в Калькутте. Что касается меня, я принимал участие в диспутах, посвящённых *дхарма-шастре*⁷⁴ и философии, выступал в качестве учителя и много писал. Брат Махендра Натх Митра был главным клерком маленького суда в Чудангахе.

⁷⁴ Священным писаниям со сводом универсальных законов



Он намеревался сдать экзамен на знание законов, с целью получить должность в высшем суде, поэтому взял шестимесячный отпуск. Джордж Линтон (Линтон Саиб) пригласил

меня занять его должность. Жалованье составляло 140 рупий в месяц. Половину нужно было отдавать Махендре Бабу. К тому времени, когда я собрался в Чудангах, Хогг Саиб написал мне следующий сертификат:

Бабу Кедарнатх Датт на протяжении восьми месяцев служил мне в качестве клерка-помощника в налоговом департаменте. Он очень разумный и усердный чиновник, выполнявший свои обязанности к моему вящему удовлетворению. Он покидает пост по собственной просьбе, и мне жаль терять его службу.

Бурдван. С. Д. Хогг, налоговый инспектор

Прибыв в Чуадангу, я поселился в крытом пальмовыми листьями доме, построенном Махендрой Бабу. Линтон Саиб работал неделю в Махерпуре и неделю – в Чуаданге. Дела, относившиеся к работникам индиго⁷⁵, были самыми разными; я провёл в Чуаданге полтора года. Махендра Бабу был в отпуске, но спустя год он покинул должность. Я попросил Линтона Саиба отдать его должность мне, и он передал просьбу властям. В ту пору, когда я жил в Чуаданге, я купил участок в Ранагхате и построил там дом. Мой тесть Мадхусудан Митра Махашая помог мне приобрести землю. Было очень удобно добираться из Чуаданги в Ранагхат. Я приезжал в субботу и возвращался в понедельник.

26 ашвина 1271 в месяце Сал (1869) родилась твоя стар-

⁷⁵ Работники на плантациях индиго

шая сестра⁷⁶ в доме Мама в Джакпуре. 20 *ашвина* случилась сильнейшая буря, приведшая к катастрофическим разрушениям. До её начала я покинул Чуадангу по случаю *Дурга-пуджи*. Ключ от своей хижины я оставил у слуги и проследовал в Ранагхат. Утром следующего дня началась буря. К вечеру ураганный ветер вырвал множество деревьев, кустов, разрушил дома и входы в них. Мать и Аннада находились в Калькутте. Я не получал никаких известий ни от них, ни из Джакпура.

Последствия бури были очень серьёзными. Железнодорожное сообщение было нарушено в Чанке, поэтому спустя три дня я поехал в Калькутту. Там я увидел, что мать и Аннада целы. Спустя пять или шесть дней я получил письмо, сообщавшее, что у меня родилась прекрасная дочь. Разрушения, причинённые бурей, были многочисленны. Услышав о рождении дочери, я отчасти испытал облегчение.

Строительство дома в Ранагхате было завершено после бури. Спустя несколько месяцев после бури я попытался отвезти туда жену и дочь. Сперва я поселил там мать и Аннаду, а после продолжительных настояний – жену и дочь. Наконец-то все мы стали жить в одном доме. Я возвращался из должности в субботу и уезжал в воскресенье.

Живя в Чуаданге, я пытался улучшить тамошнюю школу и не только. Тауэрс Саиб выдал мне следующий сертификат:

Сэр,

⁷⁶ Шримати Саудамини Деви

Мне доставляет чрезвычайную радость высказать мнение о Вашем характере и поведении в тот период, когда мы были с Вами знакомы. Девять месяцев Вы прожили в Чауданге в то время, когда я возглавлял этот район. Хотя Вы не были моим непосредственным подчинённым, я не раз имел возможность получить представление о Вашей позиции члена Школьного комитета.

Я очень рад тому, что могу подтвердить, с каким уважением к Вам относились как местные жители, так и члены европейской общины. Ваш отъезд из наших мест будет истинной утратой для их обитателей: не только потому, что вы вкладывали время и силы в дело их прогресса, но и потому, что из их среды будет изъята личность, дарившая своим соотечественникам высокий и редкий пример честности и благонамеренности.

Имею честь, сэр, быть Вашим самым покорным слугой. Р. Тауэрс

Живя в Чауданге, я сдал экзамен по праву в Бурдване. Помощник магистрата и налоговый инспектор Чауданги Линтон Саиб написал для меня следующее рекомендательное письмо:

Данным документом удостоверяется, что Бабу Кедар Натх Датт, который в настоящее время является клерком в суде малозначительных правонарушений, к моему полному удовлетворению, проявил себя с самой лучшей стороны,

выполняя разнообразные возложенные на него обязанности. Я считаю его заслуживающим уважения и высокообразованным человеком, а также достойным кандидатом на звание лучшего работника и я желаю ему успеха.

Чуаданга, 8 июня 1860, К. Д. Линтон

Когда Махендра Бабу покинул свой пост, Линтон Саиб написал от моего имени письмо властям с просьбой о том, чтобы я оставался на своём посту. В то время в Муршидабаде был учреждён малый суд, и тамошний клерк был назначен в Чуаданг. Поэтому я оставил должность и поехал в дом в Ранагхате. Линтон Саиб написал от моего имени письмо властям, и те ответили, что очень скоро я получу достойную должность.

Я был знаком с Хили Саибом. У него было доступно место главного клерка, но он считал, что статус клерка мне не подходит. Он рассказал о моих обстоятельствах секретарю Шри-юкте Идену Саибу. Хили Саиб с большим теплом поговорил со мной. Он заверил: «Вскоре Вы получите достойную работу. Оставайтесь в Ранагхате и ждите». В то время Линтон Саиб также выдал мне свидетельство.

В тяжёлые времена не видишь ничего, кроме худого. В светлую же пору кажется, что вокруг царит одно только счастье. Девятого февраля я получил три письма, в которых сообщалось о моём назначении. Одно письмо было от Линтона Саиба. Он написал мне:

«Умер Расика Бабу, клерк Махерпура, и Вы можете занять его место».

Второе письмо было от Хили Саиба. Он написал:

«Мой дорогой Бабу, я рад сообщить Вам, что Вы были назначены помощником регистратора в Чапру. Если вы ещё не получили письмо о назначении, то Вам лучше немедленно за ним приехать».

Искренне Ваш, Уилфрид Л. Хили.

Третье письмо было от правительства. В нём говорилось о моей работе в Чапре. Оно было датировано 5 февраля 1866. Мне доверяли пост младшего магистрата и младшего коллектора шестого класса с жалованьем заместителя администратора.

Я был очень счастлив получить эти письма. Я отправился на встречу со своим главным благодетелем, Хили Саибом, но он уехал в ОриССу. Узнав это, я вернулся. В обществе Шри Канты Мукхопадхьяи, Йогендры Чатопадхьяи, одного западного носильщика и пса по имени Тигр я покинул Чуадангу и, в конце концов, достиг Чапры.

Поселившись в квартире на втором этаже здания рядом с судом, я приступил к работе. В тех краях языком общения был урду. Я нашёл учителя и стал учить урду и фарси (персидский). Налоговым инспектором был в ту пору Грей Саиб. С его позволения я поехал в Ранагхат и привёз жену.

Всё в Чапре было замечательно, кроме того, что я должен был сдать экзамен. С этой целью я начал изучать пра-

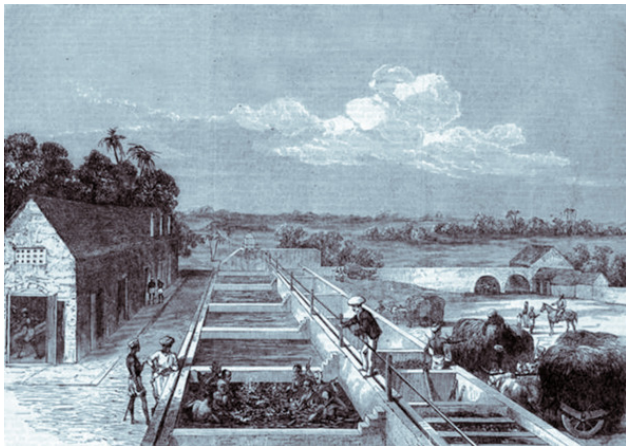
во. Заняв должность налогового инспектора, я время от времени посещал деревни в Мафахсвале. По дороге в Симурию, где я должен был подтвердить назначение, я встретил Бабу Брахму Дева Нараяна. В Годне находилась Гаутам-ашрама («Ашрам Гаутамы Муни»). Именно там Ахалья превратилась в камень, будучи проклята своим мужем Гаутамой. В Гаутам-ашраме родилась *Ньяя-шастра* (раздел писаний, посвящённый логике). «Поскольку это священное место, здесь должна быть школа логики». С этой мыслью я организовал собрание и произнёс речь о Гаутаме⁷⁷. Благода-

⁷⁷ Существуют противоречивые мнения относительно тождества Гаутамы. Согласно одному мнению, Гаутама, известный как Акшапада («имеющий глаза на стопах») и Диргхатапас («совершающий аскезы в течение долгого времени»), автор Ньяя Сутр, и Гаутама Махариши, один из Саптариши, семи великих мудрецов, упомянутый в Маханирвана Тантре, автор гимна под названием «Бхадра» в Сама Веде, – это разные личности. Однако, по мнению других исследователей, Акшапада, основатель философской системы *Ньяя*, и муж Ахальи Гаутама из Митхилы – это одна и та же личность. Вайю *Пурана* описывает мудреца по имени Акшапада, который был учеником брахмана Сома Шармы, воплощения Шивы. Этот Акшапада является основателем системы *Ньяйи*. Согласно легенде, Гаутама был настолько поглощён философскими размышлениями, что однажды во время прогулки он упал в колодезь, из которого выбрался с большим трудом. Тогда Бог милостиво наделил его второй парой глаз, расположенных на его стопах, чтобы избавить мудреца от подобных ситуаций в будущем. *Ньяя* (санскр. *ни-а́йа*, буквально «рекурсия», «возврат», в смысле «силлогизм», «умозаключение») представляет собой одну из шести ортодоксальных теологических (*астика*) школ индийской философии – преимущественно, школу логики. Первоначальным фундаментом школы служат *Ньяя Сутры*, написанные Акшападой Гаутамой в 550 г. до н. э. В *Ньяя Сутрах* Гаутама развил и расширил эпистемологию и метафизику системы *Вайшешика* в 528 афоризмах. Система *Вайшешик* возникла раньше *Ньяйи* и оказала на последнюю систему значительное влияние. В цен-

ря этому выступлению я познакомился с местными уважаемыми джентльменами. Они считали меня другом, желавшим местным жителям блага. В то время никто не пытался заниматься сбором средств. От Бандхубара, Тарапрасада Мукхопадхьяи и Бахадура Укхила Махашаи я узнал, что в Годне была школа *Ньяи*, которую опекали даже европейцы.

В начале пребывания в Чапре мои отношения с англичанами были не идеальными. Плантаторы индиго, врач и полицейский саиб сообща выступали против меня. Хотя между собой их ничего не объединяло, все они питали дурные намерения в мой адрес. Европейцы, владельцы плантаций индиго, хотели, чтобы налоговый инспектор отдавал им предпочтение перед местными заминдарами. В этом вопросе я был беспомощен, поскольку никак не мог позволить себе быть пристрастным. Доктор-саиб в прошлом был начальником регистратуры и получал небольшие деньги в виде взяток. Из-за меня он лишился этих средств и потому стал проявлять враждебность.

тре обеих систем стоит критический анализ природы мироздания посредством логики (*йукти-прадхан*). Основателем или первым популяризатором *Вайшешика* был Улук, более всего известный как Канада, систематизировавший свою систему в *Вайшешик Сутрах*. Термин «*вайшешик*» происходит от «*вишеша*», что означает «специфическая черта». Хотя *Ньяя* и *Вайшешик* – различные системы, они имеют больше общего, нежели отличного. В позднейшую эпоху возникла «новая» школа *Ньяйи*, *Навья Ньяя*, которая представляла собой объединение этих двух систем.



Фабрика по добыче индиго. Бенгалия 1877г.

Поскольку я не в силах был терпеть неподобающее поведение полиции, служащие полиции были недовольны. Как бы там ни было, Грей Саиб не мог получить небольшие деньги, и его место занял Холидей Саиб. Мои враги говорили обо мне много дурного этой великой душе. Вначале наши с Саибом Холидеем отношения были довольно натянутыми. Но довольно быстро, милостью Божьей и с помощью Хили Саиба, мне удалось открыть ему глаза на истинное положение вещей. После того, как он приложил некоторые усилия, вступившись за меня, враги стали моими друзьями.

Все в Чапре стали моими друзьями. Юрист Кешаб Бабу всегда высказывался в поддержку моих взглядов. Судья Саиб также был ко мне благосклонен. Жители Чапры готовили са-

мые разные *пикало*⁷⁸. Определённая разновидность этого маринада была самой лучшей. Я начал её делать. Их маринад с горчичным маслом имел приятный вкус, и я начал готовить и его также. В то время я в больших количествах ел рыбу и мясо. Я уже давно знал, что убивать животных дурно, но испытывал сильное желание наслаждаться рыбой и мясом.

В Чапре я ел много рыбы, но она была плохого качества, поэтому я перешёл на козлятину. После того, как я долгое время ел подобную пищу с красным чили и горчичным маринадом, у меня образовалась кровоточащая язва. Первый приступ случился в день полнолуния. В конце концов, я стал испытывать сильные боли в дни новолуния и полнолуния. Боли длились в течение пяти-семи дней. Они были нестерпимыми. Когда начинался приступ, я страдал от тошноты и диареи в течение 10—17 часов. Сначала я ходил к доктору, и мой близкий друг Манохар Бабу выписывал мне лекарства. Позже я попробовал натуральные мусульманские лекарства. Наконец, Махендра Мама привёз из джунглей аюрведические травы, и местный *вайдыа* (врач) приготовил из них лекарство.

Однако ничто не помогало. Я попытался сдать экзамены в Бхагалпуре, но безуспешно. Я испытывал некоторое беспокойство, потому что не был уверен, что смогу сдать экзамены. Моё здоровье серьёзно ухудшилось, и я хотел полу-

⁷⁸ *Пикали* – маринованные овощи, доселе очень популярные в Индии.

читать назначение в другое место, однако подходящего варианта не было. В период *пуджи* я совершил путешествие в Западную Индию. Мне составили компанию Нарасимха Праasad, мой начальник, Каши Бабу, главный клерк налогового ведомства, один *брамин* и слуга. Спустя тринадцать дней мы вернулись в Чапру после того, как побывали во Вриндаване, Матхуре, Агре, Праяге, Мриджпуре и Каши. Больше того, в поезде я встретил Бимала Вишваса Махашаю, который пообещал прислать лекарства от Видьясагары Махашай. Даже в те дни основание индуизма (*арья дхармы*) было шатким. Моя *бхакти* была смешана с *джняной*. Поэтому, находясь во Вриндаване, я не испытывал счастья, доступного чистому *бхакте*. Прибыв в Каши, я заболел простудой из-за того, что пил холодную воду Ямуны. В Праяге я побрил голову, а во Вриндаване побеседовал с Раджей Радха Кантой.

Он был очень рад видеть меня. В то время он читал «Гарга Самхиту». Увидев храмы Шридхама Вриндавана, я испытал счастье. Однако я не оказывал преданным должного почтения. В Канпуре я угодил в лапы лже-друга, но мне удалось вырваться из них прежде, чем он сумел этим воспользоваться. *Пандары* Праяга оказались полными негодяями. Они попытались доставить нам неприятности, но это едва ли им удалось.



*Раджа Радхакантха Дев,
автор энциклопедии санскрита «Шабха калпадрума»*

По возвращении в Чапру я получил рецепт на травя-

ное лекарство от Бимала Вишваса, но потребовалось время, чтобы найти *мултани хинг*. Приближался экзамен, поэтому я усердно занимался. Матхуранатх Теояри произвёл астрологические расчёты и сказал: «На этот раз ты непременно сдашь экзамен». Я чувствовал себя настолько скверно, что не слишком верил его предсказанию. В том году я страдал от колита⁷⁹ и болей в сердце. Мы совершили ещё одно путешествие в Сонапур, на ярмарку, где жили в палатке. Во время этого отпуска главный налоговый инспектор Беверли Саиб пришёл в мой офис увидеться со мной, но ему пришлось дожидаться моего возвращения. Вернувшись, я узнал о его визите и отправился к нему. Он был очень рад и сказал: «На сей раз усердно занимайтесь, чтобы сдать экзамен».

На этот раз, отправившись в Патну сдавать экзамен, я остановился в доме друга, Гурупрасада Сена. Меня сопровождал Вамачаран Бандьопадхья. Я сдал экзамен и вернулся. Сдав экзамены и вернувшись в Чапру из Патны, я увидел, что родилась Шримати Кадамбини. Эта дочь была очень красива. Однажды она чуть не умерла из-за болезни желудка. В то время Саду⁸⁰ всюду ползала и играла с Тигром. Лепеча, она говорила: «*Гаитха ле аи ле аи*». Каду родилась 29 *чайт-*

⁷⁹ Колит представляет собой острый или хронический воспалительный процесс, протекающий в толстом кишечнике, который возникает по причине токсического, ишемического или инфекционного поражения органа.

⁸⁰ Уменьшительно-ласкательная форма от «Саудамини». Аналогично, Кадамбини – Каду, Лалита Прасад – Лалу, Бимала Прасад – Биму, Шайладжа Прасад – Шайлу.

ра⁸¹ 1778 (1866 от Р. Х.). В то время Аннада проказничал, сражаясь со своим слугой Макханом.

В июне я получил известия о том, что успешно сдал экзамены.

Беверли Саиб написал следующее письмо.

5 июня 1867

Мой дорогой Бабу,

Вы будете обрадованы, узнав, что успешно сдали экзамен. Сегодня утром мы встретились, чтобы послать Вам известие об этом.

Искренне Ваш, Х. Беверли

Я был очень доволен, но не питал радужных надежд, что объяснялось моим физическим состоянием. Я ждал, когда моё здоровье поправится, но не видел никаких улучшений, поэтому твёрдо решил перевестись в другое место.

В тот период, когда я жил в Чапре, у меня не было тревог, не считая больного кишечника. Холидей Саиб был моим близким другом. Но на меня оказывалось сильное давление. Поэтому я написал Беверли Саибу, прося о переводе в другое место, и он приложил к этому усилия. Когда я находился в Чапре, 8 июня 1867, в соответствии с правилом 21, я был назначен налоговым инспектором. 16 октября Беверли Саиб назначил меня помощником регистратора страховок суб-округа в Пурнии и Кришнагандже. До этого я получил рекомендательное письмо, связанное с моей работой

⁸¹ *Чайтра* – соответствует нашим март-апрель

в Чапре, датированное 10 сентября 1867.

Холидей Саиб был недоволен, слыша новости о моём переводе. Он заметил: «Из огня да в полымя». От какой болезни Вам придётся лечиться, когда вы прибудете в Пурнию!» Но затем я всё же получил новую должность. Я перевёл семью из Чапры в Ранагхату, а затем проследовал в Пурнию в обществе носильщика, Кали и Шри Канты. Я сдал экзамен в Бхагалпуре и прибыл в Пурнию в ноябре. Я остановился в доме Амриты Бабу. По пути туда случилась мощная буря с ливнем. В Пурнии не было капитальных зданий, поэтому я построил дом из соломы и поселился в нём. Через несколько дней после того, как дом был построен, я перевёз в него семью.

Все приезжали в Пурнию увидеться со мной, ввиду моей болезни. Я провёл в Пурнии пятнадцать дней, а затем отправился в Кришнагандж, где также провёл две недели. Варган Саиб, налоговый инспектор Пурнии, стал моим другом. Работая в суде Кришнаганджа, я жил в палатке. Во время пребывания в Пурнии я приготовил лекарство по рецепту, присланному Видьясагаром Махашаей. Я смог достать *мултани хинг* только в одном месте – Bathget Company. Вначале был приготовлен *кхаи*: было отмеряно пять *тол* имбирного порошка, две *толы* чёрной соли и две *толы* боракса.

Шестнадцатая часть *анны хинга* была необходима. Сначала нужно размешать порошок имбиря в соке кожуры хрена; затем растолочь в чёрной соли, затем растолочь в *сохага*

кхаи. В той степени, в которой добавлялся сок, нужно было в достаточной мере размешивать смесь.

Пятьдесят четыре пилюли были изготовлены таким образом и помещены в закрытый свёрток. Я принимал по две пилюли с водой дважды в день.

На протяжении двадцати семи дней моя лечебная диета состояла из выдержанного риса, легко усваиваемых зелёных овощей, приготовленных в выдержанном гхи, и молока. Я не мог есть *лучи*, *рути*, *питху* (сладкий пирог), *метхаи* (пирожные), *канча тайлу* (свежее масло), *тайла пакву* (старое масло), *таракари* (овощи, приготовленные в собственном соку с гхи и специями), *бхуджу*, *бхуджи*, *амлу*, *шак*, *дахл*, *чинру* (дутый рис) и мясо, но рыбу, и только свежую, можно было есть в выдержанном гхи. Таким было правило относительно того, что можно есть, а что нельзя, на протяжении в точности двадцати семи дней. Небольшое дополнительное количество молока не возбранялось.

Я принимал лекарство, живя в Пурнии. Кровотечение кишечника прекратилось. Ко мне вернулись силы. Я занимался, готовясь к экзамену по праву, но результаты были скудными. Благодаря тому, что я принимал травы, мои боли уменьшились. Я получил от властей благодарственное письмо, датированное 21 августа 1868. Меня благодарили за усердную работу по созданию офисов в Пурнии и Кришнагандже. Ранее я получил рекомендательное письмо, в котором упоминалась моя работа в Чапре. Письмо было дати-

ровано 10 сентября 1867.

Неожиданно, я получил следующее письмо:

Главный офис регистрации

5 Wellesley Place, 26 февраля 1868

Мой дорогой сэр,

Поскольку правительство намерено учредить отдельную регистрационную службу, отличную от службы помощника главы отдела, я прошу Вас дать мне знать, каковы Ваши предпочтения – оставаться младшим регистратором, как в настоящее время, будучи субъектом уложений, относящихся к характеру службы, которые могут быть выпущены в будущем, либо освободиться от всех обязанностей в службе регистрации и перевестись в юридический департамент, при условии, что губернатор округа одобрит таковое назначение. Если вы останетесь в должности помощника главы отдела, то Вам, конечно, потребуется сдать обычные экзамены в департаменте. Я прошу о любезном ответе в виде возвращения на должность.

Искренне Ваш, Х. Веверли Бабу Кедар Натху Датту

Я ответил следующее:

Пурния, 2/3/68

Мой дорогой сэр,

Сегодня я получил ваше любезное письмо, датированное 26-ым числом. Я прошу позволить мне ответить Вам следующее. Поскольку я не понимаю условий и перспектив новой предполагаемой

службы в регистратуре, то, скорее всего, не сумею отдать предпочтение ни юридическому департаменту, ни новой службе. Насколько я понимаю из Вашего любезного письма и особенно его заключительной части, не будет дальнейших экзаменов, которые мне придётся сдавать, и я предпочитаю оставаться помощником регистратора, не выполняющего обязанности помощника главы отдела. Я должен смиренно признаться, что я с радостью останусь помощником регистратора, при условии, что буду иметь перспективы повышения, не сдавая более никаких экзаменов. Но в случае, если Его Честь губернатор округа будет удовлетворён предписать для меня любой иной экзамен в регистрационной службе, то я также, в этом случае, прошу о том, чтобы быть полностью переведённым в юридический департамент в должности помощника главы отдела.

Кедар Натх Датт

Написав приведённое выше письмо, я стал дожидаться ответа, и в это время слёг с горячкой. Из-за этого моя жизнь в Кришнагандже была очень мучительна, но я выздоровел. В это время Беверли Саиб приехал в Кришнагандж и проинспектировал офис. Когда я рассказал ему о своей болезни, он сказал: «Я не знаю, каким будет решение господина губернатора округа. Я припишу Вас к офису регистраторов и включу в группу *мунгар* в Бхаджапуре. Я был доволен.

В Пурнии состоялась первая церемония кормления зер-

ном Кадамбани.

19 марта я получил письмо от Шриюкты Дампьера Саиба.

Бенгальский секретариат, 17 марта 1868

Мой дорогой сэр,

Я только что увидел Ваше письмо г-ну Беверли от 2 февраля. Я думаю, что Вы написали его в ложном опасении, что продвижение в регистрационном департаменте будет таким же успешным и высоким, как и в службе помощника главы отдела. Но здесь ошибка: если бы так было, то, конечно, Вам пришлось бы сдавать экзамены в этом департаменте также.

Наряду с этим, на основании мнения, которое я смог сформировать в то время, когда имел счастье встретить Вас в Ранагхате, я уверен, что Вам нужно опасаться отсутствия экзаменов, и что Вы будете представлять гораздо большую ценность для государства в роли главы отдела и чиновника юридического департамента, чем в роли простого регистратора. Поэтому губернатор распорядился о том, чтобы Вы были приняты в должность обычным образом. Вы должны заменить г-на Твидла в Динаджпуре, который уходит в двухмесячный отпуск.

Искренне Ваш, Х. Л. Дампьер

Получив пару писем такого содержания, я стал Deputy Magistrate, заместителем магистрат в Динаджпуре. В Динаджпур я проследовал на паланкине. Моё намерение состоя-

ло в том, чтобы переговорить со многими людьми, найти постоянное жилище и привезти туда семью. Но прежде этого в Пурнии появился Ратнешвар Бабу. Он остановился в моём доме в Пурнии, а я поехал в Динаджпур. Я написал Дампьеру Саибу. Тот сказал: «Сейчас Вам лучше задержаться в Динаджпуре». Я нанял паланкин и отвёз всю семью в Динаджпур. Там моё здоровье было великолепным. Мама Ратнешвар получил должность младшего клерка (в Пурнии).

Обращение в Вайшнавизм



В Динаджпуре позиции *Вайшнавской* религии были довольно сильны благодаря Рае Камалочану Саибу. Город посещали многие *вайраги*⁸² и *гошаины*⁸³. Многие состоятельные люди финансировали собрания *браминов-пандитов*. Некоторые уважаемые джентльмены регулярно приходили ко мне, чтобы побеседовать о *Вайшнава дхарме*. У меня было желание узнать истинную *Вайшнавскую дхарму*. Я написал нашему агенту Пратапу Чандре Рае, и он прислал мне перевод Бхагаватам и Чайтанья Чаритамриты. Я также достал книгу под названием «Бхакта-мала». Прочитав Чайтанья Чаритамриту в первый раз, я почувствовал некоторую веру в Шри Чайтанью.

Когда я стал читать книгу во второй раз, то понял, что не было *пандита*, равного Чайтанье Махапрабху. Однако в моём уме присутствовало следующее сомнение: будучи таким *пандитом* и явив реальность любви в такой мере, как Он может рекомендовать поклонение Кришне, с его моральными изъятиями? Я был немало поражён и размышлял об этом. Я стал с большим смирением молиться Богу: «Господи, пожалуйста, дай мне разум, посредством которого я познаю эту тайну». Милость Бога не знает границ. Видя моё горячее желание и смирение, Он через несколько дней одарил меня милостью, и я обрёл разум, благодаря которому понял, что

⁸² *Вайраги* – отрешённый от мира,

⁸³ Госвами – титул «повелитель чувств».

есть что.

Я смог понять, что Кришна *Таттва*⁸⁴ очень глубока (сокровенна), и является вершиной знания о Боге. С того времени я почитал Чайтанью Махапрабху как Бога. Я всячески старался беседовать с многими *вайраги Вайшнава пандитами* и понял многие аспекты *Вайшнавской* религии. Семя веры в *Вайшнавизм* было посажено в моём сердце в детстве, и оно проросло. С самого же начала я пережил *анурагу* – совершаемое в сердце служение Кришне в согласии с индивидуальной природной духовной склонностью – под руководством *Гона* и *Гони Враджи*, – и это чувство было бесподобным. Днём и ночью я читал о Кришна *Таттве*. До этого я читал книгу под названием «Чайтанья Гита», в которой Махапрабху выступал под именем Шачинандана Премаланкар.

В то время в Динаджпуре происходил активный конфликт индуистов и последователей «Брахмо Самаджа». Главы школ были *брахмоистами*, но почти все остальные – индуистами. Индийцы пытались исключить последователей «Брахмо Самаджа» из их касты. *Брахмоисты* пригласили меня в своё собрание, на что я написал им, что являюсь не *брахмоистом*, а слугой многих последователей Чайтаньи. Услышав это, они отказались от надежд на то, что я стану *брахмоистом*. Индуисты попросили меня организовать *сабху* для индийцев, и первое собрание прошло в до-

⁸⁴ *Таттва* – элемент, аспект реальности, суть.

ме Кханджанджи Бабу. Я дал лекцию по Бхагавате,⁸⁵ которая была опубликована в книге. Некоторые *саибы* услышали лекцию и были впечатлены.

До этого собрания я никогда не слышал пение в стиле Манохар Шахи⁸⁶ (разновидность *киртана*). Я был впечатлён, услышав пение Шрени, вначале из уст Широмани Махашаи, а затем Мадансимхи Махашаи. Я стану слушать лишь человека, способного петь *киртан* Махапрабху Чайтанья Дева в стиле Манохар Шахи.

В то время у меня родился сын. Но спустя месяц и несколько дней он умер. Моя жена была очень опечалена. Одновременно ей также сообщили о смерти её отца, хотя я в течение двух дней держал это в тайне. Решив, что настало время, я сообщил жене, и два горя слились в одно. Была совершена *чатуртхи крия* (поминальные обряды, совершаемые замужней женщиной на четвёртый день после смерти одного из родителей). После этого я стал думать о том, чтобы уехать из Динаджпура.

⁸⁵ Эта лекция была положена в основу буклета под названием (в современном переводе на русский) «Бхагавата Пурана: Её философия, этика и теология».

⁸⁶ В округе Бурдван в Манохар Шахи (Манохорсохи) Паргане в середине шестнадцатого века возникла школа киртана, представленная Ачарьей Шринивасом и распространённая Гьяна Дасом, Баларамом Дасом и др. — современниками Нароттама Даса.

Частые переезды и продвижение по службе

По решению властей, 17 марта 1868 я стал ассессором в Динаджпуре. Я встретился с Шрикантаджи. Я увидел реку Атрею. В то время я подал прошение об отпуске, и 29 мая 1869 получил оплачиваемый трёхмесячный отпуск. В месяце Джайштха случилась сильная буря. Сразу после этого я переплыл реку Хугли и отправился в Ранагхат с семьёй. Прощаясь со мной, жители Динаджпура немало горевали. Затем на лодке я добрался до Малдахи. В доме помощника магистрата Амбики Чаудхури я дождался, когда уровень воды спадёт и буря утихнет, после чего достиг *радж махала* на телеге, запряжённой волами.

Я не сумел сдать экзамен по праву в Динаджпуре. Мама Ратнешвара был задержан в Динаджпуре. Мы приехали и остановились в этом доме. Махендра Мама время от времени приезжал в Ранагхат и жил там. В его обществе я посетил множество разных мест, а в конце отпуска вернулся в Динаджпур. Я проработал в Динаджпуре ещё два месяца, после чего перевёлся в Чампарну. Подав вовремя прошение, я надеялся посетить Ранагхату по случаю рождения ребёнка, но правительство не позволило. Позже в доме в Ранагхате

родился Радхика Прасад⁸⁷. Я не смог приехать домой к его рождению. В обществе Шри Канты я отправился в Чампарну. В конце года о моей работе в Динаджпуре было написано следующее: «Бабу Кедар Натх Датт, помощник магистрата, является хорошим чиновником и совершенствуется с опытом».

Радхика родился в *пауша мас*⁸⁸. В то время я находился в Матихари. Я очень понравился сборщику налогов Меткафу Саибу. Он отправился в Непал, чтобы утвердить границу, а я остался смотреть за *гаолами* (тюрьмами). У меня вышел небольшой конфликт с врачом-европейцем, но Меткаф Саиб был на моей стороне и вмешался. На этот раз я усердно учил право.

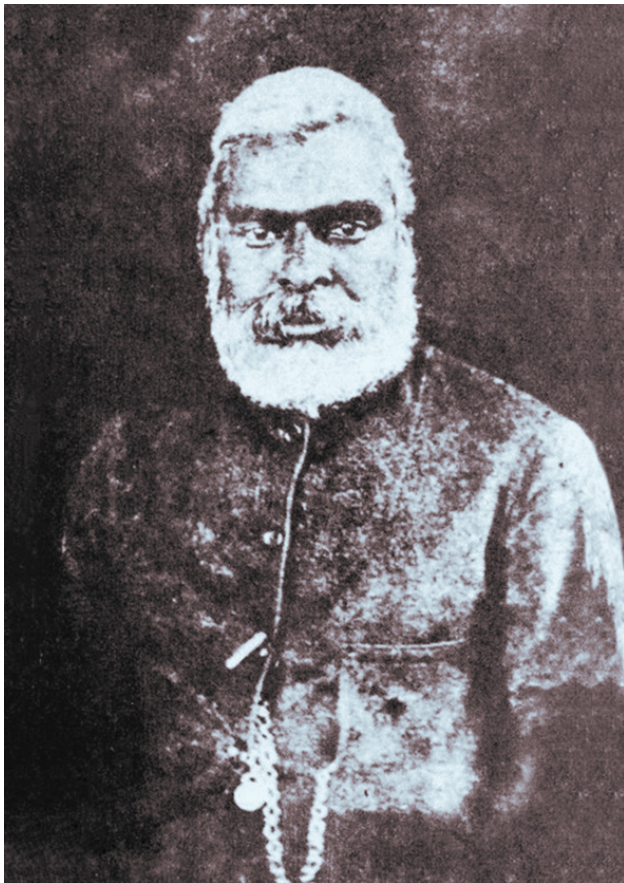
Я запланировал с Меткафом Саибом, что сдам экзамен в Чапре, поеду в дом (в Ранагхате) и вернусь со всей семьёй. Поэтому я попросил комиссионера Дженкинса о дополнительном отпуске в пятнадцать дней, и в ожидании одобрения властей он дал его. Я поехал в дом и сдал экзамены. На этот раз я провёл в доме несколько дней, и Меткаф Саиб написал мне: «Вы должны приехать немедленно. Глава налоговой инспекции сказал, что для вас не время отсутствовать».

⁸⁷ В 1870 г.

⁸⁸ *Пауша* – соответствует нашим декабрь-январь

Перевод в Пури

Кедарнатх Датта – мировой судья Прибыв в Калькутту, я узнал, что секретарский офис перевёл меня в Куттак. У меня было желание поехать в Пури. Мне сказали: «Вам лучше поехать в Ранагхат; Вы получите письмо о переводе в Пури». Я поехал в Ранагхат, а спустя два-три дня пришло письмо с одобрением моего перевода в Пури. В то время Радхика был совсем мал, поэтому я решил вначале поехать туда один. Я взял Шримад Бхагаватам и Чайтанья Чаритамриту и отправился в Калькутту, намереваясь оттуда поехать в Пури. Живя в доме Бхоланатха Бабу, я позаботился о том, чтобы поселиться в Пури в официальной правительственной резиденции.



Кедарнатх Датта – мировой судья

Позже, явившись в центральный офис, я узнал, что Меткаф Саиб планирует отвезти Меткаф Саиби (жену) в Мати-

хари. Я не желал задерживаться, поэтому проследовал в Пури. На лодке я доплыл до Улубери, после чего достиг Миднапура на паланкине. Затем я посетил дом моих родственников по жене в Джакпуре, а затем отправился в Пури. Спустя четыре дня я достиг цели. Одну ночь я провёл в Бхадраке, одну ночь в Балешваре (Баласоре), а одну – в Куттаке.

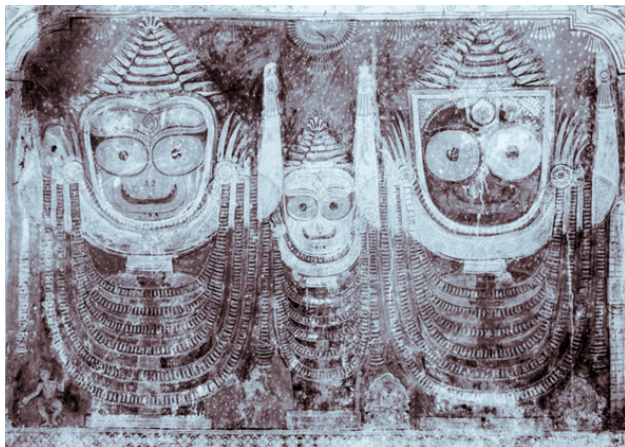
Прибыв в Пури, я навестил старого друга Яду Бабу в официальной правительственной резиденции. Я снял кирпичный дом в районе Баро Данды.

Каждый день я приходил в Шри Мандир увидеть Джаганнатху. Во время *даршана*⁸⁹ я вспоминал эмоции Шри Махапрабху и испытывал большое счастье. Все *махати* (настоятели) там были *Вайшнавами*, и я начал по достоинству ценить счастье, переживаемое в их обществе. За несколько дней до моего прибытия в Пури также перевели Амбику Чаудхури. Он был ортодоксальным *шактой*. Он приложил титанические усилия в Шри Кшетре (*Дхаме*, где находится Пури), но не сумел утвердить свой авторитет. После этого он перевёлся в Джайпур. На протяжении нескольких месяцев я был один, затем, по окончании сезона *пуджи*, я перевёз в Пури всю семью.

Шри Канта Мукхопадхьяя оставался в моём доме в Матихари, оберегая имущество. Меткаф Саиб задержал его там. Он всеми силами пытался вернуть меня в Матихари, но когда у него ничего не вышло, он отпустил Шри Канту. Шри

⁸⁹ *Даршан* – созерцание Божества.

Канта перевёз мои пожитки в Ранагхат, после чего приехал в Пури.



*Божества Баладевы, Субхадры и Джаганнатха.
Храмовая фреска*

У Кшетры Бабу был дом, и когда Амбика Бабу (арендатор) освободил его, я переехал туда. В моём доме в Мандала Коте поселился Аннада Гхоша. Благодаря Кшетре Бабу вся моя семья приехала и поселилась в доме. Мать, Аннада, моя жена, Радхика, Саду, Каду, Седж Диди и Нутан Диди – все на сей раз поселились вместе. Все были счастливы видеть Господа Джаганнатху.

Спустя два или три месяца Каду слегла с лихорадкой. Разные врачи пытались её лечить. В конце концов, д-ру Стюар-

ту удалось вылечить её. В те времена то было нечто неслыханное.

Дело Атибари Бисакишана

В Ориссе была распространена секта некоего Джаганнатха Даса, называемая Атибари. История такова, что вначале, по указанию Махапрабху, Джаганнатх был последователем Харидаса Тхакура. Впоследствии он отвернулся от чистой преданности и стал последователем философии маявады; Махапрабху отверг его, и по этой причине Джаганнатх стал известен как Атибари.

Эта группа носит оккультный характер и распространена по всей Бенгалии, как и *баулы*. В секте есть многочисленные фальшивые писания, в которых говорится, что Чайтанья вновь явится в этом мире. Членами секты являются низкие люди, имитирующие Шри Чайтанью, Брахму, Баладеву или Кришну. Один человек по имени Бисакишан, мошенник, развивший некоторую йогическую силу, почитался как Сам Махавишну. С помощью своих последователей он начал строить храм в Чатира Кроше, в джунглях рядом с Сарадаипуром.

В *малике* Атибари было написано, что 14-го *чайтра* произойдёт битва, и Махавишну явит Свою четырёхрукую форму. Когда вести об этом разошлись повсюду, все жёны тамошних *браминов* прекратили выполнять свои обязанности и стали служанками Бисакишана. Когда в среде женщин клана Чаудхури в Бирнагаре возникла подобная смута, то муж-

чины сообщили о происходящем комиссионеру Робинсу. Он написал комиссионеру Уолтону: «Пошлите Кедара Бабу расследовать это дело. С ним должен поехать полицейский инспектор». Уолтон Саиб послал меня, и вечером я отправился в джунгли, где долго разговаривал с Махавишну, и тот сообщил мне, что поклялся уничтожить английский *радж*.⁹⁰

⁹⁰ Колониальный режим



Кедарнатх Датта при исполнении службы

Сидя позади меня в паланкине, полицейский саиб слышал весь разговор. С нами были двое полицейских-каястх

и несколько констеблей-*сикхов*. В тот день мы ничего не сказали Бисакишану, но вернулись в Сарадаипур и переночевали в палатке. На следующий день мы получили необходимые бумаги и дали указание полиции проверить членов этой группы. Я отдал приказ арестовать лидера. У Махавишну было множество последователей, поэтому, чтобы не дать им отбить его у властей, полицейский инспектор явился туда в сопровождении многочисленных констеблей и *чаукидхаров* и доставил Махавишну в *гаол* (тюрьму) в Пури. Я поехал в Бхуванешвару. В мой дом в Пури пришли Пандит Гопинатх Мишра и другие *пандиты* и устроили собрание. Во второй половине дня я посетил Кхандагири. Там находился буддийский монастырь. В середине *Парват Шрени* находилась *Гриха Шрени*, очень красивая.

Когда я вернулся в Пури, началось судебное разбирательство по делу Махавишну. Оно длилось много дней. В конце концов, я присудил ему тюремное заключение сроком в полтора года. Когда его волосы отрезали, последователи заклеили его обманщиком и отвергли его. Во время слушаний в суде в Пури собралась почти тысяча его сторонников, и во всём городе происходили возмущения. Как раз в то время случился пожар в местной школе, и все подозревали, что Махавишну причастен к этому. Также в тот период Каду заболела лихорадкой. Бисакишан практиковал йогу и какими-то средствами приобрёл некоторые *йогические сиддхи* (совершенство). У меня было множество свидетельств про-

тив него. В течение двадцати одного дня он не выпил ни капли воды, однако не проявлял ни малейших признаков слабости и раздавал очень многим людям действенные лекарства. После объявления приговора Бисакишан был отослан в *га-ол* в Миднапуре, где и умер. В Яджпуре эту секту возглавил Брахма и был наказан, подобно Бисакишану. В Кхораде начал смущать людей Баладев, и он также был наказан.

Вайшнавизм в Джаганнатха-Пури



Храм Шри Джаганнатха в Пури, Орисса

В Пури я совершил значительный духовный прогресс. Гопинатха Пандит помогал мне в обучении. С его помощью я изучил двенадцать песен Бхагаватам с комментариями Шридхара Свами. Я начал изучать Бхагавату в обществе Харихарадаса Махапатры и Маркандеи Махапатры, но через пять-семь дней они стали отставать, поэтому я начал выступать в роли их ментора. Прежде они жили в Каши и Надии, где изучали *Веданту* и *Ньяю*.

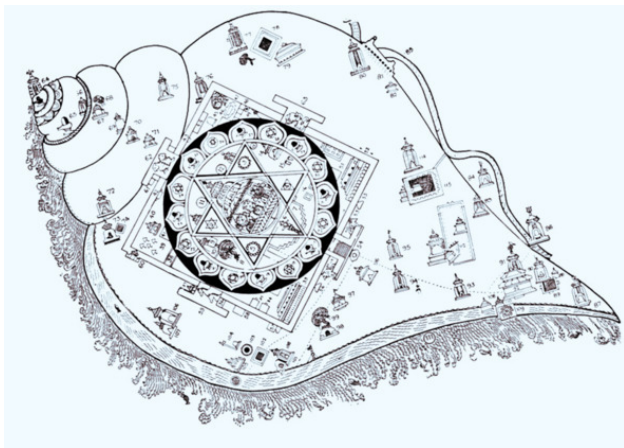
Мои познания в санскритской грамматике были доволь-

но скудны. Живя в Калькутте, я читал книги с помощью Видьясагара Махашайи и Баро Дада (Сатьендранатха Тагора). Позже в Миднапуре я беседовал с людьми о литературе, равно как и в Динаджпуре и Матихари. В Пури я усердно читал книги. Завершив чтение Бхагаваты, я приобрёл копию Сатсандарбхи и прочитал её. Затем я скопировал и прочитал комментарий к *Веданте*, Говинда Бхашью, написанный Баладевой. Затем я прочитал Бхактирасамрита Синдху. После этого я получил копию Харибхакти Калпалатики.

Мало-помалу я начал сам писать на санскрите. В Пури я написал книгу под названием «Датта Каустубха». Многие стихи Шри Кришна Самхиты были написаны в то время. В надежде улучшить здоровье Кадамбини я поменял дом и на время переехал поближе к лидеру «Брахмо Самаджа» Ниламани и снял дом у Кали Чаудхури возле Шраддхавали, напротив *гаола*. Я совершал большое служение. Парамананда, Нитьянанда и несколько других изучали Бхагавату со мной. В то время мы устраивали собрания, посвящённые Бхагавате, в садах Шри Джаганнатха Валлабхи.

Маханта Нараян Дас, Мохан Дас, Уттар Паршвер Маханта, Харихара Дас и другие *пандиты* посещали эти собрания. Бабаджи Кантадхари и Рагхунатха Даса Махашая были недовольны собраниями и отговорили многих людей от их посещения. Рагхунатха Даса Бабаджи жил в то время в *Хати Акхаде*. Бабаджи Махашая был *сиддха-пурушей* и потому знал истинное положение вещей. Спустя несколько дней он стал

моим добрым другом и сказал: «Видя, что Вы не носите *тилака* или *малу* (знак отличия на лбу и чётки), я относился к Вам без уважения и совершил оскорбление. Пожалуйста, простите меня». Я отвечал: «О, Бабаджи, что дурного я сделал? *Тилак* (священный символ) и *малу* даёт *Дикиша Гуру*, а пока Господь не послал мне *Дикиша Гуру*. Я лишь повторяю *Харинама джапу*⁹¹ на чётках. Разве уместно по своей прихоти иметь *тилак* и *малу*?» Бабаджи понимал всё это и похвалил меня и пролил на меня милость и я стал его последователем.



Шри Шанкхакиштра, Пури

⁹¹ Шри Харе Кришна *маха-мантру*

Бхаджан Кутир Санатаны находился на пути к *самадхи* Харидаса Тхакура, рядом с храмом Тота Гопинатхи. Там отрешённый от мира *Бабаджи* совершал *бхаджану*. Сварупа Даса Бабаджи также совершал там *бхаджану*. *Махатма* Сварупа Даса Бабаджи был несравненным *Вайшнавой*.

На протяжении всего дня он совершал *бхаджану* в своём *кутире* (хижине). Вечером он выходил во двор, кланялся деревцу *Туласи*, пел и плакал, совершая *Харинам киртан*. В это время все *Вайшнав*ы приходили к нему. Некие люди давали ему маленькую пригоршню *маханпрасада*. Чтобы утолить голод, он соглашался принять *прасад*, но не принимал много. Кто-то читал *Чайтанья Бхагавату* или другие книги, и он слушал. К десяти вечера он возвращался в *кутир* и вновь начинал *бхаджан*.

Когда ещё было темно, он приходил на берег океана, омывал лицо и совершал полное омовение. Он опасался, что какой-то *Вайшнав* совершит служение ему без его ведома. Он был совершенно слеп, и как ему удавалось в полной темноте приходить на берег океана и т. д., знает лишь *Махапрабху*. Не было сомнений в том, что он являлся *сиддханурушей*. У него не было ни единого материального желания. Временами с наступлением ночи я приходил получить *даршан* у его лотосных стоп. Он беседовал с людьми, и его речи были очень сладостны. Он дал мне следующее наставление: «Никогда не забывай имя Кришны».

Живя в Пури, я совершил большой прогресс в служении.

Я стал более отрешён в моей мирской жизни и избавился от ложного представления о том, что мирские достижения могут быть чем-то долговечным и ценным. Обычно я каждый день приходил в храм ради *даршана*, *нама-киртана*, *шравана* и *садху-санги*. В те дни, когда я не ел *адахар дал* (суп из голубиноного гороха), я не испытывал удовлетворения. Как только я входил в храм, кто-нибудь давал мне *дал*.

Рядом с храмом находился Мукти Мандап, где сидели и обучали *брамины*. Все они были *маявадинами*. Когда я проходил рядом с ними, то испытывал беспокойство, поэтому сидел рядом с *мандиром* Богини Лакшми или Шри Махапрабху Пада-падмой. Когда мы находились там, к нам приходили многочисленные *пандиты* из Мукти Мандапа и сидели с нами. Я назвал это место «Бхактипраджнян». Наши учёные собрания там постепенно совершенствовались.

Как Храм Джаганнатхи очень возвышен и прекрасен, так и *сева*, (служение) в нём совершаемая, чудесна. Ум очарован зрелищем этой Игры Служения. Каждый день в храме от пяти сот до семисот человек созерцают храмовые празднества, такие как вечерняя *аратика*. Какое блаженство! Со всей Индии приходят люди, чтобы принять участие в религиозных фестивалях. От таких сцен глаза увлажняются. О, Лалу, лишь воспринимая все эти Игры чистым сердцем, можно понять слуг Джаганнатхи.

В храме праздновались многочисленные *ятры* (фестивали), такие как *Дола Ятра*, *Ратха Ятра* и т. д. На меня была

возложена ответственность надзирать за проведением этих фестивалей. В сопровождении многочисленных констеблей и нескольких *кармачари* я следил за благополучием пилигримов и порядком. Я прилагал такие тяжкие усилия, что не могу описать их. Я заботился о том, чтобы паломники могли видеть Божество и принимать *прасаду*, и выслушивал жалобы от людей. Царь и его окружение, а также храмовые *кармачари* совершали разные мошенничества. Я противодействовал этому и потому нажил врагов в лице царя и его людей. Поскольку мне помогал Господь Джаганнатха, никто не мог навредить мне. С радостью я служил Господу Джаганнатхе на протяжении почти пяти лет.

Живя в Шри Пурушоттама Кшетре, я несколько раз менял местожительство. Наконец, милостью Рамачандры Атьи, я приобрёл собственный дом. Ночью 16 *магха*⁹² 1278 (1872 от Р. Х.) в доме Кали Чаудхури рядом с прудом Шраддавали родился Камала Прасада. Позже, 25 *магха* 1280 (1874 от Р. Х.) в доме Рамачандры Атьи родился Бимала Прасада⁹³. Все благоприятные церемонии, такие как *анна-прасана* (первое кормление зерном), совершались Джаганнатха *махапрасадом*. Мы отказались от всех ритуалов *карма-канды* и уповали исключительно на *прасад*.

⁹² *Магха* – январь-февраль.

⁹³ Шрила Бхакти Сиддхант Сарасвати Госвами.

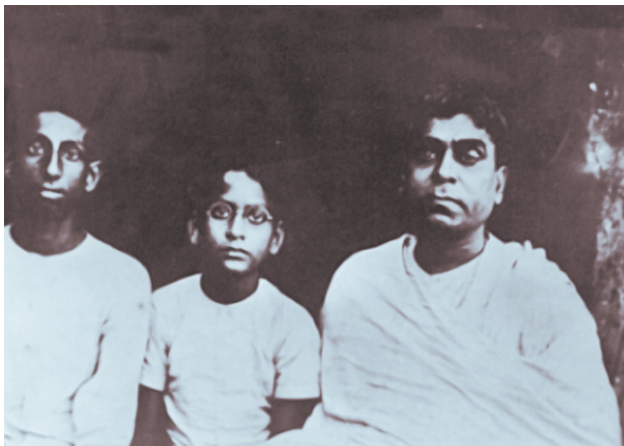


***Миниатюра 18в.: Фестиваль Ратха-Ятра. Пури
Дхам, Орисса***

Как только я прибыл в Пури, на меня были возложены все обязанности регистратора, поэтому я достиг небольшого повышения. В 1870 меня повысили до пятого класса, где мне причиталось 300 рупий месячного оклада. В том же году я получил всю власть магистрата (судьи). В Пури я вёл очень счастливую жизнь, принимая участие в фестивалях, обретая познания и преданность. Шри Пурушоттам Кшетра является самой Вайкунтхой, какие в том сомнения? Мне не хотелось покидать это место, но Саду подрастала, и я должен был вернуться в Бенгалию, чтобы выдать её замуж. Поэтому в ноябре 1874 я взял трёхмесячный отпуск. Седж Диди и Нутан Диди уже уехали. Мать, жена, сыновья и дочери поехали по-

ездом в Миднапур, и я послал их домой.

Продолжение работы, семейные заботы и болезни



Кедарнатх Датта с сыновьями

Моим хозяином был Мадхусудан Кхутир. Он был очень богатым и достойным человеком. Его помощник Басу Упадхьяя отвёз мою семью в Калькутту. Я ждал в Пури начала отпуска. В январе отпуск начался, и в обществе Бангли Бабу, Харалала Митры и Нарендры Датты я на паланкине отправился в Чандавали, где нанял лодку. Моя семья прибыла в Калькутту, и Бхоланатх Бабу позаботился о том, чтобы поселить их в маленьком доме на Харивардхан-стрит. Они

дождались там моего прибытия, после чего я отвёз их в дом в Ранагхате.

До моего приезда Махендра Мама жил в доме в Ранагхате. Он благоденствовал. По прибытии в Ранагхат я начал искать Саду жениха. Будучи в Кришнанагаре, я посетил Навадвип Дхаму, Самудрагар Калну и Шантипур, после чего вернулся в Ранагхат. На этот раз я не испытал в Шри Навадвипе Дхаме никакого счастья. Было немыслимо практиковать религию и т. п. в обществе такого атеиста, как Парашурам Мама. Из этого эпизода я понял, что во время паломничества абсолютно необходимо избегать дурного общества.

Вернувшись в дом в Ранагхат, оттуда я направился в Калькутту, где встретился с Хилли Саибом. В ту пору он служил главным инспектором тюрем, был болен и очень слаб. Он был очень добр ко мне и задал множество вопросов. Он послал письмо секретарю Томсону Саибу, с тем, чтобы перевести меня в Бенгалию. Я встретился с Томсоном Саибом, и тот сказал: «Хорошо; возьмите отпуск и дайте мне знать, каковы Ваши желания, и я переведу Вас». Я так и не сумел найти Саду жениха, и на этом моё пребывание там закончилось.

Пока я находился в Ранагхате, Томсон Саиб прислал мне известия о том, что, по мнению комиссионера Робинса (высказанному в письме), губернатор вновь пошлёт меня в Пури. Я немедленно сообщил об этом Хили Саибу. Он был очень озабочен моей ситуацией, поэтому попросил Робин-

са Саиба позволить мне покинуть Пури. Ах, доброта великодушного старого доброго Хили Саиба! Получив это письмо, Робинс Саиб, очень опечаленный, разрешил мне покинуть Ориссу, сказав: «Жителям Ориссы по душе Кедар Бабу, возвращения которого сюда стоило бы просить, однако, по просьбе Хили и в силу необходимости выдать дочь замуж, он волен не возвращаться в Ориссу».

Томсон Саиб назначил меня надзирать за подокругом Араришей. Я отправился туда с семьёй. Место было превосходное. Кэмбелл Саиб был в течение нескольких месяцев магистратом. В месяце Аграхаян я отослал свою семью домой. Шримати Саудамини вышла замуж за Шримана Чаручандру Маджумдара из Нихати. По завершении восьмидневного отпуска, который я взял в Аграхаяне по случаю свадьбы, я вернулся в дом. Махендра Мама позаботился обо всём необходимом. Вернувшись из Арариши, я заболел воспалением мочеиспускательного канала. Доктор Пикали Саиб сказал, что это диабет.

С помощью местного врача, у которого имелся аппарат, я выяснил, что причиной недуга было избыточное содержание фосфата в моче. Хотя я пил сок *соманатха* и *васанта кусумаки*, я не испытывал облегчения. 15 числа месяца *ашадха* 1283 эры *Сака* в Ранагхате родился Барада Прасада. В марте 1878 в Ранагхате же родился Бираджа Прасада. Болезнь затрудняла мне работу, поэтому 16 июля 1877 по решению властей я получил двухмесячный отпуск. Жена была

со мной. Мать и Аннада жили в арендованном доме в Калькутте.

Аннада учился в Калькутте. Три года я провёл в Арарие. Я разбил там прекрасный сад. Увидев его, сэр Ричард Темпл был восхищён. Джордж Уорд Саиб тоже видел сад и также немало его хвалил. Я поехал в Калькутту и остановился с Аннадой в Сундипаре. Доктор Коутс Саиб исследовал мою мочу и выписал лекарство, состоявшее из одной капли настойки стрихнина, одной капли азотной кислоты, *гокишуради* и *гхи* (потому что в прошлом, когда я принимал это лекарство, оно помогало). Постепенно моё здоровье начало поправляться. Был устроен брак Аннады. Я взял отпуск на несколько дней и поехал в Ранагхат на свадьбу. 27 ноября 1877 по указанию властей я перевёлся в Махибарекху. Там было много работы. Злоупотребления полиции были чрезвычайны. Место находилось близ Калькутты, и потому я решил там остаться.

Умапрасад Гхоша приложил массу усилий к тому, чтобы устроить брак Аннады. Пока я жил в Махиберекхе, я посещал такие места, как Амта, Кханакул, Шьямпур и др. Я был восхищён, увидев Божество Шивы Мадана Бабу в храме Девы в Амте. Моё место (...) – Гада Бхаванипур близ Читрасенпура.

В том месте находилась Бхурсут Паргана, резиденция Бхаратчандры Раи. Спустя два месяца, в феврале я отправился в Бхадрак. В обществе Лоуренса я отплыл в Чандравали, а оттуда в Бхадрак. Мне нравился старый Бхадрак. В про-

шлом, когда я служил в Бхадраке учителем, Дияр Саиб был там заместителем магистрата. Он и его супруга относились ко мне с большим уважением и поселили меня в правительственном офисе. Пока я жил в том доме, я написал маленькую книгу на английском под названием «**Матхи Ориссы**». Доктор Хантер Саиб упоминает эту книгу в своём труде «История Ориссы».

Теперь, когда я сам был заместителем магистрата (судьи), я вновь оказался в этом доме, уже официально. Я был очень рад видеть изгороди и деревья в саду. Робинс Саиб написал мне очень тёплое письмо, прося вернуться в Ориссу. Несколько месяцев я провёл там в одиночестве, чему не был рад, и привёз туда всю семью. В то время Бхоланатх Бабу служил в миднапурском гаоле.

Он помогал моей семье на пути в Бхадрак. В Бхадраке у меня осталось совсем немного старых знакомых. Баларам Басу, сын Радхамохана Бабу, обычно жил в моём доме. Иногда приходил Нимай Бабу. Работы было не так уж и много, поэтому немногочисленные обязанности я выполнял очень усердно. 11 июля 1878 правительство наделило меня дополнительными полномочиями. В то время магистратом был Норман Саиб. 14 августа 1878 правительство перевело меня из Бхадрака в Нараил.

Жизнь в Нараиле и публикация Шри Кришна Самхиты

Мы с родными достигли Миднапура пешей дорогой, с помощью паланкинов, которые стояли на телегах. День или два я провёл в Джакпуре. Во времена моей свадьбы в Джакпуре город был очень красив, но со временем пришёл в запустение. В Миднапуре я провёл один день в доме доктора Бхувана Бабу, а затем проследовал в Джакпур. Из Джакпура я на лодке по каналу достиг Улабери, где сел на пароход. Затем я прибыл в Ранагхат.

В то время заместителем судьи был Умачаран Гангули Бабу. Он с особым усердием накормил нас. На следующий день я узнал, что Умачаран Бабу не желает покидать Нараил. Он пытался остаться с помощью магистрата Пейджа. Я написал письмо секретарю Кокрелу, и тот ответил, что я должен остаться в Нараиле. Тогда Умачаран Бабу уехал.

В Нараиле было много работы. Регистрационный офис был под рукой, что составляло преимущество. Атул Бабу был местным мунсефом. Мне нравилось, живя в Нараиле, путешествовать по окрестностям по воде. Время от времени я посещал такие места, как Лакшмипаша, Калия и др., и проводил там судебные заседания. Спустя пять или шесть месяцев я привёз в Нараил семью. Я познакомился с Бреттом Саибом, который приезжал в Нараил с целью поохотиться. Мно-

гие влиятельные люди жили в Нараиле, но первым из них был Чандра Бабу. В центре его интересов стояла индуистская *дхарма*. Я прожил в Нараиле почти три года. Местные жители очень меня полюбили. Во время моих путешествий по деревням они встречали меня пением *киртана*.

В то время, когда я жил в Нараиле, я два раза страдал от жестоких приступов лихорадки. В одном из этих двух эпизодов я очень ослаб. Поскольку мой объезд Муфасела выбился из графика, я путешествовал в обществе жены. Я принимал лекарства, выписанные *кавираджем* (врачом), но с трудом выполнял свои обязанности. Проведя несколько дней в Налади, я отправился в Раиграм. Доктор Ситанатх Бабу тщательно меня обследовал и назначил лечение электричеством. Он был на редкость разумным человеком. Мы от души веселились на ярмарке в Раиграме.

Почтенные жители Нараила изо всех сил пытались развлечь гостей. Дамы приготовили блюдо из толчёного кокоса и лёгкие закуски и принесли в наши шатры. Джентльмены принесли множество домашних блюд, и было бы неосмотрительно их не принять, так что я съел чуть-чуть и отдал остальное другим. Нам поднесли многочисленные яства, такие, как сгущённое молоко.

Молоко зелёных кокосов было в Нараиле чудесным. Наш слуга Самил мог каждый день покупать огромный кокос всего за одну пайсу. Я пил исключительно молоко молодых кокосов. Благодаря этому моё тело стало очень здоровым. Хри-

ши Бабу, Барададас Бабу и другие постоянно меня навещали.

В 1286, живя в Нараиле, я опубликовал **Кришна Самхиту**. В 1287 я опубликовал **Кальяна Калпатару**. Европейский учёный Р. Рест Саиб написал о **Кришна Самхите** следующее:

*Индийский офис*⁹⁴

*Почтовый район Юго-Западного Лондона,
16 апреля 1880*

Мой дорогой сэр,

Продолжительная и мучительная болезнь помешала мне ранее поблагодарить Вас за любезный подарок в виде Вашей Шри Кришна Самхиты. Представив характер Кришны и поклонение ему в более возвышенном и трансцендентном свете, по сравнению с попытками такого рода в прошлом, Вы совершили важное служение Вашим единоверцам, и никого Ваш труд не порадовал бы больше, нежели моего покойного друга Голдстакера,⁹⁵ самого искреннего и ревностного защитника, которого индусы когда-либо имели в среде европейцев.

Я посылаю Вам номер журнала «Атенеум» за прошлый год, содержащий обзор его

⁹⁴ Индийский офис представлял собой британский правительственный департамент, созданный в 1858 с целью надзора за управлением, посредством вице-короля и других чиновников, провинциями Британской Индии.

⁹⁵ Теодор Голдстакер (1821 – 1872) – немецкий санскритолог, профессор санскрита в Университетском колледже Лондона.

«Литературного наследства»,⁹⁶ поскольку этот труд может порадовать многих его старых друзей в Индии. Я надеюсь, что Вы простите меня за то, что я осмелился обратить Ваше внимание на это произведение. Будет благом, если его суждения по вопросам литературы и политики станут лучше известны и получают должную оценку в Индии. Надеюсь, что Вы дадите мне знать, если я сумею быть Вам полезен.

Искренне Ваш, Рейнхольд Рест

Бабу Кедар Натху, заместителю магистрата

Уолдо Эмерсон Саиб⁹⁷ не читал на бенгали, но написал следующее:

10 мая 1886, Конкорд, Массачусетс

Дорогой сэр,

Я был рад получить книгу, которую Вы любезно мне прислали. Мне жаль, что я не знаю язык и не способен её прочитать, и могу лишь выразить Вам благодарность.

Эмерсон

Когда я опубликовал *Кришна Самхиту*, мои соотечественники высказывали разные суждения об этой книге. Од-

⁹⁶ «Литературное наследство» – собрание избранных произведений Голдстакера в двух томах, опубликованное в Лондоне в 1879.

⁹⁷ Ральф Уолдо Эмерсон (1803 – 1882) – американский эссеист, поэт, философ, пастор, лектор, общественный деятель; один из виднейших мыслителей и писателей США.

ни говорили, что книга содержит новую точку зрения. Другие замечали, что она хороша. Образованная молодёжь приняла её благосклонно. Но никто не смог понять сути этого труда. Цель книги состояла в том, чтобы продемонстрировать трансцендентную природу Кришна-*таттвы*. Нашлись люди, посчитавшие, что книга относилась к разряду трудов по психологии, но они жестоко ошиблись. Существует тонкое различие между категориями *апракрита* (трансцендентного) и *адхьятмика* (психологического). Как правило, никто не улавливает это различие. Фундаментом *апракриты* служит измерение, в котором нет места спекулятивному знанию. **Кальяна Калпатару**, в целом, была тепло принята, и люди пели многие стихи из этого сборника.

Посвящение в традицию Гаудия Вайшнавизма

Во время нашего пребывания в Нараиле мы с женой получили *дикишу*. Я долгое время искал достойного *гуру*, но безуспешно. Я был очень этим опечален. Я много размышлял о том, как мне быть, и во сне Прабху (Шри Чайтаньядев) избавил меня от бремени тревог.



Кришна-таттва (миниатюра, бенгальский стиль)

Во сне я получил от Него намёк. В тот день ко мне пришло

счастье. Спустя день или два *Гурудев*⁹⁸ написал мне: «Вскоре я приеду и дам Вам *дикину*». *Гурудев* приехал, и *дикиша* была дана. Я был счастлив. В тот день отпечаток греха мясо-ядения покинул моё сердце, и во мне родилось милосердие к *дживам*.

Ты родился в Ранагхате 15 *ашвина* 1880. Я увидел на твоём теле благоприятные знаки, указывающие на то, что в зрелом возрасте ты будешь религиозен. В то время Саду родила сына. В его внешности были черты, пробуждавшие страх перед духами. Когда кто-то клал ребёнка рядом с тобой, ты со смехом отталкивал его от себя. Ты родился в Шри Экадаши. Во сне я увидел уродливую обезьяну, которая заявила мне: «Этот ребёнок очень слаб; он умрёт». Затем во сне явился Шри Нарада, сказавший: «Обезьяной был Кали⁹⁹, не верь ему. Твой мальчик родился в Харивасару (*Экадаши*). Получив посвящение в чистую *Вайшнавскую* религию, он будет проповедовать эту *дхарму*. Никто не сумеет убить его».

О, Лалита! Я надеюсь, что ты исполнишь предсказание Нарады Госвами. В этом мире нет богатства, которое мог-

⁹⁸ *Гурудев* – Шри Випина Вихари (Бипин Бихари) Госвами (1850—1919) – Гаудия Вайшнавский ачарья, член рода Госвами Багхнапары, восходящего к Шримати Джахнаве Тхакурани (Нитьянанда-*вамши*). Автор многочисленных книг, стихов и статей на санскрите, бенгали и английском. Биография Випина Вихари Госвами содержится в одном из приложений к «Сваликхита Дживани».

⁹⁹ *Кали* – олицетворённое зло современной эпохи. Не следует путать с Богиней Кали.

ло бы сравниться с сокровищем *дхармы*. Тело живёт лишь мгновение: сегодня оно здесь, а завтра его нет. Прабху (Господь Чайтанья) добр к нам: по Своей милости Он подарил этому миру Своё Имя и сокровище *Премы*. Ты поймёшь эти истины благодаря *Садху* и *Гуру*, когда подрастёшь.¹⁰⁰ Шримад Бхагаватам и Шри Чайтанья Чаритамрита – две эти книги суть бесценные бриллианты в этом мире. Приложи усилия к тому, чтобы понять суть, о которой идёт речь. Нет необходимости демонстрировать этому миру познания, относящиеся к брэнному. Необходимо дарить миру сокровище Бхакти. Живи безгрешной жизнью в соответствии с религиозными принципами, зарабатывай деньги и так обеспечивай себя и близких. Но никогда не забывай Святое Имя Кришны.

¹⁰⁰ На момент написания этих строк (в 1896) Лалите Прасаду было 16 лет. Он прожил долгую жизнь в безбрачии и поклонении и умер в 102 года.

Переезд в Калькутту и новые места службы



В то время, когда я жил в Нараиле, у меня возникло желание поселиться в Калькутте. Я попросил Махендру Мама найти там для меня дом. В те дни в Ранагхате свирепствовала

малярия, поэтому я хотел переехать в Калькутту. Несколько поколений моих предков жило в Калькутте. Ранее я говорил, что жизнь в Калькутте содержала массу неудобств, и потому я предпочитал оставаться в деревнях. Но в данной деревне жизнь стала настолько тяжёлой, что я решил: лучше переехать в Калькутту, чем в другую деревню.

Там ты и твои родные жили бы в большей семье. В Калькутте было бы легче приобретать знания и книги, а также устраивать браки сыновей и дочерей.

В то время случилось следующее. В Нараиле я заболел. Из-за свадьбы Кадамбини моя жена несколько дней провела в доме Бхоланатхи Кака Махашаи в Ратхураягхате в Калькутте. Было нелегко жить в Калькутте, не имея собственного дома. Понимая это, я пожелал приобрести в Калькутте дом. Кадамбини вышла замуж за Шримана Мани Мадхаву Митру. Я не сумел присутствовать на свадьбе. Из-за моей болезни все вернулись в Нараил после свадьбы Каду. Через несколько дней, однако, я почувствовал облегчение.

В то время, когда я жил в Нараиле, Баджа Бабу из Набавдипа был моим помощником. Его поступки были чисты, но он не имел веры в *бхакти*. Я видел *Вайшнавов* в Нараиле и окрестностях, но все они были ложными. Раичаран Гаяк и *ваидья* (аюрведический доктор), я видел, были чисты. В силу моего желания приобрести дом в Калькутте, я получил трёхмесячный привилегированный отпуск в июле 1881. Абдул Кадер должен был заступить на моё место, но его при-

езд откладывался. Я знал его по Пури.

Я снял дом в Калькутте на Ниму Гошаи Джали и поселился там с семьёй. В сезон дождей (в месяц *шравана*) я, моя жена и ты (Лалита) отправились в паломничество, в обществе двоих слуг. Моя тёща также поехала. Мы пообедали и т. д. в месте, известном как Мокама. Во второй половине дня мы сели на поезд из Могхал Сарай и, в конце концов, достигли дома Девендры Васу в Праяге. В районе Тривени мы совершили Шраддху и т. д., и я слёг с лихорадкой. Там мы повстречали Баджабаси Ситараму. Видя мою болезнь, он с предосторожностями доставил меня на зарезервированном поезде во Вриндаван.

Вначале мы жили в Кадарья Кундже. Затем мы пришли в Кала *Кунджу*¹⁰¹ Радха Мохана, где остались.

Горячка не прекращалась. Я взмолился Прабху: «Пусть горячка случится позже, лишь позволь мне наслаждаться сейчас. Пока я во Врадже, позволь мне быть счастливым». Прабху услышал мою молитву, и горячка покинула меня. С того времени я общался с *садху*, будучи во Врадже.

Мы получали хорошую *прасад* из *кунджи* Лалу Бабу. Мы увидели Говиндаджи, Гопинатху и Мадану Мохану. Мы позаботились о том, чтобы предложить *тхали* в храме Гопинатхи, и произошёл диспут по этому поводу. Мы принимали *прасад* в *кундже* Рупадаса Бабаджи, и там я получил Дашашлоки Нимбарки. Я частным образом слушал деклама-

¹⁰¹ *Кунджа* – роща

ции Ниламани Госвами. Там я впервые увидел Шри Джаганнатху Бабаджи.

Путешествуя на паланкине, я получил *даршану* Радхакунды и Говардханы. Там я столкнулся с мошенничеством *канджхады* (банды разбойников), поэтому принял меры к тому, чтобы прекратить это.



Джаганнатх дас Бабаджи

Вернувшись во Вриндаван, я вновь получил полный *даршан*. Ты был совсем маленьким ребёнком в ту пору. Из-за

того, что ты постоянно ел *прасад*, ты мочился на ступеньки на выходе из храма Маданы Мохана.

Из Вриндавана через Матхуру мы отправились в Лакхнау. Живя в резиденции помещика Раджи Кумара, мы бродили по городу. Оттуда мы направились в Пхайджабад, затем в Айодхью. Мы вернулись в Пхайджабад в страхе перед развращёнными *пандарами* в Айодхье до наступления вечера и остановились в резиденции одного бенгальского бабу. На следующий день мы совершили омовение на Гопрат *гхате* и в тот же день отправились в Каши. В Каши мы остановились в доме Тину Бабу. Моя тёща была очень счастлива в Каши. Из Каши мы вернулись в Калькутту, в наш съёмный дом в Ниму Гошаи Гали, и все были в добром здравии.

Я провёл несколько дней в Калькутте, где бывал во многих местах и видел многие здания. По соображениям удобства я выбрал один дом в Рамбагане. Бхоланатхе Бабу и Махендре Мама он не нравился. Пока я находился в Нараиле, я подружился с комиссионером Пикоком Саибом. В то время Камала Прасада заболел катарактой, и Пикок Саиб помог её излечить. Я нанял доктора Сандерса Саиба с целью избавиться от катаракты. Доктор Сандерс был новым человеком в Калькутте. Он был совершенно не корыстен. Потому через несколько визитов я заплатил ему пятьдесят рупий, а затем ещё десять рупий. Он успешно удалил катаракту, однако зрение Камалы так и не восстановилось в полной мере.

30 ноября 1881 я был переведён в Джашорхару. В то вре-

мя, во исполнение молитвы, которую я вознёс во Вриндаване, я слёг с горячкой. Поскольку Пикока Саиба не было рядом, я решил, что угнетённое состояние, в котором я находился в Джессоре, было следствием дурного астрологического периода. Понимая, что страдания неизбежны, я жил в резиденции помощника Бабу Навина Кришны Бандхйопадхьяи. Тело моё было слабо; сразу же по прибытии у меня случился конфликт с Бартоном Саибом.

Место было крайне отвратительным. В Джессоре свирепствовала лихорадка. В то же время у меня возникли проблемы со зрением. С детства я плохо видел. Левый глаз видел хорошо, но правый глаз плохо. В глазах было крошечное пятнышко. Близорукость прошла, но зрение осталось неотчётливым, и я испытывал боль в глазах.

Пока я находился в Джессоре, моё здоровье оставалось скверным, и я не мог должным образом трудиться. Пикок Саиб рассказал о моих заслугах Бартону Саибу, и тот стал очень добр ко мне. Он освободил меня от всех обязанностей, за исключением работы казначея. Доктор Каммингс Саиб обследовал мои глаза и сказал, что зрение ухудшается и я должен оставить должность. Я поехал в Калькутту, где меня обследовал Келли Саиб, который выписал свидетельство о том, что мне требуется отпуск по состоянию здоровья. Вся моя семья жила в арендованном доме в переулке Нимугошаи. Я не позволял им переезжать в Ранагхат. Я пообещал, что останусь в Калькутте и куплю там дом.

Я показал сертификат, выписанный Келли Саибом, а также сертификат от д-ра Каммингса своим начальникам и 10 января 1882 получил трёхмесячный отпуск по состоянию здоровья. Чиновник, который должен был заменить меня, приехал слишком поздно, когда я уже отбыл в Калькутту.

В тот период я занимался самолечением и подыскивал дом. В конце концов, я купил дом у Чандры Кавираджи по адресу 181 Маникатал стрит,¹⁰² за 6000 рупий. Махендра Мама не одобрил этот выбор, поэтому не оказывал мне серьёзной помощи. Я самостоятельно добывал дополнительные средства и осуществлял ремонт. По совету Бхоланатхи Бабу мы совершили *гриха-яджня*, прежде чем поселились там. Осознав, что дом был хорош, Бхоланатх Бабу и Махендра Мама согласились с моим решением.

Когда мы въехали в новый дом, все мои родные были очень счастливы. С того времени, когда мы жили в Пури, моя мать очень опасалась, что заболит катарактой. В Калькутте она посещала врачей, но все родственники отговаривали её от операции, мотивируя это её преклонным возрастом. Я тоже решил, что мать слишком стара для операции. Я подумал, что ей станет гораздо легче, если на втором этаже для неё будет отведена отдельная ванная комната. Хотя мать жила в новом доме, она была неспособна его видеть, из-за чего страдала. В доме был повар-брамин, и моя жена усердно ей служила. Поскольку все тратили на неё время и силы, мать

¹⁰² Именно в этом доме Бхактивинод написал «Сва-ликхита Дживани» в 1896 г.

была очень несчастна.

Я узнал, что в Барасате был доступен один пост. Я чувствовал, что моё зрение значительно улучшилось, и было бы благом поселиться там. Я поговорил с Катрелом Саибом, но тот сказал, что уже пообещал этот пост кому-то. Тогда я пошёл к Пикоку Саибу, и тот написал Катрелу Саибу письмо. Спустя несколько дней я получил дозволение поехать в Барасат. Это произошло 12 мая 1812. До этого я взял ещё один трёхмесячный отпуск по состоянию здоровья, из-за болезни глаз, и провёл большую часть отпуска в Барасате.

Из-за глазной болезни я принимал в больших количествах алопатические лекарства, и, в целом, они оказались эффективны. Доктор Лалмадхав, Бхоланатх Бабу, моя мать – все они советовали мне снова начать есть рыбу, хотя на ту пору я уже давно отказался от этой привычки. Они говорили, что рыбы головы полезны для здоровья глаз. Мысль о том, что придётся есть рыбу после столь долгого периода воздержания от неё, была для меня мучительна. Мне помогли лекарства гомеопата Бабу Раджендранатха Датты. Я питал доверие к гомеопатической медицине. Раджендранатх Бабу сказал, что есть рыбу не было необходимости.

В Барасате Бакимчандра Чатурья, помощник сборщика налогов, поручал мне разные дела. Я отправился туда в обществе Радхики и Камала. В Барасате у нас был прекрасный дом с садом и прудом. Я не привёз в Барасат жену, как обычно это делал; жена приезжала всякий раз, как моя болезнь

обострялась. Заседания суда проходили в Наихати по понедельникам. Ставя в известность сборщика налогов, я имел обыкновение возвращаться домой по субботам. В понедельник я проводил заседание суда, а затем возвращался в Барасат. Судебные разбирательства в Барасате были немногочисленны, однако и в Барасате, и в Наихати было много муниципальной работы.

В Барасате было немало злонравных людей. С целью привлечь к себе внимание, они всячески мне пакостили. В ту пору, когда Ли Саиб служил в Барасате, там во время *Сарасвати-пуджи* проводилась программа под названием «Атлетические упражнения». Также проходила *джатра гана*. За два с лишним года я потратил почти 500 рупий, спонсируя эти мероприятия. Фестивали проводились на пожертвования. В них принимали участие все влиятельные лица, а расходы – на питание и проч. – оплачивались чиновником, то есть мной.

Подготовка к публикации Вайшнавской литературы

В конце года в Барасате один человек по имени Кайлас Бабу стал жить в моём обществе. Кайлас Бабу сказал, что будет читать Чайтанья Чаритамриту и навещать меня в моём доме в Калькутте. Он немного знал грамматику. В то время адвокат Бабу Шарада Чаран Митра приобрёл для меня несколько книг на санскрите. В их числе были *тики*¹⁰³ Вишванатхи Чакраварти к Бхагавад Гите и Шримад Бхагаватам. Я уже давно страстно желал найти комментарии к Гите, написанные в духе преданности. Увидев эту книгу, Кайлас захотел сделать копию. Я привёз книгу в Барасат и отдал ему для копирования. Спустя два или три месяца копия была сделана. Почерк Кайласы был превосходным. Он редактировал газету под названием «Арьядаршан».

Кайласа сделал копию Гиты и читал Чаритамриту. В конце года, в период фестиваля, из дома Махендры Мама кто-то украл две шали. Подозрение пало на Кайласу, и он скрылся. Моя Нароттама Виласа¹⁰⁴ исчезла вместе с ним. Если уж наступил дурной, в астрологическом смысле, период, противиться ему невозможно.

¹⁰³ *Тика* – комментарий.

¹⁰⁴ «Нароттама-виласа» – произведение Шри Нарахари Чакраварти Тхакура, содержащее описание Игр Нароттама Даса Тхакура

Семейная трагедия

Я был опечален поведением неких низких людей, укравших шали. В это время Аннада сошёл с ума. Находясь в Нараиле, я обучал Аннаду работе в регистрационном офисе. Поскольку я был главным регистратором, я отделил Сингасопур от вспомогательного офиса регистрации в Нараиле. Аннаду я назначил напарником главного регистратора. Позже Аннада служил счетоводом в качестве младшего регистратора в двух округах. Когда он завершил всю работу, по протекции Нормана Саиба в Куриграме я устроил его на место младшего регистратора в Ранпуре. Жену и дочь Аннады я отослал туда. Он сошёл с ума, и, узнав об этом, я послал к нему Махендра Мама и ещё двух джентльменов, освободил Аннаду от его обязанностей и вернул его в наш дом в Калькутте.



Кедарнатх Датта в своей резиденции в Калькутте

В тот день, когда Аннада прибыл в Калькутту, он поехал к своему Мама (дяде по матери) Шарате в Маджахпхабур. Не зная, куда он направился, все были очень обеспокоены. Я тоже был в смятении и попросил Пикок Саиба о переводе. В то время Пикок Саиб был секретарём, и 1 апреля 1884 он перевёл меня в Шри Рампур.

Пока я жил в Барасате, в месяце *картттика*¹⁰⁵, 1884, в калькуттском доме родилась Кришнавинодини. Долгое время у нас не рождались дочери, и все думали, что это последняя беременность. Мать сказала: «Поскольку это конец, хорошо, что родилась дочь».

¹⁰⁵ *Картттика* – священный месяц, наши октябрь-ноябрь.

В Шри Рампуре моя резиденция была расположена за зданием суда. Раз в несколько дней я покидал дом и возвращался в него. Причиной служила холера, которой заболел слуга по имени Гопинатх, во временной резиденции. Через несколько дней я вернулся в дом. В Шри Рампуре для судьи было много работы. Тогда в Шри Рампуре находился Кольер Саиб. Я был старшим заместителем магистрата, а Нагендра Гупта Бабу был третьим магистратом.

Я приезжал домой по субботам и проводил в Шри Рампуре воскресенье. Спустя какое-то время вместе со мной в Шри Рампуре стали жить Радхика, Камал и Бимал.

В месяце Бхадра того года моя мать умерла. 6 октября 1884 я получил одномесечный привилегированный отпуск, с тем чтобы совершить для неё *шраддху*. Аннада, который до этого находился в Маджахпхарпуре, сначала оставался в Шри Рампуре. Его отвезли в деревню Тиралумаи, где дали браслет (талисман против безумия), но его состояние осталось прежним.

Я понимал, что мой долг состоит в том, чтобы отправиться в Гайю и совершить *шраддху* для матери. Я, моя жена, Биму, Харидас Мустафи и слуга Джхапаси покинули дом и сперва направились в Вайдьянатх. Оттуда мы отправились в Бакипур, а оттуда – в Гайю. Там мы остановились в доме Пашупати Бабу. Согласно традиции, во вторник 28 октября в Гайе была совершена *шраддха*.

Посмотрев на холм, известный как Рамсила Брахмайю-

ни, мы сели на поезд в Преташилу. Биму (Бимала Прасад) сидел на коленях Джхапаси. С большим трудом мы поднялись на вершину холма. Там было множество больших зданий. Мой прадед Мадан Бабу был известен трудами, которые он там совершил. На холм вели 395 ступеней. На вершине лестницы было выгравировано имя Мадана Мохана Датты. За стенами храма моего прадеда я увидел надпись-посвящение, сделанную его создателем в 1696 году:



Храм Вишнупад, Гая, Бихар

*sri radha-krishnaya namah /
sri chaitanya-chandrodaya namah
sri siva-durga-saranam/ jaya ramah/*

*ei bara magi prabhu tomara charane/
savamse kusale rakha madan mohane*

Мы прибыли в Калькутту утром в пятницу 31 октября 1884. Отпуск закончился, и мы вернулись на работу в Шри Рампур.

Публикация Вайшнавской периодики и книг



Когда я жил в Нараиле, в месяце *вайшакха* в 1288 вышел первый номер моей газеты **Саджджана Тошани**. Когда в Нараиле появился новый печатный станок, его владельцы пришли ко мне с просьбой о работе, поэтому я печатал **Саджджани Тошани** там. После того как я покинул Нараил, я оказался ограничен в возможностях и уже не мог публиковать газету регулярно. К концу моего пребывания в Барасате я регулярно беседовал на английском с Шри Упендрой Госвами. В 1883 вышло англоязычное издание, но затем публикация *патрики*¹⁰⁶прекратилась. В 1885 я организовал *Вайшнавскую* библиотеку в Рамбагане. Я жил в Шри Рампуре. Радхика, Камал и Бимал учились в Шри Рампуре. В 1885 я, Радхика, Камал, Бимал отправились в Мемари и Кулинграм. Затем мы посетили Саптаграм. В тот период я приложил усилия к тому, чтобы возобновить издание **Саджджана Тошани**. Журнал был предложен *Вишва Вайшнава Сабхе*, но публикация прекратилась. После 1892 **Саджджана Тошани** был возрождён, и с того времени публиковался регулярно.

В 1886, живя в Шри Рампуре, я написал и опубликовал **Шри Чайтанья Шикшамриту**. Эта книга была тепло принята публикой. В том же году была опубликована Гита в моём переводе – Расикаранджана – с комментариями Шри Ви-

¹⁰⁶ *Патрика* (бенгали) – периодическое издание

шванатхи Чакраварти. Публикация всех этих книг стала для меня сложной интеллектуальной задачей. В Шри Рампур приехал Харадхан Датта из Баданганги в Каяпате; он привёз старинный манускрипт Шри Кришна Виджаи¹⁰⁷, который я опубликовал. В то время я основал издательство «Чайтанья Пресс», которым заведовал Шри Юкта Прабхупада.¹⁰⁸

¹⁰⁷ Шри Кришна-виджая («Триумф Господа Кришны») – бенгальская поэма, написанная поэтом и царём Гунараджей Кханом (Маладхаром Басу) между 1473 и 1480. Представляет собой перевод десятой и одиннадцатой песен Шри-мад-Бхагаватам.

¹⁰⁸ Шри Юкта Прабхупада – Гуру Бхактивиноды Шри Випина Вихари Госвами.

Registered No. C. 1601.

VOL. XXV] Estd. by Thakur Bhaktivinode in 1879 A. D.

[No. 6

श्रीसङ्गनतोषणी

OR

THE HARMONIST

November

“अदोषकलेशविमलेषि-परेशावेश-साधिनी ।
जीयदेवा परा पवी सर्व-सङ्गनतोषणी ॥”

1927



EDITED BY

Paramahansa Paribrajacharya

SRI SRIMAD BHAKTI SIDDHANTA SARASWATI

GOSWAMI MAHARAJ

*Титульный лист периодического издания «Саджана
Тошани»*

После того, как мы опубликовали две *кханды*¹⁰⁹ **Чайтанья Чаритамриты**, Шрирам Нараян Видьяратна попросил нас остановиться. Из-за напряжённой интеллектуальной работы я стал испытывать сильные головные боли. Была ещё одна причина: мой нос воспалился. Кавирадж Харичаран лечил меня *суварнабангой*. Это лекарство вызвало у меня головокружение. Из-за плохого самочувствия в мае 1885, благодаря стараниям Ричи Саиба, я получил отпуск на полтора месяца. Я принимал разные лекарства, но мигрень не проходила. Престарелый Гуругати Басу и Бабаджи Чаран советовали мне смазывать голову *гхи*.

Я последовал их совету. В то время я приобрёл некоторые книги Госвами о *Расе* и Кришна *Таттве*, но не мог их изучать из-за мигрени. Я молился Дживе Госвами о том, чтобы избавиться от болезни. Я посчитал, что предложение *Вайшнавов* смазывать голову *гхи* было, возможно, ответом Дживы Госвами. Я продолжил это делать, и мигрень прошла. Я снова стал работать и читать книги. В субботу 17 *пхалгуна*¹¹⁰ 1886 родилась Шьяма Шароджини. В том же году в мае я получил отпуск на месяц и двадцать четыре дня. Психическая болезнь Аннады прогрессировала. Приехал Вайдья Даттахари Махапатра из Ориссы; он сделал *шивагхриту*. Лекарство помогло Аннаде – он чувствовал себя гораздо лучше.

¹⁰⁹ Кханда – раздел, часть

¹¹⁰ *Пхалгуна* – февраль-март.

Переезд в Кришнанагар и милость Шри Гуру

По распоряжению властей от 15 ноября 1887 я был переведён в Кришнанагар в округе Надия. Я открою тебе истинную причину этого. Я избавился от мигрени и много времени уделял изучению литературы в духе *бхакти*. Благодаря обществу некоторых *садху* во мне поднимался дух отрешённости. Я размышлял так: «Моя жизнь прошла впустую; я почти ничего не сделал, не обрел даже вкус к служению Шри Шаччид-ананда Сварупа Радхе Кришне. Поэтому, если получится, я уйду в отставку, стану получать пенсию и куплю маленький участок земли в рощах на берегу реки Ямуны в округе Вриндаван-Матхура, где войду в уединённый *бхаджан*. Однако, в силу моего физического состояния, я не смогу жить в полном одиночестве, поэтому со мной поселится один помощник».

Кандидатом на роль помощника стал Шри Рамсевак Бхактибхринга. Привезя его в Шри Рампур, я попросил его совета, и он высказал своё суждение. В тот период я писал **Шри Амная Сутру**. Рамсевак Бабу уехал в Калькутту, и я сразу же отправился в Таракешвар на работу. Там Господь говорил со мной во сне. Он сказал: «Ты собираешься во Вринда-

ван, но сейчас ты живёшь в двух шагах¹¹¹ от Набавдвипа Дхамы. Сделал ли ты в Навадвипе всё, что необходимо там осуществить?» По возвращении из Таракешвара я вновь призвал к себе Бхактибхрингу и рассказал ему об этом сне. Бхактибхринга посоветовал мне перевестись в Навадвипа Дхаму, о чём я поставил в известность Пикока Саиба, через Гьяну Бабу. Саиб заявил, что мне не стоит переезжать в Надию в ближайшем будущем: «Выйдя в отставку, Вы сумеете заняться изучением древностей». Разочарованный, я остался на старом месте.

Я забыл упомянуть ещё один эпизод. Видя, что я пишу книги о преданности и будучи мной довольны, Шрипад Ачарья Кула (Випина Вихари Госвами) и другие Госвами подарили мне титул «Бхактивинода». Я привожу письмо, им (*Гурудевом*) написанное:

*Шри Шри Рама Кришно джайатах
ири-патта-багхнапада-ниवासибхир госвамибхих
ири-кедаранатха-даттайа бхактайа ииийайа
крипайа бхактивинодопадхих прадатта*

Госвами, обитающие в священном месте Багхна Пара, милостиво дарят титул «Бхактивинода» преданному и ученику Кедарнатху Датте.

*иийийасйа ириматах садхор говинда-чаранаишних
кедаранатха-даттасйа джайо бхавату сарвада*

¹¹¹ Расстояние от Кришнанагара до Набавдвипа – 18 км.

Да будешь ты, наш благочестивый ученик Кедарнатх Датта, не желающий ничего, кроме лотосных стоп Говинды, вечно победоносен.

*прабхои чайтанья-чандрасйа матасйа
чанувартинах
прачаракасйа шастранам бхакти-марга-
правартинам*

Ты с верой следуешь доктрине, которой учит наш Владыка, Чайтанья Чандра, и активно проповедуешь писания, утверждающие путь преданного служения.

*шири-радха-кришна-вишайам тава бхакти
ануттамам
дриштва ко на вимухйета локе'смин вайшнава-прийя*

Видя твою несравненную преданность Радхе и Кришне, о, ты, который дорог Вайшнавам, кто в этом мире не будет очарован?

*йам бхактим лабхитум шашвад ванчанти бхагават-
прийах
там бхактим хридайе дхритва дханйо'си прийа-
севака*

Та преданность, которой самые дорогие спутники Господа вечно желают достичь, пребывает в твоём сердце, поэтому ты – самый удачливый, о, возлюбленный слуга.

*дживасйа дживанопайа эка бхактир гарийаси
ато бхактивинодакхйа упадхих пратигрихйатам*

Верхное и единственное благо для живых существ есть преданность Кришне. Поэтому, пожалуйста, прими этот титул «Бхактивинода».

Написано в 900 г. Эры Чайтанья, в месяце магха.

Подписи:

Шри Бипин Бихари Госвами, Шри Тинкори Госвами, Шри Гопал Чандра Госвами, Шри Гаурачандра Госвами, Шри Рамачандра Госвами, Шри Яджнешвар Госвами, Шри Бинод Бихари Госвами, Шри Ядунатх Госвами, Шри Бинод Бихари Госвами, Шри Йогендра Чандра Госвами, Шри Гопал Чандра Госвами, Шри Хемачандра Госвами, Шри Чандра Бхушан Госвами, Шри Канаилал Госвами, Шри Харадхан Госвами.

Я ответил на милостивое письмо Ачарий следующее:

ири-кришна-чайтанья-чандрадайа намах

Я приветствую Шри Кришну Чайтанью Чандру.

*джайатах ири-рамакришнау багхнапалли-
вибхушанау*

джахнави-валлабхау рамачандра-кирти-сварупакау

Пусть Баларам и Кришна, драгоценности Багхна Пары, возлюбленные божества Джхнави Деви, олицетворение славы Шри Рамачандры Госвами, будут вечно победоносны.

*вйагхро'пи вайинавах сакшат йат-прабхавад
бабхува тат*

*багхнапаллийатмакам ванде шрипатам гауда-
паванам*

Я поклоняюсь деревне Багхна Паре, которая очищает землю Гауды. Её духовная мощь столь велика, что она даже тигра обратила в преданного Кришны.

*ири-вамииваданананда-прабхор вамиа-прадипакан
ачарйянуматам сарван мад-дешика-варан прабхун*

Я также поклоняюсь всем потомкам Шри Вамшиваданананды Тхакура, моим владыкам и наставникам на духовном пути.

*тешам прасада-лешена джадопадхау гате мама
бхактивинода-пракхйатир дасасйа видйате» дхуна*

Лишь маленькой частицей их благословений, отождествление этого слуги с телом исчезло, и с тех пор он стал известен как Бхактивинода.

*йешам крипа-лавенапи бхуиито'хам упудхина
тешам пада-сародже ме саитанга-дандаван-натих*

Их милостью я был благословлён этим титулом и простираюсь у их лотосных стоп.

*ири-рамапуратах | кританджалир ниведанам этат
тешам чира-севакасйа сарва-вайинава-дасанудасйа
бхактивинодападхикасйа ири кедаранатха-даттасйа*

Подписано в Шри Рампуре Кедарнатхом Даттой, ныне титулованным Бхактивинодой, вечным слугой потомков Рамчандры Госвами и всех Вайиनावов.

Ачарьи подарили мне титул «Бхактивинода», и Махапрабху также выразил Своё желание, однако, несмотря на это, ви-

дя, что возникли препятствия на моём пути в Шри Дхаму Навадвипу, я испытывал сильное беспокойство. В то время Шриюта Радхамадхав Басу был заместителем сборщика налогов в Кришнанагаре.

Я предложил ему поменяться местами. Он был полон желания отправиться в Шри Рампур. Переслав властям его письмо с просьбой о переводе в Шри Рампур, я попросил правительство о переводе в Кришнанагар. В ту пору Пикок Саиб уехал; секретарём был Эдгар Саиб. Видя, что возникли проволочки, я послал Эдгару Саибу телеграмму. Он находился в Чапре, в обществе губернатора округа, и ответил, что позволение будет дано со временем. Спустя несколько дней позволение было дано. Указ был подписан 15 ноября 1887.

Как мне описать невзгоды, выпавшие на мою долю? Я вернулся домой в радости, но вскоре опечалился, потому что слёг с сильной горячкой. Моё состояние не улучшалось. Прибыл сборщик налогов Тойнби, выразивший желание отложить дело замены меня другим чиновником. Но я подумал: «Буду я жить или умру, но отправлюсь в Кришнанагар». Я направился в официальную резиденцию в Кришнанагаре, и лихорадка значительно ослабла. Но кашель, слабость и лёгкий жар остались. На протяжении почти двадцати дней я не питался так, как следовало бы для выздоровления. Бхоланатха Бабу, Махендра Мама и все остальные просили меня уйти в отпуск.

Я понимал, что в этом случае не смогу поехать в Надию, поэтому предпочёл не брать отпуск, а поехать в своём немоющем состоянии. Меня сопровождали жена и Махендра Мама. Путешествие было сопряжено с небольшими трудностями, но радость паломничества в Навадвипу затмевала всё. На следующий день по прибытии в Кришнанагар я встретился с коллектором Хопкинсом. Он заметил, что мне не стоит ехать туда в болезни. Начальники возложили на меня обязанности казначея и несложные дела в суде. Когда я пил молоко и приходил в суд, ко мне отчасти возвращались силы, но стоило мне покинуть суд, как я лежал трупом. Я побывал у доктора Расселла, и тот сказал: «Вы настолько слабы, что не в состоянии даже передвигаться. Если Вы не будете принимать лекарства или следовать оздоровительной диете, то умрёте». Ночами у меня был жар, а днём я работал. В течение сорока пяти дней я каждый день выпивал только около литра молока – то было единственное, чем я питался. Временами я думал: «Многочисленные препятствия – хороший симптом». Доктор Расселл предписал мне ежедневно принимать двадцать зёрен хинина вместе с роти и другие лекарства. Благодаря тому что я следовал такой системе, к Рождеству мне стало чуть легче.

Во время рождественских каникул я поехал в Навадвипу поездом в обществе жены. Когда мы прибыли на место, и я увидел эту землю – во всех четырёх направлениях, – то волосы на моём теле встали дыбом. Мы переплыли Гангу,

и я направился в дом Рани,¹¹² и там я позаботился о приготовлении пищи для Шримад Махапрабху. С трудом получив *даршан* Господа, я почтил *прасад* приблизительно в час. После сорока пяти дней диеты я впервые принял зерновую пищу, *энчаре дахл* (суп из молодых джекфрутов), *моча-гханту* (сабджи с цветами бананов), суп и другие блюда, вкусом подобные нектару. С самого рождения я не ел столь вкусных блюд. Даже Биму (Бимал Прасад) съел всё, что у него было на тарелке, и сделал это с большой радостью.

Мы должны были вернуться в дом в Кришнанагаре до наступления вечера и потому, купив кухонные горшки и разную утварь и быстро переплыв реку, сели на поезд в Кришнанагар. На следующий день я отправился в дом Баро Госвами в Шантипуре, принял *прасад* и засветло вернулся домой. В тот период ко мне начали возвращаться силы. Каждую субботу я посещал Навадвипу, где искал места *лилы* Господа, но без особого успеха, и был очень несчастен. В наши дни жителей Навадвипы волнует исключительно то, насколько полны их желудки, и т. п. Они не прикладывают ни малейших усилий, относящихся к местам *лилы* Господа.

¹¹² Рани *Дхармашала* – постоянный двор.

Чудо в Маяпуре

Однажды вечером я, Камал и клерк поднялись на крышу с целью осмотреться.

Было десять часов, темно и облачно. На другой стороне Ганги, в северном направлении, я увидел гигантское здание, залитое светом. Я спросил Камала, видел ли он его, и тот ответил утвердительно. Я задал этот же вопрос клерку, но он сказал, что ничего не видел. Я был в крайнем изумлении. Утром, стоя на крыше дома Рани, я стал разглядывать то место, где было здание, и увидел, что там росло одно дерево *тал*. Местные жители, к которым я обратился с расспросами, рассказали мне, что это отдалённое место известно как Баллалдигхи, и что рядом с ним находятся остатки крепости Лакшмана Сена¹¹³ и другие руины его эпохи. В тот понедельник я вернулся в Кришнанагар, а в следующую субботу вновь приехал в район Баллалдигхи. И снова ночью я увидел в том месте таинственный феномен, а на следующий день пошёл в Баллалдигхи пешком. Расспросив старейшин, я услышал, что это и было место рождения Шримана Махапрабху. Постепенно я осмотрел всё в том районе и установил местонахождение всех маленьких деревень, упомянутых в Чайтанья Бхагавате, а также в Бхактиратнакаре и Парикрама Паддхати

¹¹³ Лакшман Сена (ум. 1206) – третий правитель индуистской династии Сена. Правил Бенгалией в течение 27 лет с 1179 по 1206 год.



Карта местности Навадвип Дхам, Восточная Бенгалия

Находясь в Кришнанагаре, я написал **Шри Навадвипа Дхама Махатмью** и отослал в Калькутту в типографию. Я поговорил с Двариком Бабу, инженером из Кришнанагара, и тот, благодаря своему интеллекту, всё понял. Он составил для меня карту Навадвипы и её окрестностей. В урезанном виде эта карта была также опубликована в Дхама Махатмье. Пока я путешествовал по Навадвипа Дхаме и писал Навадви-

¹¹⁴ Шри Нарахари Чакраварти Тхакур (Гханашьяма Даса) – автор «Бхакти-ратнакары», книги на бенгали, в которой описываются события, последовавшие за уходом Махапрабху, и других работ.

па Дхама Махатмью, я увидел, что было мало возможностей
сделать большее.

Болезни, свадьбы детей, посещение Улы

Я вновь столкнулся с трудностями, заболев. В сезон дождей меня мучила ангина. Я отослал семью в дом, но затем вернул их обратно. Меня лечили, но безуспешно. Врач-европеец сказал мне: «Вам нужно удалить миндалины».

31 января 1888 я был повышен до третьего класса. Понимая, что серьёзно болен, я поехал к доктору Макклауду в Калькутту. Он сказал: «Нет смысла в операции». Он стал смазывать мои железы пара-хлоридом железа. В это время я подал прошение об отпуске. 25 ноября 1888 я получил привилегированный льготный отпуск на два месяца и двенадцать дней. Чиновник, который должен был меня замещать, прибыл на несколько дней позже срока, и в этот период я купил собственность под названием Шри Сурабхи-кунджа.

26 мая 1888 в нашем доме в Калькутте родилась Хари Прамодини.

В месяце Аграхаян я ушёл в отпуск. Махендра Мама, Рамасевак Бабу, я сам, Гопи, Джхапаси и отец Кулады приехали в Сурабхикунджу. Проведя там несколько дней, мы вернулись в Калькутту.

Я забыл упомянуть один эпизод. В том году, когда я находился в Кришнанагаре, в месяце *вайшакха*, в день пол-

нолуния месяца *джьешитха*¹¹⁵ мы с семьёй в карете приехали в Улу. Я был очень счастлив увидеть родину по прошествии столь многих лет. Увидев храм, пруд под названием Калисагар и место своего рождения, я проследовал в старый дом – дом Дасу Мама. Я увидел, что в деревне совершались публичные *пуджи*, включавшие многочисленные драматические представления. В школе проводились лекции. Вечером мы поужинали в доме Варанаси Бабу. На следующий день мы с Камалом вернулись поездом в Кришнанагар. Другие дети на лодке добрались из Ранагхата в Калькутту.

Взяв отпуск, я отправился в Калькутту и встретился с комиссионером Смитом Саибом. Я поговорил с Эдгаром Саибом о переводе. Я сказал ему, что для меня было бы благом переехать в место, более благоприятное для здоровья и несколько более сухое. Он перевёл меня в Маимансимху в подокруге Нетракона. В то время Радхика женился. Невестой была дочь Вишвамбхара Бабу и внука Бабу Гопалы Митры. После свадьбы мы отправились в дом *пхулсаджа* (дом, украшенный цветами после свадьбы), и позже я, Камал и отец Кулады¹¹⁶ совершили поездку в Нетракону. До этого Махендра Мама поехал в Годруму и отослал мои вещи и Джхапаси в Нетракону. На борту лодки я поговорил с Радхаваллабхой Бабу и его братом.

Ещё днём мы достигли Нараяна Ганги. После этого мы

¹¹⁵ *Джьешитха* – соответствует нашим май-июнь

¹¹⁶ Имя молодой жены Радхика Прасада

сели на поезд, прибыли в Маимансимху и проследовали в дом Атула Бабу, заместителя судьи. Утром я встретился с Р. Ч. Даттой Саибом. На следующий день я приступил к работе и какое-то время жил в шатре. У предыдущего заместителя я купил несколько хижин из пальмовых листьев. Я провёл там три месяца, и это было хорошее место. Ты ел всё, что хотел. В изобилии водились фрукты *каканрод*. В Нетраконе было много судебных дел, поскольку жители были низкими людьми. Желая увидеть горы Гаро, мы остановились в шатре в Дургапуре.

Я отправился в путешествие в горы на слоне. Люди из царского дома Сусанга в этом месте получали от нас всевозможные известия. Местные *брамины* были фанатичными *шактами*. Однажды я пригласил жителей Хаджанга на Хари Нут. Их киртан был хорош, с чистыми чувствами. Я видел, что их преданность Шри Гауранге была сильна. В течение трёх месяцев я не покидал место, затем Датт Саиб (Р. Ч. Датт) устроил для меня перевод в Тангаил. В то время он был в отпуске; потому я отправился к Магроу Саибу, после чего уехал.

В то время как мы садились на поезд, Атул Баба принёс документ и сказал Камалу: «Ты сдал экзамен». В тот момент поезд отошёл. Мы сразу же отправились в Таку. Там я остановился в резиденции моего старого друга и кузена, судьи Махендры Натха Митры. Встретившись с комиссионером и осмотрев Таку, мы, в конце концов, провели два дня,

посещая Хари Сабху в Басакше. Из Нараяны Ганджи, рядом с Даккой,¹¹⁷ мы отправились в Гаяланд на пароходе. На реке Падма дул сильный ветер и судно качало. Мы прибыли в Гояланд в начале вечера, оттуда поехали в Калькутту на поезде.

Проведя несколько дней в доме, я, Радхика и Гопи отправились в Тангаил. По прибытии в Тангаил я услышал, что там прошёл торнадо, и многие погибли. Я начал работать, но, видя, что многие тамошние бенгалыцы были не самыми лучшими людьми, я отплыл на лодке-доме в Дакку и начал там путешествовать, что было легко делать благодаря сезону дождей. После того, как я проплавал так несколько дней, отпуск бывшего Бабу-заместителя завершился, и он прибыл. В это время Махендра Мама написал, что меня перевели обратно домой. Наконец, 5 сентября 1889 я был переведён в Бурдван. Из-за недостатка средств деньги были посланы мне телеграфом. Затем мы доехали до Калькутты.

Сразу же по прибытии в Калькутту я услышал, что должен поехать в Хугли, но этого не случилось. Вместо этого я поехал в Бурдван. Сыновья Джанаки Митры попытались помочь нашим людям, доставив багаж в дом рядом со станцией Налиньякши Бабу, и мы остановились там. Сыновья Джанаки Митры, а именно, Мамматх Митра и Гиран Митра, купили материалы моего «Чайтанья Пресс». Они должны были заплатить мне некие дополнительные деньги от этой продажи, но так и не заплатили. Они умерли, что стоило мне по-

¹¹⁷ Дакка – столица современного государства Бангладеш

тери двухсот рупий.

Я покинул дом Налиньякши и остановился в саду дома одного *киатрия*. Спустя пятнадцать дней я прибыл домой. Ли Саиб был первым магистратом, а позже приехал Макгроу Саиб. Находясь в Бурдване, я слёг с высокой температурой, что продолжалось два дня. Возвращаясь раз из Манкара, я заболел лихорадкой. Приехали моя жена и Махендра Мама. Бхоланатх Кавирадж Махашая стал моим добрым другом и лечил меня. По своему желанию Махендра Мама привёз кусок рога динозавра и подарил его мне. Лихорадка ослабла, но ночью мне стало тяжело дышать, и я уснул в страхе – таким образом, я был болен. В то время я начал принимать по половине зерна опиума, по совету доктора и Бхоланатха Кавираджа. Благодаря опиуму я почувствовал себя несколько лучше.

Заместитель Пурна Бабу из округа Кална ушёл в отпуск; я хотел занять его место и потому отправился туда. До этого я дал энную сумму Навадвипа Мандале в Сварупа Ганге, с целью развития Шри Сурабхикунджи. Осмотрев Сурабхикунджу в её естественном состоянии и наблюдая, как прогрессировала работа, я пришёл к этому решению по дороге в Калну. Была надежда увидеть Шри Дхаму Навадвипу и многие другие места, добираясь туда из Калны. 10 марта 1890 я, Бимал, Джхапаси и Пулин Бабу отправились в Калну через Шантипуру. Четырнадцатого числа я отплыл в Самудрагад на лодке и остановился в шатре. Шестнадцатого

числа, после того как я проинспектировал работу в Годруме, был устроен пикник.



Комплекс Нава Кайлаш, Кална Амбика, Восточная Бенгалия

26 марта я отправился в Шрипатх¹¹⁸ в Багхнапаре, где жил в шатре. Я проинспектировал местную школу и провёл заседание суда. Я получил *даришан* Шри Баладевы¹¹⁹ и принял *прасад*. Тридцатого числа я вернулся в Калну. 31 марта Шашибхушан Пал из Джаннагара прислал мне серебряную *мудру* (амулет), которую он получил в Парула Граме.

¹¹⁸ Шрипатх – фамильная резиденция рода Гуру Бхактивиноды.

¹¹⁹ Возможно, подразумеваются Божества Шри Шри Кришна-Баларама в Багхнапаре.

На одной стороне *мудры* было написано: «*шири-шири-чандра-канта-симха-нарендрасья*»

(«Принадлежит Его Величеству Чандраканте Симхе»).

На другой стороне была указана дата – 1212 г. эры Сака, и я понял, что в ту эпоху в Паруле существовало маленькое независимое царство.

9 апреля я посетил Накулу Брахмачари в Пьяригандже. Двадцатого числа – Рамсевака Бабу в Калне. 23 апреля я отправился в Калиграм. Двадцать пятого числа я увидел резиденцию Вриндаваны Даса Тхакура в Денуде. Двадцать седьмого в Калну прибыла моя семья, а 9 мая мы вернулись в Калькутту. 18 мая я отправился в Годруму. Пешком мы с Камалом дошли до Индраркапура, после чего пересекли Гангу, прошли Какшасали и Чупи, достигли полицейского участка в Пурвастхали и пообедали. На следующий день я пешком добрался до Кулии в Навадвипе и получил *даршан* Джаганнатхи Дасы Бабаджи.

В то время, когда я жил в Кришнанагаре, желая совершить некое служение Бабаджи Махашае (Джаганнатху Дасу) в его *бхаджан-кутире*, я построил прочную веранду для него, ценой в почти 150 рупий. 9 июня я передал свои дела заместителю, а десятого числа отправился в Годрум через Шантипур и Кришнанагар. Там я посадил дерево *мадхави*, четырнадцатого числа я принял пищу в доме Шринатхи Чакраварти Бабу и проследовал в Калькутту. 17 июня я вновь приехал в Бурдван. 18 октября, во второй половине дня, я приехал

в Амлайоду. В Амлайоде и Гопалпуре я дал лекцию. 20 октября я вернулся в Бурдван. В тот день меня перевели в Ранигангу. Я пробыл в Раниганге лишь несколько дней. 25 ноября 1890 я был переведён в Динаджпур.

Я отправился в Динаджпур, взяв с собой Рам Севака. Поначалу я жил там в хижине. Ночью я практически перестал дышать: моя болезнь развивалась. Я покинул этот дом и арендовал дом Басанта Бабу. Туда приехали и стали жить Радхика, Камал и Бимал. В то время я был глубоко поглощён литературной работой. Сделав копию Гиты в моём бенгальском переводе, под названием «**Видвад-ранджан**», с комментарием Баладевы, Рам Севак Бабу отправился в Калькуту. Вся семья приехала в дом в Динаджпуре. Нам не нравился этот дом, и мы сняли другой, очень хороший. Именно там Кришна Винодини и Хари Прамодини заболели из-за того, что ели слишком много *джекфрутов*, и страдали в течение почти сорока дней. Мы давали им разные лекарства, но ничто не помогало. На помощь приехал Шриюкта Махендра Мама. За несколько месяцев до этого я подал прошение о длительном отпуске.



Бхактивинод Тхакур с учениками и последователями

Отпуск продолжительностью в два года и начало проповеди

4 августа 1891 я получил отпуск на два года. Я зарезервировал вагон и перевёз семью, слуг и всё имущество в Калькутту. Обе дочери выздоровели в Калькутте, благодаря перемене климата и употреблению положенных лекарств.

В тот период, в месяце *ашвина* я, Рамсевак Бабу, Ситанатх и Ситал Бхритья по воде отправились в Рамдживанпур ради *Нама Прамачары* (распространения Святого Имени). До этого мы создали *Нама Хатту* («Базар Святого Имени»). По желанию Ядунатха Бхактибхушана в Рамдживанпуре мы, прежде всего, направились туда. Хотя в Гхатале было множество *бхакт*, мы сперва поехали в Рамдживанпур. Там мы совершали *Нама Прачару* во многих местах и были очень счастливы. Оттуда мы проследовали в Каяпатх Баданганджу и дали там лекцию. Проведя в том районе тринадцать дней и завершив визит лекцией в Гхатале, мы вернулись. Мы совершали *Нама Санкиртану* повсюду.

По возвращении в дом в Калькутте я отправился в Сурабхикунджу. Мы совершали там много *санкиртана*. В Кришнанагаре было множество обществ, и я начал выступать в них с лекциями. Монро Саиб, Гупт Саиб, преподобные Уолос и Батлер – все они слушали мои лекции. После дождей Махендра Мама серьёзно заболел в Динаджпуре.

Паломничество в Шри Вриндаван Дхам

15 пхальгуна¹²⁰ 1892 я, Бхактибхринга и Тарак Брахма Говдами отправились в Басихару ради Нама Прачары. Шестнадцатого числа мы провели Нама Хатту в Баджитпуре. Девятнадцатого числа я дал лекцию и проповедовал в Дандирхате.



*Карта священных мест Браджа «Шри Браджа Манда-
дала»*

¹²⁰ Пхальгуна или фальгуна – соответствует нашим февраль-март

27 *пхальгуна* 1892 я отправился в паломничество в Шри Дхам Вриндаван, взяв с собой досточтимого Бхактибхрингу. В тот день мы отправились в Амлайоду. С большими трудностями я доставил Махендру Мама на паланкине в дом Кшетра Бабу. Я провёл *экадаши* в обществе Шри Джаганнатхи Дасы Бабаджи Махашай, а на следующий день я учредил *Прапанна-аишрам*.

29 *пхальгуна* я проповедовал в Гидходе. Тридцатого числа – в Баксаре. Первого числа месяца *чайтра* я приехал в дом Уманатха в Аллахабаде. 6 *чайтра* я выехал из Аллахабада в Этву.

8 *чайтра* я проповедовал в Хатрасе. Там из моего кармана вытащили кошелёк. Одиннадцатого числа, недолго пробыв в Бхандираване, мы добрались до Матхграма.

12 *чайтра* мы посетили Манасаровар.

Тринадцатого и четырнадцатого числа мы находились во Вриндаване, пятнадцатого – в Матхуре, шестнадцатого увидели Гокулу, а семнадцатого увидели Мадхубан, Махалиграм, Кришнакунду, Талаван, Бадажевакунду, Кумудаван (где поели), Сантанукунду и Бахалаван. Восемнадцатого числа мы отправились в Гири Говардхан через Радхакунду. В ту ночь у меня поднялась температура и не спадала весь следующий день. Двадцатого числа я один направился во Вриндаван.

29 *чайтра* мы поехали в Агру. 1 *ваисакха* мы поехали в Аллахабад через Канпур. Мы совершили второе путеше-

ствие, следуя тем же маршрутом, затем, в ходе третьего путешествия, мы прибыли в Калькутту через Гидход. Спустя несколько дней, 7 *вайшакха*, я достиг Праяга и получил известия о Махендре Мама.

По возвращении в дом в Калькутту я проповедовал и выступал в разных местах. Я жил то в Годруме, то в Калькутте. Время от времени я давал лекции в Кришнанагаре. Наступил 1893 год, и в том году, в обществе многочисленных *Вайшнавов* Шри Джаганнатха Даса Бабаджи Махашая прибыл в Шри Маяпур на фестиваль *даршана* и в Шри Годрум на фестиваль совместного воспевания.

Пребывание в Айодхье

Спустя полтора года отпуска почти настало время возвращаться на работу. Привезя письмо от К. Г. Гупты Бабу и поговорив с Коттоном Саибом, я попросил пост в Кришнанагаре. В то время Саркар Бахадурер, которому был нужен квалифицированный человек в подокруге Сасарам, попросил меня отправиться туда. Я поехал 2 апреля 1893 в надежде получить эту должность. До этого я был повышен до второго уровня. Я потратил какое-то время из своего отпуска и отправился в Сасарам, поскольку невозможно было получить результат, не вернувшись к работе.

Моя жена, Биму и Шайлу поехали со мной. В Сараме стояла сильная жара, но опахала приходили на помощь. Живя в гуще деревни рядом с рекой Соной, я был очень счастлив. Аникату находился в Дихире, работая в правительстве Бенгалии, которое было неподалёку. Красота Соны (реки, которая опоясывает Айодхью) и звук текущей воды завораживали.



Рам Гхат, Айодхья, Уттар Прадеш

В то время, когда я находился в том месте, там возник серьёзный конфликт индусов и мусульман из-за убийства коров. В течение многих лет отношения индусов и мусульман были хорошими, но из-за убийства коров им пришёл конец. Чувства враждебности были взаимными, и между двумя группами происходили постоянные стычки. На протяжении долгого времени Сасарам был домом мусульман. Их предок Сер Шах Бадаша имел здесь резиденцию.

В Сасараме было множество аллей и переулков, и мусульмане жили с индуистами в тесном соседстве. Из-за этого возникала масса поводов для стычек. Размеры их увеличивались с каждым днём.

Некий *Вайшнавский санньяси* купил маленький участок

земли рядом с моим судебным офисом. Он пытался построить там храм. Мусульмане настаивали на том, что храм там строить нельзя. *Санньяси* поговорил со мной, а я поговорил с мусульманским *серестадарой*, чтобы знать мысли местных мусульман по этому вопросу. *Санньяси* не стал дожидаться итогов разговора и начал строить храм. В тот день я находился в Насариганге. Мусульмане пришли на тот участок земли с палками и мечами, чтобы сражаться. Лидеры мусульман послали телеграмму правительству, и комиссионера поставили в известность, что *санньяси* строит храм на мусульманской усыпальнице (мавзолее) и что это делается с помощью индийских чиновников.

Многие письма были посланы в связи с этим делом. Мне, как индийскому чиновнику, было тяжело оставаться в Сасараме и сохранять беспристрастность. Я приложил многочисленные усилия к тому, чтобы покинуть Сасарам. Мои старшие чиновники всячески мне помогли, и правительственные секретари сообщили мне, что перевод в другое место состоится в подходящее время.

Я путешествовал по разным местам в ту пору и однажды проводил заседание суда в бунгало в одной из деревень. В ту ночь я получил телеграмму от магистрата Крина Саиба, писавшего: «Поезжайте в Коятх как можно быстрее», что я и сделал. В Коятхе конфликт был в самом разгаре. В то время заместителем инженера был Гопала Бабу. Немедленно я связался со своим поваром и слугой, находившимся в бунгало

в Сасараме, прося, чтобы они приготовили еду рано утром. Поздно вечером я взял повозку и отправился в путешествие. Я прибыл в Коятх в четыре часа пополудни, поев утром в Сасараме, и заставив возницу гнать. Коятх находился в 40 милях от Дихира.

Я прибыл в Коятх, крайне усталый от поездки в этой повозке. Позже вечером я посоветовался с Крином Саибом, а на следующий день утром Крин Саиб возложил на меня ответственность администратора и отбыл в Ару. Инспектируя суд, я узнал, что в деревне был превосходный *браминский* бык. *Брамин* уехал в Пурушоттам, не взяв с собой быка. По возвращении он стал искать быка, а не найдя, заключил, что местные мясники убили его и съели. *Брамин* бросил вызов мусульманским мясникам, и те отвечали: «Что там твой бык! В будущем мы убьём пять коров на глазах у каждого индуса в базарный день! Что смогут сделать индусы, видя это?»

Услышав это заявление, *брамин* разгневался и рассказал всем индусам. Он также написал уважаемым гражданам города с тем, чтобы положить конец убийству коров. В базарный день почти 4000 индусов со всей области и из-за её пределов с копьями и мечами в руках пришли в дом мясника, который убежал. Они произвели лёгкий беспорядок, но, не видя этого человека на вражеской стороне, рассеялись. Во второй половине дня мусульмане собрались большой толпой, вооружённые пистолетами и мечами, и ранили несколь-

ких индусов. Раненые были отвезены в больницу.

С промедлением приехала полиция, но не смогла ничего сделать. Наконец они увидели, что мусульмане создают возмущение, но, поскольку первыми в руки взяли оружие индусы, а не мусульмане, зачинщиками посчитали индусов. Я дал указание полиции доставить мне первое дело по этим беспорядкам.



«Священная корова и 84 божества», худ. Раджа Рави Варма

Внимательно опросив свидетелей с обеих сторон, я присудил двухлетнее тюремное заключение нескольким индусам. Затем, в ходе суда над мусульманами, выслушав их сторону, я присудил к такому же сроку некоторых из них. Они обрати-

лись в высший суд, протестуя против моего решения, но оно осталось в силе. Правительство разместило в Коятхе специальные полицейские силы, с тем чтобы водворить мир.

Для меня было очень болезненно судить в этом случае. Я без пристрастия отнёсся к обеим группам и присудил одинаковое наказание. Из-за этого индусы говорили, что индийский чиновник магистрата должен где-то отдавать предпочтение индусам. Мусульмане же говорили, что источником проблем служили индусы, однако не понесли большего наказания. Только посмотри – все мои решения там никого не радовали. Пока я находился в Сасараме, Прабхавати была выдана замуж в месяце *вайшиха*, а Камал женился в *шраван*.

Возвращение в Надию

Я написал Коттону Саибу, и он перевёл меня в Надию из Сасарама. Дни моих тревог были окончены. В октябре я поехал из Сасарама в Калькутту.

Я не медлил, но отправился прямо в Кришнанагар. В то время Бернارد Саиб был сборщиком налогов. Моя резиденция находилась в доме Каши Бабу рядом с домом Мономохана Гхоши. Я купил повозку и пару лошадей. Пока я жил в доме, твой старший брат, Манибабу, Чару Бабу и другие – все приехали зимой. Приехала и Шьяма Шароджини, и провела там какое-то время. Работы было не слишком много, но во время суда над одним вором я устал. Всякий раз, когда коллектор отправлялся в Мапхасил, я оставался старшим чиновником, и вся ответственность за главные города ложилась на мои плечи. В тот период я инспектировал *гаолы*.

Ты уехал в Кришнанагар в декабре, а к февралю ты был принят там в колледж. Время моей отставки быстро приближалось, поэтому я послал тебя в Калькутту, несмотря на сезон дождей.

Бхактаватар Дварик Бабу сказал мне однажды, что написал письмо Напхару Бабу о том, чтобы устроить поклонение в Шри Маяпуре. Я одобрил и организовал собрание в здании школы в Кришнанагаре в январе 1884. 2 *магха* в воскресенье собрание было проведено. Его посетили многие учёные.

Дварик Бабу и я объяснили суть, и Випина Вихари Госвами санкционировал *пракаша севу* (проявленное или внешнее служение) Маяпуру. Было учреждено общество под названием «Шри Шри Навадвипа Дхама Прачарини», и Напхар Бабу был назначен председателем этого общества. В ходе собрания были собраны средства и принято решение учредить служение Шри Мурти.

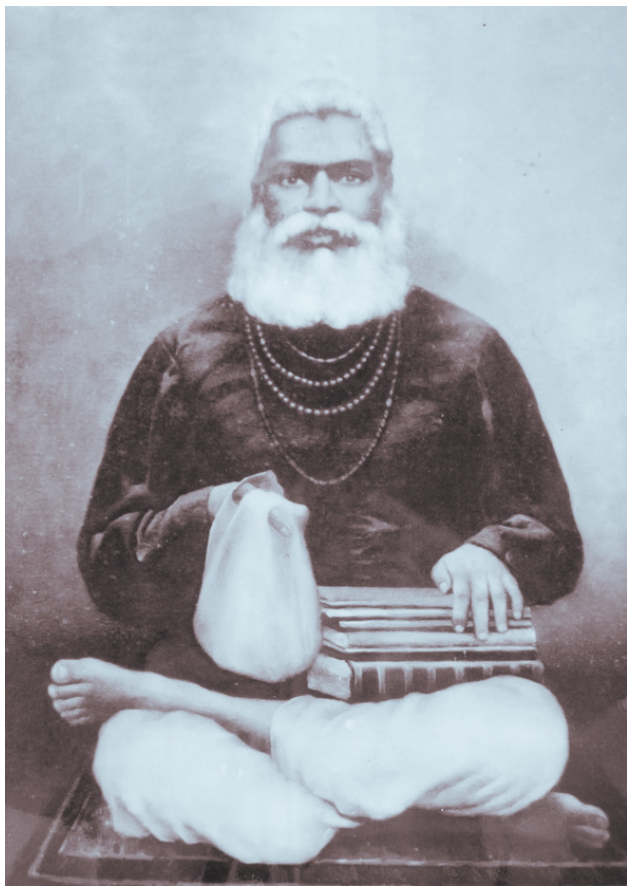
8 *чайтра* призошла грандиозная церемония установления Божества, и прибыли бесчисленные участники. Среди жителей Навадвипы поднялась волна зависти в связи с открытием Старой Навадвипы. Они начали распускать слухи и всячески оскорблять поклонников Гауранги, но разве стали бы те, кто вручил свои жизни лотосным стопам Гауранги, отступать из-за разговоров низких людей? Не обращая внимания на речи мирских завистников, они организовали строительство храма и поклонение Господу в нём.

Вся наша семья и мои ученики отправились в Шри Сурабхикунджу, чтобы принять участие в фестивале в Шри Маяпуре. До этого, покинув дом Каши Бабу, я поселился в арендованном доме в муниципалитете Кришнанагара. Ты также был со мной какое-то время.

Благодаря усилиям помещика Напхара Бабу в Шри Маяпуре было учреждено постоянное поклонение, и постепенно всё развивалось. Однако, когда я прибыл туда, то увидел, что нужно было следить даже за мелочами из-за неподобающего надзора. Я столкнулся с необходимостью собирать у пуб-

лики средства на строительство храма. Однако в то время я был заместителем магистрата и потому не мог собирать средства и стал ждать отставки, которая должна была последовать за многолетними трудами.

Отставка



Шрила Бхактивинод Тхакур

Комиссионер Саиб прибыл в Кришнанагар и посоветовал мне задержаться на работе. Я поблагодарил его, но у меня не было желания продолжать работу, поэтому в октябре 1896 г. я вышел в отставку, перевёз все свои вещи в Шри Сурабхикунджу и поселился в ней. В том году случился сильный ураган и вода достигала улиц Сварупаганджи. В Шри Сурабхикундже я провёл месяц. Я купил 16 000 кирпичей и построил стену вокруг кунджи. Весь октябрь уровень воды в реке был высок, и я не мог отправиться в Шри Саяпур.

Когда я приехал в дом в Калькутте, то начал в обществе Рамсевака Бабу собирать пожертвования на храм в Шри Маяпуре. Я выходил просить милостыню каждое утро, и, собирая деньги мало-помалу, я постепенно сумел послать 1600 рупий Напхару Бабу на покупку кирпичей.

О, Лалита Прасад, все события моей жизни вплоть до отставки я изложил в этом письме. Ты будешь знать всё, что станет происходить, начиная с настоящего момента.

21 июня 1896

Бхакти Бхаван, Калькутта

Твой отец

Шри Кедар Натха Датта Бхактивинода

Так заканчивается Сваликхита Дживани Такуры Бхактивиноды.

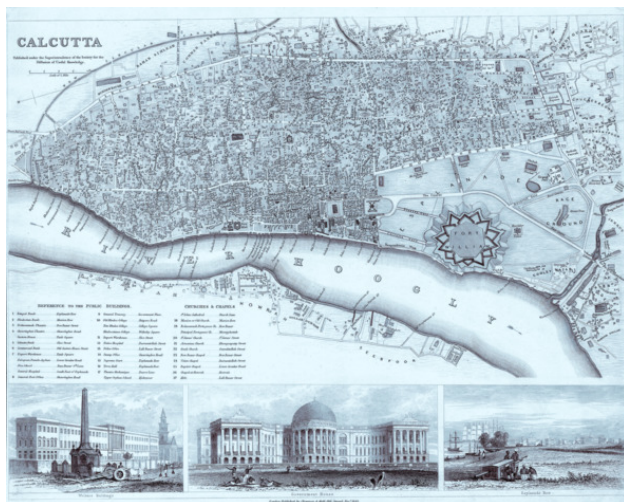
Дневник заканчивается 1896 годом, когда автору было пятьдесят восемь, после чего он прожил ещё

двадцать лет.

Приложения

Ула/Бирнагар и род Шрилы Бхактивиноды Тхакура: краткий очерк

Официально Ула/Бирнагар находится на расстоянии 81 км на север от Калькутты; в наши дни это практически часть города.



Карта Калькутты, Западная Бенгалия, 1842г.

Точная дата возникновения и ранняя история Улы окутаны мраком тайны. Судя по всему, деревня существовала уже во второй половине семнадцатого столетия. В ту эпоху Ула находилась на берегу реки Бхагиратхи, самого западного устья Ганги, за 100 км вверх по течению от Калькутты. В 1707 река переместилась на несколько миль на запад.

Тот факт, что современный Бирнагар звался Улой до времён британской колонизации, упоминается в рассказе Рабиндранатха Тагора «Начальник почты», а также в романе «Апораджито» Бибхутибхушана Бандопадхьяи.

Ула стала известна к концу семнадцатого столетия. В то время предок Бхакти Виноды, тамошний заминдар Рамешвара Митра (о происхождении рода Митр см. ниже) занял видное положение в качестве сборщика налогов и главного аудитора (счетовода) при дворе Наваба Бенгалии Шаисты Кхана и Муршида Кули Кхана в Муршидабаде. Рамешвар Митра посетил Дели в период правления Аурангзеба (1618—1707). Он произвёл на шестого правителя Империи Великих Моголов настолько благоприятное впечатление своими трудами, что император удостоил его титула «Мустафи» и наградил золотой ладонью («панджа»).

Панджа – царская печать, отпечаток царской ладони. «Золотая ладонь», полученная от Аурангзеба, стала родовой эмблемой Митр. «Золотая ладонь» использовалась для на-

несения *синдура* (вермиллиона) во время свадеб членов рода Митр. Позже подарок императора был потерян; судьба его неизвестна. Оригинальный титул писался как «Мустаупхи». Позже он был англазирован и превратился в «Мустхапи», а затем в «Мустафи» (не следует путать с именем Мустафа). Таким образом, имя Мустафи первоначально было мусульманским титулом, указывающим на аристократизм носителя. Позже оно стало бенгальской фамилией, распространённой даже среди богатых помещиков-индусов.



Родовая эмблема Митр

В середине 1840-ых годов семья Митры Мустафи оказалась отягощена многочисленными долгами. Они сохранили обширные земельные владения в округе Муршидабад, на се-

вер от Калькутты, но с того времени как был издан «Закон о постоянном землеустройстве», многие из их владений были утрачены, будучи проданы с аукциона властями.

«Закон о постоянном землеустройстве» 1793 года был издан в период правления лорда Корнуоллиса (Корнваллиса) (1786—1793) в качестве меры стабилизации доходов от землевладений и улучшения состояния земли. Закон признавал заминдаров владельцами земли до тех пор, пока они платили правительству ежегодный налог. К несчастью, размеры налога были столь велики, что многие заминдары испытывали серьёзное давление властей, требовавших платы. Когда заминдар оказывался неплатежеспособным, его землю выставляли на аукционе. Всё это привело к полному разорению многих бенгальских землевладельцев, включая семью Мустафи.

Представители рода Митр были не только заминадарами, но и ревностными индуистами, пионерами проведения в Бенгалии *Дурга-пуджи*, *Джагаддхатри-пуджи* и *Кали-пуджи*, а также создателями знаменитых терракотовых храмов Чанди, Кали и Шивы в Уле-Бирнагаре и Сукхариа-Балагархе.

Приблизительно за столетие до времён Бхактивиноды разбогатевший Митра Мустафи начал строить особняки и храмы, благодаря чему Ула превратилась в процветающий городок.



Комплекс Ананда Бхайрави, Ула, Западная Бенгалия

В 1707 году река Хугли переменяла своё течение, и Ула, которая до того была островом на Хугли, стала приходить в упадок.

Этому способствовало и то обстоятельство, что некоторые представители рода Митры Мустафи мигрировали в Сукхарию и Шрипур в Хугли. Золотым дням Улы окончательно настал конец в 1857, когда большинство её жителей погибло от эпидемии (холеры или чумы), и эти события описаны в тексте «Сваликхита Дживани».

В девятнадцатом столетии Махадев Мукхерджи (часть Улы принадлежала заминдарам Митрам, а часть – заминдарам Мукхерджи) положил конец преступлениям двух знаменитых разбойников – Вайдьянатха и Вишванатха. После это-

го Улу стали звать Бирнагаром – «городом смелых».

В начале «**Сваликхита Дживани**» Шрила Бхактивинода Тхакур. называет имена своих предков и по матери (Митра Мустафи), и по отцу (Датта), и кратко рассказывает историю своего рода:

«Я появился на свет потомком Пурушоттамы Датты, каньякубджа каястхи. Шри Пурушоттама Датта был величайшим из числа пяти каястх, пришедших в Гауду по приглашению царя Адисуры. Эти пятеро были Макаранда Гхош, Дашаратха Васу, Калидас Митра, Дашаратха Гуха и Пурушоттама Датта».

Каястхи

Каястхи являются неоднородной кастой¹²¹ и делятся на множество подгрупп. Различные региональные ветви касты имеют различный *варновы́й* статус и, соответственно, различный социальный и ритуальный статус. Даже в одном регионе у различных подгрупп *каястхов* есть различный ритуальный статус. Большинство *каястхов* Северной Индии ведут своё происхождение от сыновей бога Читрагупты (индийский бог справедливости и правосудия, ведущий учёт земных деяний людей и решающий их судьбу после смерти).

Каястха – индийская каста (группа подкаст), представители которой традиционно работали писцами, архивариусами, хранителями актов и счетов, составителями исторических хроник и генеалогических списков правящих династий, управителями поместий и туземных княжеств, казначеями и счетоводами.

Поскольку в средневековый, могольский и британский периоды *каястхи* были наиболее грамотными и даже образованными людьми, из их среды вышли многие советники правителей, министры, сотрудники административного аппарата, предприниматели и представители интеллигенции. В независимой Индии значительное число *каястхов* рабо-

¹²¹ Каста – *джати* или род. Не путать с варной (брахман, кшатрий, вайшья, шудра).

тает офисными клерками, бухгалтерами, инженерами, врачами, менеджерами, юристами и государственными чиновниками, а также занимается бизнесом, политикой и искусствами. В начале XXI века в Индии насчитывалось около 800 тыс. *каястхов*, они распространены по всей северной Индии – в Раджастхане, Харьяне, Дели, Уттар-Прадеше, Бихаре и Западной Бенгалии (крупнейшая община), а также в Мадхья-Прадеше, Чхаттисгархе, Джаркханде, Ориссе и Махараштре.

Бенгальские *каястхи* утверждают, что их предки в XI веке прибыли в Бенгалию из Каннауджа по приглашению правителей из династии Сена. Все бенгальские *каястхи* считают своим прародителем Читрагупту. Небольшая группа *каястхов* Махараштры ведёт своё происхождение от кшатрийского воина Чандры Сены (известны как *чандрасени*). Другими значительными подгруппами *каястхов* являются *барендра*, *бангия* (или *рархи*), *бхимани*, *манак-бхандари*, *дэсхамария* и *панчоб*.

Североиндийские *каястхи*, ведущие своё происхождение от Читрагупты, делятся на две ветви – *кулин* (родовые) и *маулик* (жалованные), а также на 12 подкаст – *матхуры*, *саксены*, *нигамы*, *бхатнагары*, *карны* (*караны*), *астханы*, *сурдхваджи* (*сурадждхваджи*), *гоуры* (*гауры*), *шриваставы*, *амбастхи* (*амбаитхи*), *кулиреитхи* и *валмики*. Среди *каястхов* наиболее распространены фамилии Басу (Босу, Бошу, Бос), Прасад, Бхатнагар, Шривастава, Гхош (Гош), Каран

(Карн), Митра, Нигам, Пал, Аич (Аитч), Карник, Гуха и Датта.

Таким образом, по отцу Бхактивинода был Даттой, а по матери – Митрой.

Шри Випинавихари Госвами (1850—1919)

*випина-вихари прабху мама прабху-вара
ири вамииваданананда-вамиа-шаишадхара*



Випин Вихари Госвами

«Випина Вихари Прабху, мой возвышенный Владыка, является лучезарной луной рода Шри

Вамшиваданананды».

Шрила Бхактивинод Тхакур, «Бхагават-арка-маричи-мала»

*випина-вихари хари тара шакти аватары
випина-вихари прабху-вара
шири-гуру-госвами-руне декхи море бхава-купе
уддхарило апана кинкара*

«Випина Вихари, мой возвышенный Владыка, является проявлением могущества Господа Хари. Видя, что я нахожусь в тёмной дыре мирского существования, он явился в образе *Гуру Госвами*, дабы вызволить своего слугу».

*Шрила Бхактивинод Тхакур, «Амрита-праваха-бхашья»,
комментарий к Шри Чайтанья-чаритамрите*

Випинавихари Госвами, *Гуру Бхактивинода Тхакура*, был членом знаменитого и уважаемого сообщества *Госвами*, веками обитавшего в городе Багхнапара на северо-востоке округа Бардхаман в Западной Бенгалии. Большинство Госвами в этой области возводит свой род к спутнику Шри Чайтаньи Вамшивадане (Вамшиваданананде Тхакуру). Випинавихари Госвами принадлежал девятому поколению потомков Вамшиваданы.

Шриман Лалита Прасад Датта

Шриман Лалита Прасад Датта (1880—1981) – сын Шрилы Бхактивиноды Тхакуры.

«Сваликхита Дживани», автобиографический дневник Бхактивиноды, был написан по его просьбе.

В юности Лалита Прасад получил образование в колледже Кришнанагара, после чего поступил на правительственную службу, подобно отцу.

Он был лично посвящён Бхактивинодой в традицию Гаудия Вайшнавизма. После ухода Бхактивиноды Лалита Прасад какое-то время сотрудничал со своим старшим братом Бималой Прасадом, Бхакти Сиддхантой Сарасвати Го-свами, развивая начатый ещё Бхактивинодой «проект» в Ма-япуре, однако впоследствии предпочёл покинуть его обще-ство.

В 40-ые годы прошлого века, после выхода в отставку, он поселился в месте рождения Бхактивиноды в Уле/Бирнагаре, рядом с древним храмом Ула Чанди, где поклонялся Боже-ствам Гауры-Гададхары, совершал бхаджан и писал книги.

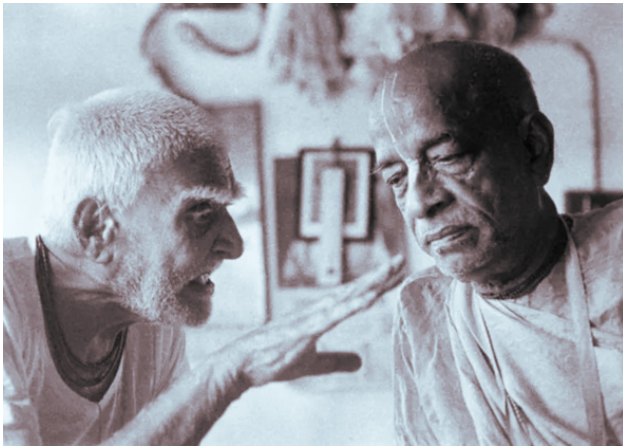
Он вёл образ жизни традиционного *Гаудия-вайшнавского бабаджи*; число его учеников было невелико.

Именно в Уле в 70-ые годы его несколько раз навещал А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, основатель Между-народного общества сознания Кришны, который прилагал

массу усилий к тому, чтобы сохранить Гаудия Вайшнавские святыни в Индии, включая место рождения Шрилы Бхактивиноды Тхакура.

В наши дни ISSCON в сотрудничестве с учениками и последователями Лалиты Прасада Тхакура восстанавливает обветшавшие здания и территорию в Уле, а также работает над сохранением оставшейся от Лалиты Прасада библиотеки, включающей рукописи Бхактивиноды.

Ниже помещено фото, сделанное во время встреч Шримана Лалиты Прасада Тхакура и Шрилы А. Ч. Бхактиведанты Свами, а также перевод письма на бенгали, которое Свами Махарадж написал Тхакуру, находясь в Москве:



*Шриман Лалита Прасад и А. Ч. Бхактиведанта Сва-
ми*

Гостиница «Националь», Красная площадь, Москва, Россия

21-ое июня 1971.

*Мой дорогой дядя Прабхупада Лалита Прасад Тхакур,
Пожалуйста, примите мои смиренные поклоны Вашим
лотосным стопам.*

В настоящее время я проживаю в вышеупомянутом отеле в Москве, в комнате номер 356, в обществе двух американских учеников.

Предметами моей проповеди в этой стране будут:

1. Ведическая концепция коммунизма. 2. Знание, полученное в рамках авторитетной традиции. 3. Общество, в котором отсутствует деление на классы, организованное в соответствии с научными принципами. Теперь, благодаря Вашим благословениям, в этой совершенно атеистической стране будет проповедовано учение Шримана Махапрабху.

Здесь нас посетили многие местные и иностранные девушки и юноши. Я советую им совершать Бхаджану Господа. Некоторые местные юноши были весьма впечатлены, услышав нашу Харинаму. Они хотели бы присоединиться к нашему движению, однако законы этой страны настолько суровы, что они не могут их нарушить. Сейчас мы пытаемся устроить встречи с несколькими видными профессорами, а в индийском посольстве состоится моя лекция. Благословите меня.

Отсюда я полечу в Париж, потом в Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Лондон и т. д. Это мой первый визит в Москву. Если Вы пожелаете мне написать, то пишите на адрес 3764 Watseka Avenue

С любовью, Ваш Шри Бхактиведанта Свами

Шрила Бхактисиддхантa Сарасвати

Дело и духовно-философскую линию Шрилы Бхактивинода Тхакура продолжил его сын Шрила Бхактисиддхантa Сарасвати (именуемый в этом дневнике Бимал Прасад), подробности его жизни и миссии можно узнать из книги **«ПРАБХУПАДА. Жизнь и идеалы Бхактисиддханты Сарасвати»**

